

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

- ◆ Экономика
- ◆ Политика
- ◆ Право

**2018
№ 1–2**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

Журнал основан в 1999 году

Учредитель журнала – Дальневосточный федеральный университет
Министерства образования и науки Российской Федерации

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

**В.И. Курилов, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Ч.Р. Айриш, П.Я. Бакланов, В.Г. Белкин,
Е.П. Жариков, С.Д. Князев, А.И. Коробеев, Ли Се Ун,
Пак Ноенг, В.Ф. Печерица, Н.Г. Присекина,
Дэниел Снайдер, Фу Куен-чен, Хуан Даосю**

**2018
№ 1–2**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

Адрес редакции:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ,
корп. А (24), к. А920–923

Дальневосточный федеральный университет

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (* 2383). Факс: +7 (423) 243-23-15

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-1-2

Владивосток

Дальневосточный федеральный университет

2018

PACIFIC RIM

- ◆ Economics
- ◆ Politics
- ◆ Law

The Journal was established in 1999

The founder: Far Eastern Federal University
The Ministry of Education and Science of the Russian Federation

EDITOR-IN-CHIEF

**V.I. Kurilov, Professor, Doctor of Law,
Honorary University Educationalist of the Russian Federation**

EDITORIAL BOARD

**C.R. Irish, P.Y. Baklanov, V.G. Belkin,
E.P. Zharikov, S.D. Knyazev, A.I. Korobeev, S.U. Lee,
N. Park, V.F. Pecheritsa, N.G. Prisekina,
D. Sneider, K.C. Fu and D. Huang**

**2018
№ 1–2**

**Research
and Socio-political
Journal**

Address:

Far Eastern Federal University
A920–923 Office, Bldg. A (2), Ajax St.,
Vladivostok, Russky Island, Russia, 690922
Tel.: +7 (423) 265-22-35 (* 2383). Fax: +7 (423) 243-23-15

Registration Certificate ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016
DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-1-2

Vladivostok
Far Eastern Federal University
2018

Содержание

К читателям журнала	6
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН АТР	9
<i>Жариков Е.П.</i> Аспекты двойственности отношений Китая и России на Дальнем Востоке	9
<i>Горячева Е.А.</i> Реализация совместных проектов на Дальнем Востоке в рамках плана «Восьми пунктов» японо-российского экономического сотрудничества Синдзо Абэ в СМИ России и Японии	19
<i>Клачкова О.А., Сучкова О.В.</i> Разнообразие и социально-экономическое развитие регионов в отдельных странах Азии	38
<i>Сергеев А.С., Куприянов Б.Е.</i> Работа российских морских рыбных портов в условиях реструктуризации экономики рыбного хозяйства	52
<i>Казаков, М.А., Беспалов Д.Н.</i> Публичная экспертиза: проблемы институционализации в приоритетах политики развития	65
ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ	79
<i>Самсон Б. Р.</i> Филиппины: борьба с терроризмом	79
<i>Надточий Ю.В.</i> Экологическая безопасность как объект экологических преступлений	96
<i>Князева Е.А., Князева Н.А.</i> Воздушное судно как предмет и средство совершения актов незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации	107
ЗАКОН И ПРАВО	117
<i>Шишов А.А.</i> Новое в определении пределов уголовной ответственности: прогресс или регресс	117
<i>Кучина Я.О.</i> Законодательное регулирование облачных технологий в некоторых странах Азиатско-Тихоокеанского региона	131
<i>Кошель А.С.</i> К вопросу генезиса учения о парламентском праве	140
Сведения о членах редколлегии	152

Contents

To the Readers	6
SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT OF ASIA PACIFIC COUNTRIES .	9
<i>Zharikov Evgeniy P.</i> Duality of relations between China and Russia in the Far East	9
<i>Goryacheva Elena A.</i> Realization of Shinzo Abe's 'Eight-point plan' of Japanese-Russian Economic Cooperation in the Russian Far East through Mass Media of Russia and Japan	19
<i>Klachkova Olga A., Suchkova Olga V.</i> Diversity and socio-economic development of regions in some Asian countries	38
<i>Sergeev Alexander S., Kupriyanov Bogdan E.</i> Operation of Russian fishing sea ports in the context of fishery restructurization	52
<i>Kazakov Mikhail A., Bepalov Dmitry N.</i> Public expertise: problems of institutionalization in priorities of development policy	65
CRIMES AND RESPONSIBILITIES	79
<i>Samson Benjamin R.</i> Philippines: the fight against terrorism	79
<i>Nadochiy Julia V.</i> Environmental safety as an object of environmental crimes	96
<i>Knyazeva Ekaterina A., Knyazeva Natalia A.</i> Aircraft as an object and means of performing an act of illegal interference with the activity of civil aviation	107
LAW AND LEGISLATION	117
<i>Shirshov Alexey A.</i> The new in the definition of the criminal liability limits: progress or regress	117
<i>Kuchina Yaroslava O.</i> Legislative regulation of cloud technologies in some countries of the Asia Pacific region	131
<i>Alexey S. Koshel.</i> On genesis of the parliamentary law theory	140
Editorial Board's Data	152

К читателям журнала

Либерализация экономики Российского Дальнего Востока (РДВ) создала реальные условия для развития внешнеэкономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Безусловно, интеграция в экономику тихоокеанских стран объективно зависит от комплекса политических, экономических, военно-стратегических и социально-психологических условий. Недостаточное внимание к ним и их слабая изученность чреваты замедлением интеграционных процессов. Поэтому издание журнала «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» весьма актуально в целях содействия развитию фундаментальных и прикладных исследований в области регионального сотрудничества РДВ со странами АТР, освещения проблем его участия в развитии интеграционных процессов, решения задач подготовки высокопрофессиональных специалистов в области международных отношений.

В соответствии с целью журнала, издаваемого Дальневосточным федеральным университетом, его рубрики содержат:

- статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности РФ, политике, международному сотрудничеству стран АТР, Дальнего Востока, Приморского края;
- архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;
- социологические исследования по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;
- справочные и законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;
- сравнительно-правовое исследование особенностей законодательства России и стран АТР в сфере противодействия новым угрозам и вызовам в условиях глобализации;
- обзоры деятельности региональных организаций;
- сообщения, официальную информацию по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты – демографические, экологические и пр.

Учитывая важность затрагиваемых в журнале проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов, научных институтов, специалистов, знающих на практике проблемы Дальнего Востока и регионального взаимодействия.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать:

- материалы, согласно указанной рубрике, объемом не более 15 страниц машинописного текста, включая список литературы;

- Ф.И.О. (полностью), учёную степень и учёное звание, должность, место работы – на русском и английском языках, E-mail для связи с читателями;
- название статьи, УДК, аннотацию (250–300 слов), ключевые слова (не менее 20);
- ссылки внутритекстовые помещать в квадратных скобках, например, «Согласно работе [5]», или при цитируемой ссылке «[5, с. 18]»;
- Список литературы (на русском яз.) и References (транслитерация BSI, пер. на англ. яз.) – в конце статьи; обязательно указывать общее количество страниц в печатном источнике;
- поля: все – 20 мм. К рукописи прилагать электронный вариант, шрифт Times New Roman, № 14.

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учёными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу:

690950, Владивосток, ул. Суханова, 8, зам. гл. редактора.

Информация о журнале в Интернете: apr-magazine.dvfu.ru

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (*2383). Fax: +7 (423) 243-23-15.

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

To the Readers

Liberalization of the economy of the Russian Far East (RFE) has created the environment for development of foreign economic ties with the countries in the region of Asia-Pacific (APR). Of course, that integration into the economies of the Pacific countries objectively depends on a complex blend of political, economic, military, strategic and socio-psychological conditions. Insufficient attention to these conditions and their insufficient study has led to a slowdown in integration processes. Therefore, the publication of "PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law" Journal is very important in order to promote the development of fundamental and applied research in the field of regional cooperation of the RFE with Asia Pacific countries. Likewise, it is paramount in covering the issue of APR's participation in the development of the integration processes and solving problems of preparation of highly qualified specialists in the field of international relations.

In line with the purpose section of the journal, published by the far Eastern Federal University, the journal includes the coverage of the following topics:

- Articles on the economy, foreign economic activity, policy, international law cooperation of the countries of Asia-Pacific region, the Far East, Primorsky Krai;
- Archival materials and comments on the history of cooperation between Russia and Asian-Pacific countries, the political relations;

- Materials of sociological research on the most important economic, public-awareness, legal and policy;
- Legislative reference materials on the regulation of national economics and cross-country cooperation in the Asia-Pacific;
- Comparative-legal study features of the legislation of Russia and the Asia-Pacific countries in countering new threats and challenges in the context of globalization;
- Reviews of the activities of regional organizations;
- Messages and the official information materials of regional meetings, conferences, diplomatic meetings.

In addition to these problems, the journal covers other regional aspects, such as demographic, environmental, etc.

Given the importance of issues discussed in the journal, the editorial Board invites the cooperation and contribution of specialists from different spheres of activity relevant to the topics of the journal, including: employees of the FEFU and other universities, researchers from variety of research institutions, specialists in the problems of the Far East and its regional affairs.

For participation in publication, it is necessary to send:

- Materials according to the specified category, with a volume of no more than 15 pages of text, including references;
- Full NAME (complete), professional position, academic degree and academic status in both Russian and English languages; access to e-mail for communication means with readers;
- the manuscript's title, UDC, a brief abstract (250–300 words), keywords (at least 20);
- links placed in square brackets, for example, "According to [5], or the cited reference [5, p. 18]";
- list of Literatours (in Russian languages) and References (in English languages) should be placed at the end of the article;
- margins: all – 20 mm. The manuscript makes an electronic variant, font – Times New Roman, № 14.

We hope that the journal the PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East, and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to:

8, Sukhanova St., Vladivostok, 690950, RUSSIA, Deputy Chief Editor.

Use the following internet link to access the journal's website:

apr-magazine.dvfu.ru

Tel.: +7 (423) 265-24-24 (* 2383). Fax: +7 (423) 243-23-15.

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН АТР

SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT OF ASIA PACIFIC COUNTRIES

УДК 339.92(510-18-35:571.6-13-37)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-1-2/9-18

Е.П. Жариков¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

АСПЕКТЫ ДВОЙСТВЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ КИТАЯ И РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Аннотация. С усилением разворота России на Восток укрепляется её трансграничное сотрудничество – в лице регионов российского Дальнего Востока (РДВ) – с Северо-Восточными провинциями (СВП) Китая. Географическое расположение регионов, их взаимная транспортная доступность однозначно указывают на фатальность сотрудничества провинции Хэйлунцзян и Приморского края; способствуют активному внешнеэкономическому участию и других СВП Китая с районами РДВ с дальнейшим выходом на районы Восточной и Западной Сибири.

Трансформация торгово-экономических отношений между соседними трансграничными регионами во времени неизбежна. А это влечёт изменение прежних базовых условий и ниш для взаимовыгодного сотрудничества. В настоящее время это всё более отчётливо стало проявляться на взаимоотношениях регионов российского Дальнего Востока и Северо-Восточных провинций Китая.

При радушных заявлениях с российской стороны, во-первых, необходимо иметь в виду, что фактически Китай не входит в ведущую тройку инвесторов в Приморском крае. Во-вторых, СВП Китая – это уже не отсталые агропромышленные районы с неразвитой промышленностью, а достаточно развитые в техническом отношении провинции. В-третьих, уже неправильно говорить о дешёвой рабочей силе Китая, а можно говорить лишь об избытке рабочей силы и т.д.

Под воздействием перемен Китаю нужен доступ к природным ресурсам российского Дальнего Востока и незамерзающим морским портам, в частности, к пор-

¹ Евгений Прокофьевич Жариков, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Жариков Е.П. Аспекты двойственности отношений Китая и России на Дальнем Востоке // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 1–2. С. 9–18.

там южных районов Приморского края. Имеющийся потенциал китайского экспорта не может быть в достаточном объёме реализован в регионах РДВ; бывшего лёгкого доступа к технологиям, земельным, лесным и др. ресурсам РДВ уже не будет. Следовательно, его экономическая политика по отношению к слабо развитым трансграничным регионам России вполне предсказуема:

- особо не содействовать развитию регионов РДВ, но и не отстать от других стран, идущих на сотрудничество с регионом;

- вынуждать регион сотрудничать с провинциями на их условиях, используя трудности и ограничения его развития;

- снижать конкурентоспособность Транссиба и морских портов России за счёт создания и реанимации ж/д магистралей «Харбин – Далянь», «Харбин – Маньчжурия».

Что можно предоставить в ответ? В первую очередь, остановить отток населения, перестать заниматься «маниловщиной», прекратить обирать регион и т.д. Во-вторых, необходимо провести объективную инвентаризацию потенциала РДВ, чётко разобраться, что может регион производить, кто потребитель, при каких ценовых и прочих условиях и т.д. То есть надо прагматично ответить на вопросы: что делать? и как делать? Некоторые предложения по реализации указанных проблем рассмотрены в статье.

Ключевые слова: российский Дальний Восток, Северо-Восточные провинции Китая, внешнеэкономическая деятельность, железнодорожные магистрали «Харбин – Далянь», «Харбин – Маньчжурия», «Транссиб».

Evgenie P. Zharikov¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

DUALITY OF RELATIONS BETWEEN CHINA AND RUSSIA IN THE FAR EAST

Abstract. With the increase of Russia's turn to the East, its cross-border cooperation (between the regions of the Russian Far East (RFE)) and the Northeastern provinces (NPs) of China is becoming stronger. Geographic proximity of the regions and mutual transport accessibility are the factors that ensure the cooperation between Heilongjiang and Primorsky Krai; they also promote active foreign economic participation of other NPs of China and RFE regions with further access to the regions of Eastern and Western Siberia.

¹ Evgenie P. Zharikov, Doctor of Economics, Professor, Department of International Economics Relations, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Zharikov E.P. Duality of relations between China and Russia in the Far East // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2018. № 1–2. P. 9–18.

Transformation of trade and economic relations between neighboring transboundary regions is inevitable thus entailing changes in the previous basic conditions and niches for mutually beneficial cooperation. At present, this has become increasingly apparent in the relationships between the regions of the Russian Far East and the Northeastern provinces of China.

In the context of cordial statements from the Russian side it has however to be kept in mind that China is not among the top three investors in Primorsky Krai. Secondly, Chinese NPs are not backward agro-industrial areas with undeveloped industry any more; they are rather technologically developed provinces. Thirdly, it is no longer correct to talk about the cheap labor in China; there is excess of labor, etc.

Under the influence of these changes, China needs access to the natural resources of the Russian Far East and non-freezing seaports, in particular, to the ports of the southern areas of Primorsky Krai. The existing potential of Chinese exports cannot be sufficiently implemented in the regions of the RFE; the previously easy access to the technologies, land, forest and other resources of the RFE is no longer available. Consequently, the Chinese economic policy towards the poorly developed transboundary regions of Russia is quite predictable:

- not really assisting in the development of the RFE regions; however keeping up with other countries that cooperate with the region;
- forcing the region to cooperate with the provinces on their terms, using the difficulties and limitations of its development;
- reducing the competitiveness of the Trans-Siberian Railway and Russian seaports by constructing and resuscitating the railways "Harbin - Dalian", "Harbin - Manchuria".

What can be done in response to these trends? First and foremost, the outflow of the population, robbing and deluding have to be stopped. Secondly, it is necessary to carry out an objective inventory of the potential of the RFE and clearly understand what the region can produce, who the consumer is, what prices it can offer, and other conditions, etc. Hence a pragmatic answer has to be found to the questions: what to do and how to do it? Some suggestions on the implementation of these problems are discussed in the article.

Key words: Russian Far East, Northeastern provinces of China, foreign economic activity, railway lines: Harbin-Dalian, Harbin-Manchuria, Trans-Siberian Railway.

При всей нестабильности развития экономики России (её доля в мировом экспорте в 2012 г. составила 2,9 %, затем спад до 1,8 % в 2016 г. и рост до 2,2 % в 2017 г. [1]) приоритетным направлением сотрудничества для страны постепенно становится Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), в частности, Китай.

Товарооборот России с Китаем увеличился в 2016 г. на 4,0 % по сравнению с 2015 г. Экспорт уменьшился на 2,0 %, импорт увеличился на 9,0 %.

Сальдо торгового баланса сложилось отрицательное и увеличилось по сравнению с 2015 г. на 58,6 %. Доля Китая во внешнеторговом обороте, в экспорте и в импорте России выросла в 2016 г. к 2015 г. в среднем на 1,5–2,0 % [1,2].

В 2017 г. товарооборот России с Китаем увеличился по сравнению с 2016 г. на 31,6%, в том числе: экспорт России в Китай – на 38,9%, импорт России из Китая на 26,1%. Сальдо торгового баланса сложилось отрицательное, но по сравнению с 2016 г. уменьшилось на 9,4% (на 0,95 млрд долл.). Доля Китая во внешнеторговом обороте России в 2017 г., по сравнению с 2016 г., увеличилась на 0,75 %, в том числе в экспорте России – на 1,08 %, в импорте России – на 0,27 %.

Следует отметить, что рост мировых цен привёл к увеличению стоимости российского экспорта минерального топлива, чёрных и цветных металлов и других товаров при относительно стабильном объёме экспорта в физическом выражении.

Структура и динамика импорта из Китая представлена в табл. 1.

Таблица 1

Структура импорта основных продуктов Китая в Россию, %	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Машины, оборудование и транспортные средства	53,0	52,2	52,8	54,7	58,7	59,0
Текстиль и обувь	15,0	15,5	14,1	13,0	11,4	11,1
Продукция химической промышленности	8,1	8,3	8,9	9,6	9,4	9,0
Металлы и изделия из них	8,0	7,9	7,8	7,3	6,7	7,1
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё	3,1	3,2	3,8	4,4	4,3	3,7
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	1,3	1,4	1,5	1,1	1,0	0,9

Наибольший прирост экспорта России в Китай в 2017 г. по сравнению с 2016 г.:

- Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные (+ 7,4 млрд долл.);
- Древесина и изделия из неё; древесный уголь (+ 0,67 млрд долл.).

Товарных групп со значительным сокращением экспорта не наблюдалось. Удельный вес технической продукции в экспорте России в Китай на уровне до 7,0 %.

Наибольший прирост импорта России из Китая в 2017 г., по сравнению с 2016 г., прослеживается по следующим товарным группам:

- Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности (+ 2,73 млрд долл.);
- Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части (+ 2,54 млрд долл.);

Товарных групп со значительным сокращением импорта не наблюдалось.

В экспорте России в Китай наблюдается устойчивое относительное (удельное) «вымывание» технологической продукции. В целом, как следует из рис. 1, наметилась тенденция выравнивания товарооборота между странами.

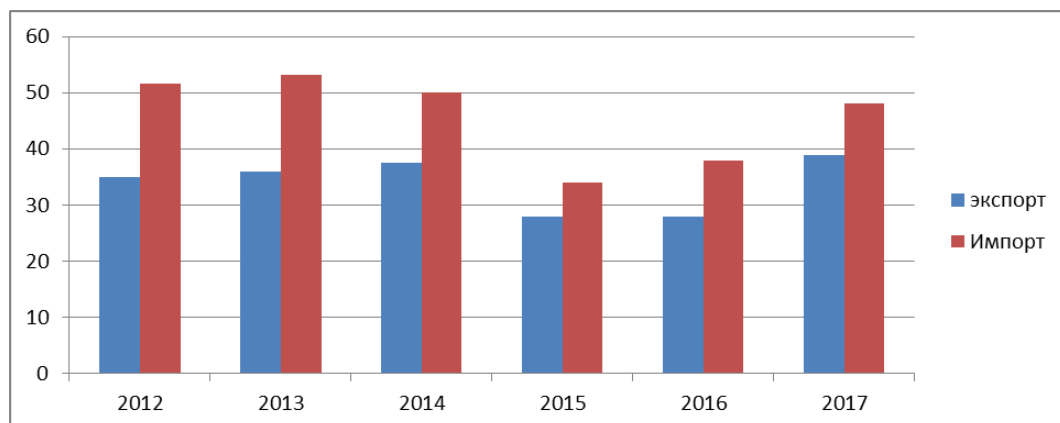

Рис. 1. Экспорт России в Китай и импорт России из Китая

Региональные особенности внешнеэкономической деятельности рассмотрим на примере Приморского края и Северо-Восточных провинций Китая. Как следует из рис. 2, тенденции внешнеэкономической деятельности на региональном уровне фактически повторяют аналогичные тенденции на межстрановом уровне.

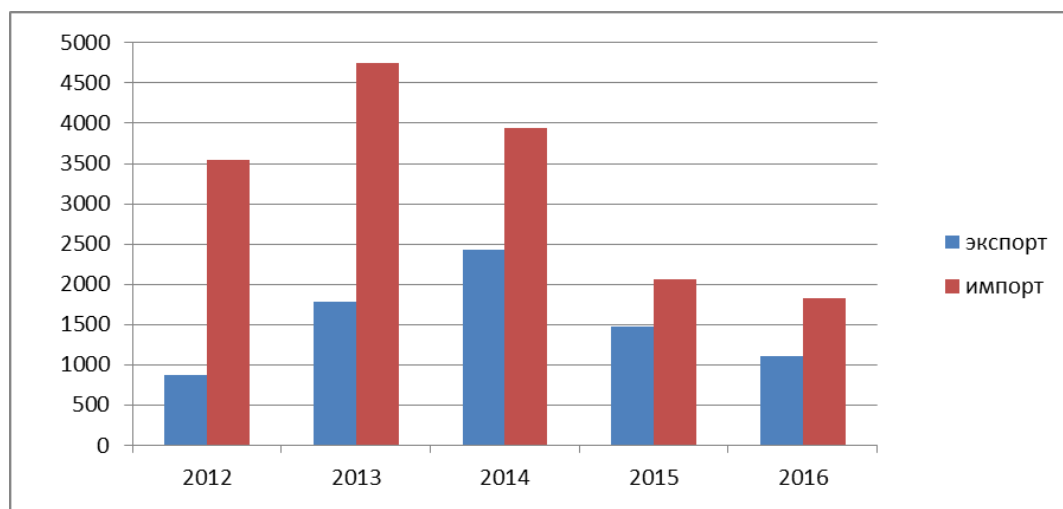

Рис. 2. Экспорт Приморского края в Китай и импорт из Китая

Во внешнеторговом обороте Приморского края по итогам первого полугодия 2017 г. импорт (как и в предыдущие годы) традиционно превышал экс-

порт, что привело к отрицательному сальдо торгового баланса (-456,2 млн долл.). Основными торговыми партнёрами края остаются: Китай – 50% внешнеторгового оборота, Республика Корея – 16% и Япония – 4%.

Наибольший объём экспорта приходится на минеральные продукты – 42%, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё – 35%, древесину и изделия из неё – 15%.

Импортируются в Приморье в основном машины и транспортные средства – 42%, а также продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё – 24% [3].

С усилением разворота России на Восток укрепляется её трансграничное сотрудничество (в лице регионов российского Дальнего Востока) с Северо-Восточными провинциями (СВП) Китая. Основные показатели социально-экономического развития регионов приведены в табл. 2 [4].

Таблица 2

**Основные показатели развития Северо-Восточных провинций Китая
и Южных районов российского Дальнего Востока**

Показатели	Северо-Восточные провинции Китая			Южные районы российского Дальнего Востока		
	Хэйлунцзян	Цзилинь	Ляонин	Приморский край	Хабаровский край	Амурская область
Территория, тыс. км ²	431,8	187,4	145,9	164,7	787,6	361,9
Население, млн человек	38,31	27,46	43,75	1,94	1,34	0,81
Валовой региональный продукт, млрд долл.	198,4	189,8	398,7	18,9	13,83	6,63
Доля промышленности в ВРП, %	45,35	46,76	46,70	24,0	19,45	38,5
Доля сельского хозяйства в ВРП, %	13,55	12,16	11,38	8,9	7,5	6,3
Экспорт, млрд долл.	15,4	5,8	58,8	4,24	1,51	0,45
Импорт, млрд долл.	19,7	20,6	55,2	8,70	0,93	0,51

Географическое расположение регионов, их взаимная транспортная доступность однозначно указывают на фатальность сотрудничества провинции Хэйлунцзян и Приморского края. Провинция Хэйлунцзян является также плацдармом для сотрудничества с регионами РДВ провинций Цзилинь и Ляонин, которые развиты мощнее, чем провинция Хэйлунцзян, но также имеют проблемы по взаимодействию с внешним миром.

Через Приморский край осуществляется основная доля товарооборота южных районов РДВ с Китаем, туристическое сотрудничество, обмен студентами и т.п. Хорошее транспортное сообщение, в том числе наличие скоростной железнодорожной магистрали Харбин – Далянь, способствует активному внешнеэкономическому участию и других СВП Китая с районами РДВ с дальнейшим выходом на районы Восточной и Западной Сибири.

Считается, что развитие торгово-экономических отношений между соседними трансграничными регионами обусловлено взаимной выгодой и взаимодополняющими экономиками. Всегда есть ниши для взаимовыгодного сотрудничества, другое дело – в каких областях, каких объёмах и т.д.

При радушных заявлениях с российской стороны, во-первых, необходимо иметь в виду, что фактически Китай не входит в ведущую тройку инвесторов в Приморском крае. Незначительные по абсолютной величине инвестиции китайские предприниматели предпочитают вкладывать в отрасли с быстрым оборотом средств – транспорт и связь, сельское хозяйство, гостиничный и ресторанный бизнес, торговлю.

Во-вторых, СВП Китая – это уже не отсталые агропромышленные районы с неразвитой промышленностью, а достаточно развитые в техническом отношении провинции, экспортирующие машины, оборудование и транспортные средства, электрогенераторные установки, металлы и изделия из них, продукцию лёгкой промышленности. Ситуация за последние 30 лет, годы бездействия России, изменилась.

В-третьих, уже неправильно говорить о дешёвой рабочей силе Китая. Средняя зарплата в Китае в 2017 г. составляла 67 569 юаней в год (10 200 долларов), или 5 630 юаней в месяц (850 долларов) [4]. Следовательно, можно говорить лишь об избытке рабочей силы и т.д.

Сравнение потенциалов провинции Хэйлунцзян и Приморского края не в пользу российского региона. А провинции надо решать продовольственную проблему, проблему экспорта, проблему занятости населения и т.д. Наиболее простой способ – получение доступа к природным ресурсам российского Дальнего Востока (РДВ) и незамерзающим морским портам, особенно портам южных районов Приморского края. Естественно, что в экономическом плане Китай проводит прагматичную политику, основанную, прежде всего, на своих экономических интересах.

Китай понимает, что имеющийся потенциал его экспорта не может быть в достаточном объёме реализован в регионах РДВ, что прежних уступок со стороны России уже не будет, здесь имеется в виду лёгкий доступ к технологиям, земельным, лесным и др. ресурсам. Поэтому его экономическая политика по отношению к трансграничным районам вполне предсказуема, особенно в условиях современного уровня развития региона, к которым относятся:

- слабость современной структуры производства в РДВ, его низкую масштабную технологичность;
- отсутствие масштабных планов создания рабочих мест для специалистов высокой квалификации;
- слабость кооперационного взаимодействия с другими субъектами РДВ;
- наблюдающийся ежегодный отрицательный баланс по населению. За 2017 г. Приморский край потерял ещё 10 000 человек.

- и т.д.

В этих условиях Китаю выгодно:

- во-первых, особо не содействовать развитию регионов РДВ, но в то же время и не отстать от других стран, идущих на сотрудничество с регионом (этим, в частности, объясняется политика инвестирования региона);

- во-вторых, вынуждать регион сотрудничать с провинциями на их условиях, используя трудности и ограничения его развития. В настоящее время это наглядно проявляется по ряду направлений, в том числе по взаимодействию в лесной отрасли, в технологической сфере, путём размещения промышленных производств на территории СВП Китая, да ещё при условиях передачи технологий;

- в-третьих, видя попытки дальневосточных властей активно задействовать Транссиб и морские порты и таким образом получить экономические выгоды, в том числе за счёт создания новых рабочих мест для собственного населения, а не предлагаемой Китаем рабочей силы, КНР быстро создал (в том числе реанимировал) в СВП сеть железных дорог. Это магистрали «Харбин – Далянь», «Харбин – Маньчжурия». Первая содействует решению проблемы экспорта, минуя порты Приморского края, вторая – решению проблемы экспорта провинций в Европу, минуя дальневосточный отрезок Транссиба.

Что можно предоставить в ответ? В первую очередь, остановить отток населения, перестать заниматься «маниловщиной», прекратить обирать регион и т.д. Во-вторых, необходимо чётко разобраться, что может регион производить, кто потребитель, при каких ценовых и прочих условиях и т.д.

И здесь мы возвращаемся к вопросам, что делать и как делать? Недовольство населения Приморского края отразилось и на итогах выборов Президента России – за него отдано более чем на 10% голосов меньше, чем в среднем по России. Это означает, что проводимая федеральным центром социально-экономическая полити-

ка (построены красивые мосты, федеральный университет, создание территорий опережающего развития (ТОР), свободного порта Владивосток и т.п.) не отвечает (или плохо отвечает) насущным интересам жителей Приморского края.

Причины такого отношения на федеральном уровне – в отсутствии здоровой региональной политики, которая заменяется отдельными фрагментами, плохо координированными друг с другом. Это и дальневосточный гектар и т.п. Необходимо чётко понимать, сегодня не XIX век.

На региональном уровне проблемы обусловлены отсутствием комплексной программы социально-экономического развития региона, большими надеждами на эффективное взаимодействие с Китаем и т.п. При этом фактически игнорируется двойственность отношений с Китаем, который реализует свою экономическую политику (некоторые позиции указаны выше).

Общая (основная) проблема – это проблема управления в современных, относительно рыночных условиях с многообразием форм собственности в сочетании с отсутствием надлежащих кадров. Пока не будет создана сбалансированная и скоординированная система управления и соответствующий ей командно-административный корпус, бесполезно надеяться на реальные изменения в социально-экономическом развитии как страны, так и её регионов.

К управлению должны прийти люди, обретшие опыт хозяйственников, имеющие чистые руки, умеющие и заинтересованные работать в рамках системы на любом уровне хозяйственно-территориального развития. И, безусловно, должна быть создана эффективная нормативно-правовая база, соответствующая современным реалиям, учитывающая особенности рыночной экономики России в многообразии форм собственности.

В настоящее время такую систему пытаются нащупать. Президент В.В. Путин использует подсистему «ручного» управления. Внедряется проектное управление, причём объясняется это как нечто новое – инновационное и революционное. И это происходит потому, что за прошедшие 30 лет разрушен весь опыт управления, выбыли из строя управленческие кадры, забыты отечественные работы. Науку переносят в федеральные университеты, преподавателей заставляют быть учёными, а у них (по большинству) нет научной школы, как и у тех, кто взял на себя право разрабатывать регулирующие документы.

На фоне обозначенных проблем управленческого плана, двойственных взаимоотношений с Китаем, продолжающегося оттока населения из региона необходима взвешенная социально-экономическая политика развития РДВ, предусматривающая резкое повышение благосостояния населения и эффективные льготы для бизнеса, действительно стимулирующие его развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Торговля между Россией и Китаем в 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2017-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kitaem-v-2016-g>.
2. Динамика внешней торговли [Электронный ресурс]. – [М.] : Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, [2017]. – 16 с. – (Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики; вып. 29, сентябрь 2017 г.). – Режим доступа: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/14443.pdf>.
3. Сухих, К. Половину внешней торговли Приморский край ведет с Китаем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://primpress.ru/article/19634>.
4. Минимальная и средняя зарплата в Китае [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hochusvalit.com/kitaj/zarplata-v-kitae>.

REFERENCES

1. *Trade between Russia and China in 2016*. Available at: <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2017-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kitaem-v-2016-g> (accessed 25 February 2018). (In Russian).
2. *Bulletin on current trends in the Russian economy*. Iss. 29, September 2017. Dynamics of foreign trade. Moscow: Analytical Center under the Government of the Russian Federation Publ., 2017. 16 p. Available at: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/14443.pdf> (accessed 25 February 2018). (In Russian).
3. Sukhikh K. *Polovinu vneshnei trgovli Primorskii krai vedet s Kitaem* [Half of foreign trade Primorsky Krai conducts with China]. Available at: <http://primpress.ru/article/19634> (accessed 25 February 2018).
4. *Minimum and average salary in China*. Available at: <http://hochusvalit.com/kitaj/zarplata-v-kitae> (accessed 25 February 2018). (In Russian).

УДК 339.944.2(520:571.6):002

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-1-2/19-37

Е.А. Горячева¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: solo888@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ СОВМЕСТНЫХ ПРОЕКТОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В РАМКАХ «ПЛАН ВОСЬМИ ПУНКТОВ» ЯПОНО-РОССИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СИНДЗО АБЭ В СМИ РОССИИ И ЯПОНИИ

Аннотация. В статье рассматривается ход реализации продвигаемого премьер-министром Японии Синдзо Абэ «Плана восьми пунктов» японо-российского экономического сотрудничества в рамках ключевых отраслей взаимодействия в период с мая 2016 г. по декабрь 2017 г. на Дальнем Востоке России, а также особенности освещения этого процесса в СМИ России и Японии. На Дальнем Востоке России экономическое сотрудничество двух стран тесно связано с внешнеполитической обстановкой, и сотрудничество в рамках данного плана рассматривается Японией как шаг к построению с Россией устойчивого фундамента для ведения переговоров по проблеме принадлежности Южных Курил, укрепления двусторонних связей и создания благоприятной экономической среды для процесса переговоров, который в идеале должен завершиться заключением мирного договора между Россией и Японией. Несмотря на небольшой срок, прошедший с момента анонсирования данного проекта С. Абэ, и российскими, и японскими СМИ отмечается, что многие проекты вышли за пределы «договорённостей на бумаге» и началась их реализация. Согласно ряду исследований, в последнее время крайне актуальной становится роль средств массовой информации в деле формирования общественного мнения по ключевым вопросам политики и экономики, а также в вопросах лоббирования интересов правящих партий и трансляции желаемого для руководства страны политического курса. В данном случае, согласно основным публикациям на тему освещения процесса «Плана восьми пунктов» японо-российского экономического сотрудничества, и российские, и японские СМИ формируют у населения России и Японии позитивный образ двух стран как экономических партнёров. Деятельность

¹ Елена Александровна Горячева, старший научный сотрудник Центра изучения российско-японских отношений ВИ-ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Горячева Е.А. Реализация совместных проектов на Дальнем Востоке в рамках плана «Восьми пунктов» японо-российского экономического сотрудничества Синдзо Абэ в СМИ России и Японии // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 1–2. С. 19–37.

СМИ обеих стран и реализация совместных экономических проектов могут способствовать снижению напряжённости вокруг территориальной проблемы России и Японии и сформировать благоприятную экономическую обстановку, равно как и комфортную информационную среду для стабильного ведения диалога между двумя странами, несмотря на усилившийся в начале XXI в. фактор США во внешней политике двух стран.

Ключевые слова: экономическое сотрудничество, внешняя политика, территориальная проблема, «план восьми пунктов» С. Абэ, Япония, Россия, Дальний Восток, СМИ России, СМИ Японии.

Elena A. Goryacheva¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: solo888@yandex.ru

REALIZATION OF SHINZO ABE'S 'EIGHT-POINT PLAN' OF JAPANESE-RUSSIAN ECONOMIC COOPERATION IN THE RUSSIAN FAR EAST THROUGH MASS MEDIA OF RUSSIA AND JAPAN

Annotation. The article analyses the implementation of the 'Eight-point plan' of Japanese-Russian economic cooperation promoted by Prime Minister of Japan Shinzo Abe in the key cooperation areas since May 2016 through December 2017 in the Russian Far East; it also highlights the coverage of this process in the media of Russia and Japan. Economic cooperation between the two countries in the Russian Far East is closely connected with the foreign policy issues; cooperation under this plan is viewed by Japan as a step towards building up grounds for negotiating about the South Kuril Islands issue, as well as for strengthening bilateral relations and creating a favorable economic environment for the negotiation process, which should lead to the conclusion of a peace treaty between Russia and Japan. Despite the short time that has passed since Shinzo Abe announced about this project, both Russian and Japanese media say that many projects have gone beyond the "agreements on paper" stage: their implementation has successfully begun. According to various studies, the role of mass media in shaping public opinion on key issues of politics and economy, as well as in matters of lobbying the interests of ruling parties and broadcasting the political course desired by the country's leadership, has recently become extremely relevant. In this case, according to the main publications about the 'eight-point plan' of the Japanese-Russian economic cooperation, both Russian

¹ Elena A. Goryacheva, senior researcher Center for the study of Russian-Japanese relations EI-SRIS FEFU, Vladivostok, Russia.

For citing: Goryacheva E.A. Realization of Shinzo Abe's 'Eight-point plan' of Japanese-Russian Economic Cooperation in the Russian Far East through Mass Media of Russia and Japan // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2018. № 1–2. P. 19–37.

and Japanese media have formed a positive image of the two countries as economic partners for the society of Russia and Japan. The activities of the media in both countries and the implementation of joint economic projects can help to reduce the tension around the territorial problem between Russia and Japan and create a comfortable economic environment, as well as a positive information environment for a continuous dialogue between the two countries, despite the US factor in the foreign policy of the two countries.

Keywords: economic cooperation, foreign policy, territorial problem, 'eight-point plan' of Sh. Abe, Japan, Russia, Far East, Russian mass media, Japanese mass media.

Сотрудничество России и Японии на Дальнем Востоке России в различных сферах, включая экономику, имеет давнюю историю. В зависимости от внешнеполитического контекста двусторонних отношений это сотрудничество то активизировалось, то сходило на нет. В последнее время в отношениях России и Японии наблюдается новый виток активизации переговоров по решению территориального вопроса, и премьер-министр Японии С. Абэ в мае 2016 г. в Сочи предложил В. В. Путину «новый подход» в решении проблемы спорных территорий – четырёх островов Южных Курил. Одной из составляющих этого подхода был также план «Восьми пунктов японо-российского экономического сотрудничества». Реализация данного «Плана восьми пунктов» была конкретизирована в ряде соглашений, подписанных во время ВЭФ-2016, ВЭФ-2017, визита В.В. Путина в Японию 15–16 декабря 2016 г.

Целью данной работы является анализ прогресса в ходе реализации подписанных соглашений в период с мая 2016 г. по декабрь 2017 г. на территории Дальнего Востока России на примере ключевых областей японо-российского сотрудничества (а именно, конкретных его результатов: проекты, которые перешли со стадии первичного соглашения о сотрудничестве на стадию планирования или стадию практической реализации), а также сравнительный анализ особенностей освещения этого процесса в СМИ Японии и России. В данной работе не рассматривается освещение в СМИ и ход реализации переговоров по совместной хозяйственной деятельности на Южных Курилах, поскольку данный проект находится на этапе формирования среды для его реализации (разработки законодательной базы и т. д.) и на данном этапе пока ещё далёк от практического воплощения.

«Новый подход» С. Абэ и «План восьми пунктов»

«Новый подход» С. Абэ для нормализации российско-японских отношений и заключения мирного договора в интерпретации аналитиков телевизионных программ японской общественной телерадиовещательной корпорации NHK включает в себя три группы идей:

- Необходимо решать территориальную проблему между Японией и Россией, исходя из будущего российско-японских отношений.

- Следует прекратить заикливаться на прежних концепциях решения территориального вопроса.

- Территориальный спор следует решать, принимая во внимание позиции не только двух стран [*России и Японии*], но следует подходить к этому с глобальной точки зрения [1].

Положения «нового подхода» Абэ подразумевают, что до сих пор при обсуждении территориального вопроса Россия и Япония основывали свои подходы на противоположных позициях:

1) Япония: «Северные территории [*Южно-Курильские острова*] – наши исконные земли, и у России нет законных оснований для владения ими».

2) Россия: «Эти территории перешли к России как результат Второй мировой войны, и у Японии нет законных оснований предъявлять на них свои требования».

Эти точки зрения диаметрально противоположны, и сторонам трудно найти взаимоприемлемое решение вопроса, отстаивая эти позиции. Но С. Абэ предлагает при помощи «нового подхода» отставить эти различия во взглядах и сосредоточиться не на прошлом, а на будущем: на заключении мирного договора, работая над развитием российско-японского сотрудничества в различных сферах, сфокусировавшись на перспективах российско-японских отношений в привязке к определению состояния четырёх островов Южно-Курильской гряды, делая акцент на выгодах будущего сотрудничества России и Японии благодаря разрешению территориального вопроса и стабилизации внешнеполитической обстановки в Северо-Восточной Азии [1].

Одним из важных факторов, способствующих преодолению территориальных разногласий и общих проблем негативного восприятия России в Японии является создание среды для эффективного и взаимовыгодного экономического сотрудничества России и Японии. Поэтому в рамках реализации «нового подхода» премьер-министром Японии был предложен план «Восьми пунктов японо-российского экономического сотрудничества», по которым следует развивать эти отношения в приоритетном плане.

План «Восьми пунктов» японо-российского экономического сотрудничества включает следующие области:

1. Увеличение продолжительности здоровой жизни.
2. Создание комфортной и чистой городской среды, благоприятной для проживания и деятельности.
3. Укрепление сотрудничества в сфере малого и среднего бизнеса.
4. Сотрудничество в сфере энергетики.
5. Диверсификация промышленности и повышение её производительности в России.

6. Развитие промышленности Дальнего Востока и превращение этого региона в экспортную базу.

7. Сотрудничество в сфере передовых технологий.

8. Существенное развитие гуманитарных обменов [2].

Этот план, направленный на усиление экономического сотрудничества с Россией, японские СМИ, с одной стороны, называют «прорывом» [3], а с другой стороны – «лишь первой ступенькой» для решения территориального вопроса [4]. Говоря о целях экономического сотрудничества с Россией, японские СМИ отмечают, что данная стратегия реализации совместных проектов направлена на формирование в России комфортной среды сотрудничества на основе взаимного доверия, и цель данной стратегии – в перспективе способствовать позитивной реакции России в ходе переговоров по Южным Курилам [5].

Сотрудничество Японии и России для реализации этого плана планируется осуществлять на всей территории Российской Федерации, но не случайно отдельным пунктом программы обозначен Дальний Восток России, ему уделяется большое внимание. Так, из 68 документов о сотрудничестве, подписанных в ходе визита В.В. Путина в Японию в декабре 2016 года, 23 документа касались проектов на Дальнем Востоке России [6].

Для того, чтобы составить представление о распределении интересов японского бизнеса и правительственных кругов Японии в России и на Дальнем Востоке, необходимо рассмотреть соотношение количества проектов в каждой сфере сотрудничества к их общему числу (см. табл. 1).

Таким образом, становится очевидным, что на Дальнем Востоке России планируется развивать главным образом традиционные сферы сотрудничества (энергетика, различные отрасли промышленности, малый и средний бизнес) – 21 проект, но также заявлены и новые сферы сотрудничества: медицина и градостроительство (2 проекта).

План «Восьми пунктов» подразумевает как привлечение новых японских предприятий на территорию России, в том числе и на её Дальний Восток, так и реализацию новых проектов силами существующих предприятий. Российско-японское сотрудничество на Дальнем Востоке насчитывает многолетнюю историю, и в один из витков активизации сотрудничества, после распада СССР, с 1992 г. на территории ДФО был создан ряд японских предприятий. Соотношение японских предприятий в европейской части России, а также на российском Дальнем Востоке представлено в табл. 2.

На 2017 г. на российском Дальнем Востоке зарегистрировано 74 предприятия, 22% от общего числа японских предприятий в России (335 компаний).

Российские и японские СМИ в основном положительно освещают ход реализации «Плана восьми пунктов», однако заметно, что в российских СМИ тон публикаций более оптимистичен, в то время как японским журналистам свойственен скепсис.

**Количество соглашений, касающихся реализации
японо-российских проектов на территории России
и российского Дальнего Востока (подписанных в ходе визита
В.В. Путина в Японию в декабре 2016 г.) [7], [8]**

Область сотрудничества согласно Плану «Восьми пунктов» японо-российского сотрудничества	Общее количество соглашений для реализации на территории России	Общее количество соглашений для реализации на территории Дальнего Востока России
1. Увеличение продолжительности здоровой жизни.	5	1
2. Создание комфортной и чистой городской среды, благоприятной для проживания и деятельности.	2	1
3. Укрепление сотрудничества в сфере малого и среднего бизнеса.	1	1
4. Сотрудничество в сфере энерге- тики.	20	6
5. Диверсификация промышленно- сти и повышение её производи- тельности в России.	12	–
6. Развитие промышленности Дальнего Востока и превращение этого региона в экспортную базу.	14	14
7. Сотрудничество в сфере передо- вых технологий.	11	–
8. Существенное развитие гумани- тарных обменов.	3	–

В российских СМИ подчёркивается, что официальные лица Японии отмечают стабильную динамику реализации данного плана. Так, министр иностранных дел Японии Таро Коно в интервью ТАСС заявил, что для осуществления российско-японского сотрудничества «были подписаны документы более чем по 100 проектам. Из них 40% уже успешно реализуются» [11]. Примечательно, что, говоря о реализации плана на пленарном заседании ВЭФ в сентябре 2017 г., и Таро Коно, и Синдзо Абэ упомянули об успешном ходе реализации «Плана восьми пунктов» по трём направлениям сотрудничества: медицина, создание комфортной городской среды и оптимизация почтовых отправлений [12]. В частности, об этом писала газета «Асахи»: «Премьер-министр Абэ заявил, что «реализация плана [Восьми пунктов] постепенно переходит из «бумажного этапа» в реальную сферу. Укрепление

доверительных отношений между нашими странами приведёт к заключению мирного договора»» [13].

Таблица 2

Японские предприятия в крупнейших городах России (на 01.10.2017)* [9]

Общее число японских предприятий в крупнейших городах России: 335	
Число японских предприятий в крупнейших городах европейской части России: 261	Число японских предприятий в крупнейших городах российского Дальнего Востока: 74
из них в г. Москва: 198	в г. Владивосток: 47
	в г. Хабаровск: 10
	в г. Южно-Сахалинск: 17

Однако в телевизионной программе ННК, посвящённой ВЭФ-2017 во Владивостоке, говорится о том, что большая часть из этих 100 проектов пока ещё остаётся на стадии меморандумов о сотрудничестве, задающих вектор кооперации для японских предприятий на Дальнем Востоке России [4].

В российских СМИ, как федеральных, так и региональных, достаточно подробно излагается ход реализации «Плана восьми пунктов» по различным отраслям, в японских общенациональных СМИ часто говорится о ходе реализации плана в общих чертах как одного из аспектов российско-японского сотрудничества. Рассмотрим реализацию ключевых проектов «Плана восьми пунктов» на Дальнем Востоке по отраслям сотрудничества.

Создание комфортной городской среды, благоприятной для проживания

Японское архитектурное бюро Nikken Sekkei в сотрудничестве с российским Агентством ипотечного жилищного кредитования (АИЖК) в настоящее время разрабатывают мастер-план Владивостокского городского округа в рамках реализации договора с Фондом единого института развития в жилищной сфере, созданным под эгидой АИЖК.

Консультации ведутся с участием Министерства земли, инфраструктуры, транспорта и туризма Японии, администрации Приморского края, администрации г. Владивостока и градостроительных организаций города. На данный момент проведён ряд рабочих совещаний в России и Японии, в ходе которых был собран материал для создания мастер-плана Владивостока, ведётся изучение общественного мнения жителей города. Специалисты Nikken Sekkei проанализировали данные за 15 последних лет о

*Всего в России по состоянию на 1 октября 2016 г. зарегистрировано 450 японских предприятий. По этому показателю Россия находится на 19 месте в общем рейтинге торговых партнеров Японии, между Бразилией и Мьянмой [10].

социально-экономическом развитии Владивостока, демографические показатели и показатели жилищной обеспеченности, научно-промышленный потенциал, действующую и разрабатываемую градостроительную документацию города и предложили создать в городе несколько зон: историческую, инновационную и торгово-рекреационную, чтобы этот город, наряду с другим пилотным участником проекта, Воронежем, стал одним из самых комфортных городов для проживания в России [14]. Согласно предложению Nikken Sekkei, в городе планируется создание рыбного рынка под мостом через Золотой Рог, строительство многоярусных автомобильных парковок в центре города, завершение запуска очистных сооружений, система «умных» светофоров для решения проблемы городских пробок, строительство кольцевой дороги ВКАД, благоустройство зелёных зон Владивостока, продление прогулочной зоны «Берег здоровья», возможность разгрузки существующего делового центра Владивостока путём перемещения портовой инфраструктуры [15].

Кроме этого активно идёт совместная работа между Корпорацией развития Дальнего Востока и НИИ Номура (Nomura Research Institute, NRI). НИИ Номура разработал планы для ТОР «Большой Камень», «Михайловский», «Приамурская», «Амуро-Хинганская», «Горный воздух», «Южный», «Белогорск», «Камчатка», «Беринговский», расположенных в разных регионах Дальнего Востока [16]. Среди них уже утверждены проекты ТОР «Приамурская», «Белогорск», «Амуро-Хинганская», «Кангалассы» [17].

«Иида Груп Холдингз» (Iida Group Holdings) реализует совместный с Корпорацией развития Дальнего Востока проект в сфере деревообработки и строительства малоэтажного жилья в Приморском крае. Компания «Иида Груп Холдингз» для создания полного производственного цикла, начиная от добычи леса и заканчивая продажей домов «под ключ», уже приобрела 25% акций компании ПАО «Приморсклеспром», чтобы обеспечить сырьём первый этап создания домокомплектов. Кроме этого для переработки древесины корпорация приобрела лесной терминал в Славянке, а также участок земли в 10 гектаров для строительства мобильного завода домокомплектов (производственную линию по деревообработке с ЧПУ). В терминале планируется разместить склад и логистический центр, а рядом построить производственные цеха по сушке и распиловке леса. Запуск производства планируется в 2019 г. [18]. Для создания полной производственной цепочки «лесозаготовка – производство пиломатериалов – изготовление деревянных конструкций – строительство домов» планируется объём инвестиций в 2 млрд рублей. Предварительно стоимость квадратного метра двухэтажного дома, построенного по японской технологии, составит от 45 до 50 тыс. руб. [19].

Согласно плану, в г. Хабаровск реализуется Меморандум о намерениях по строительству нового аэровокзального комплекса аэропорта «Хабаровск» (Новый) между ОАО «Хабаровский аэропорт» и группой японских инвесторов (Sojitz Corporation, Japan Overseas Infrastructure Investment Corporation for for Transport &

Urban Development и Japan Airport Terminal Co., Ltd.). В Хабаровске будет создан новый терминал класса «С» (по классификации ИКАО) для обслуживания внутренних и международных воздушных линий. В настоящее время реализуется первый этап строительства терминала для обслуживания внутренних линий (2017–2019 гг.), затем на втором этапе проекта (2021–2025 гг.) аэровокзальный комплекс будет расширен за счёт международного сектора [20].

Ход реализации проектов данного направления получил положительные отзывы не только со стороны вышеупомянутых российских СМИ, но и газеты «Нихон Кэйдзай» («Никкэй»). «Никкэй» является газетой экономической направленности, её публикации отличаются нейтральным тоном, в отличие от более консервативных изданий. Так, «Никкэй» упоминает Владивосток как «город-модель» для реализации программы регуляции городского движения при помощи «умных светофоров», решения проблемы утилизации отходов, модернизации системы водоснабжения и водоотведения [21]. Эта статья «Никкэй», в свою очередь, вызвала волну восторженных ответных публикаций российских СМИ [22], [23].

Увеличение продолжительности здоровой жизни

Другой приоритетной областью для сотрудничества между Японией и Россией было названо здравоохранение. Во Владивостоке с 2013 г. успешно работает российско-японский диагностический центр «Хокуто», созданный при участии учредителей госпиталя «Хокуто», Hokuto Social Medical Corporation в г. Обихиро, префектура Хоккайдо, а в 2017 г. компания совместно с JGC Corporation объявила о запуске проекта по строительству во Владивостоке медицинского реабилитационного центра с пропускной способностью от 50 до 200 пациентов в день. Инвестиции в проект составят более 150 млн руб. Открытие реабилитационного центра планируется в I квартале 2018 г., в настоящее время идёт подбор высококвалифицированного персонала. Примечательно то, что японские инвесторы при реализации проекта получают налоговые льготы как резиденты «Свободного порта Владивосток» [24]. Об этом намерении сообщала также и газета «Никкэй». В статье подчёркивается, что инвесторы проекта стремятся диверсифицировать свои проекты с Россией, развивая те отрасли, что далеки от колебаний цен на природные ресурсы, такие как нефть и газ [25].

В городе Хабаровск также намерены активизировать сотрудничество с Японией в области медицины в рамках реализации плана С. Абэ, для чего на базе Дорожной клинической больницы ОАО «РЖД» в Хабаровске планируется реализовать проект по созданию российско-японского центра превентивной медицины и диагностики, согласно подписанному между Агентством Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта, министерством здравоохранения, труда и благосостояния Японии, Центральной дирекцией здравоохранения ОАО «РЖД»

меморандуму о сотрудничестве. Проект подразумевает реконструкцию одного из корпусов Дорожной клинической больницы г. Хабаровска и обучение медицинского персонала Центра у японских специалистов. Японская сторона также будет оказывать постоянную поддержку в научно-методическом плане [26].

Сотрудничество в сфере энергетики

Традиционно высокий интерес проявляет Япония к дальневосточным проектам по развитию энергетики. В рамках реализации плана С. Абэ совместные российско-японские проекты на Дальнем Востоке можно условно разделить на две группы: проекты, касающиеся традиционных энергетических ресурсов, и проекты по возобновляемым источникам энергии.

В порту Восточный с 2012 г. идёт строительство третьей очереди углепогрузочного комплекса порта. Японская корпорация Marubeni Corporation, согласно меморандуму о взаимопонимании, подписанному на ВЭФ-2017, организует монтаж специализированного оборудования для третьей очереди угольного терминала и проведение пусконаладочных работ. Проект подразумевает внедрение передовых технологий в сфере обеспечения экологической безопасности производственных процессов; ранее были подписаны контракты общей стоимостью 130 млн долларов США. Летом 2017 г. Marubeni Corporation завершила поставку крупнотоннажной техники для третьей очереди специализированного угольного комплекса – рекаймеры, стакеры и судопогрузочных машин [27].

Новейшие технологии создания ветроэнергетических установок планируют реализовать в условиях районов Крайнего Севера, Республики Саха (Якутия) Японская организация по развитию новых энергетических и промышленных технологий (NEDO), компании Komaihaltec inc., Mitsui & Co. При их активном участии продвигается строительство парка ветроэнергетических установок (ВЭУ) в поселке Тикси. Стороны намерены установить ветрогенераторы к осени 2018 г. Полная работа системы намечена на осень 2019 г. [28]. В ноябре 2017 г. стало известно, что в рамках проекта NEDO предоставит республике Саха на безвозмездной основе три ветроустановки, три дизельгенератора и аккумуляторы – полный комплекс парка ВЭУ [29]. О проектах NEDO в России больше пишут специализированные СМИ Японии, нежели СМИ общего профиля. Так, отмечается, что реализация проекта строительства парка ветрогенераторов внесёт вклад в модернизацию системы поставок электроэнергии в отдалённые регионы России, где сейчас наблюдается устаревание дизельных электростанций [30]. Ранее об успешной реализации проекта строительства ВЭУ на Камчатке, когда NEDO инвестировала 1,2 млрд иен в создание ветропарка из 3 ВЭУ, сообщала и консервативная газета «Санкэй» [31].

Развитие промышленности Дальнего Востока и превращение этого региона в экспортную базу

Для Японии в последнее время ключевым остаётся вопрос не только энергетической, но и продовольственной безопасности. По этой причине значительное количество успешно реализуемых на Дальнем Востоке проектов «Плана восьми пунктов» связано со сферой сельского хозяйства.

В городе Хабаровск с февраля 2015 г. действует японская компания JSC Evergreen, её тепличный комплекс работает с декабря 2015 г. Проект подразумевает строительство трёх тепличных комплексов общей площадью 10,3 гектаров. В настоящее время успешно функционирует первая очередь, где выращиваются огурцы, зелень и сладкий перец, пользующиеся популярностью на местном рынке, и с июля 2017 г. идёт строительство второй очереди теплиц площадью 2,5 га на общую сумму 480 млн рублей [32].

Подобного рода проект осуществляется и в Республике Саха (Якутия). В июле 2017 г. компания «Хоккайдо» приступила к реализации второй очереди строительства тепличного комплекса «Саюри» – резидента ТОР «Кангалассы», согласно меморандуму между управляющей компанией «Саюри» и корпорацией «Хоккайдо», подписанному 27 июля 2017 г. в Якутске. К концу 2019 г. теплицы покроют 40% потребностей Якутска и пригородов [33]. Проект реализуется с декабря 2016 г. По завершении работ тепличный комплекс займет в Якутске площадь 3,2 гектара, там будут выращивать помидоры, огурцы и другие овощи по технологиям, разработанным на Хоккайдо для регионов с суровыми климатическими условиями. Завершить строительство предполагается в 2018 г. [34]. О реализации проекта подробно пишет и газета «Никкэй», упоминая и общую сумму инвестиций в проект – 20 млн долларов США (около 2,3 млрд иен): частично инвестиции будут предоставлены по линии государственного Японского банка международного сотрудничества (JBIC) [35]. «Никкэй» акцентирует внимание на том, что для реализации данного проекта была создана ранее не применявшаяся в России схема межбанковской кооперации между финансовыми организациями Японии и России, а также реализующими проект предпринимателями двух стран, что также внесло вклад в укрепление российско-японских отношений [36].

В Приморском крае исследуется возможность поставки японского оборудования для переработки, заморозки и хранения продукции местных пищевых производств (компании Maekawa, Sojitz, INI Agri-Tech Corporation), а также проходят встречи рабочих групп администрации Приморского края, Министерства сельского хозяйства, лесной и рыбной промышленности Японии, бизнесменов России и Японии для организации экспорта кормовых трав из Приморского края в Японию [37]. Кроме того, по линии экспорта продукции пищевого производства были осуществлены пилотные поставки в Японию 30 видов мясных изделий приморской компании «Ратимир» [38].

Особенности реализации «Плана восьми пунктов» и его освещения в СМИ Японии и России

В том, что касается реализации «Плана восьми пунктов» С. Абэ на Дальнем Востоке России, можно выделить следующие тенденции:

- в настоящее время активнее всего реализуются проекты малого и среднего бизнеса в области проектирования градостроительства, транспортно-логистических схем, медицинского обслуживания, поставок оборудования для расширения промышленного производства и экспорта энергетических ресурсов;

- во многих областях сотрудничества, а особенно в области сельского хозяйства, реализация совместных японо-российских проектов сталкивается с трудностями организации экспортно-импортных процедур из-за разницы в нормативных документах таможенных органов и органов санитарно-эпидемиологического надзора. Для успешного осуществления совместных японо-российских проектов в регионах, основываясь на отзывах потенциальных японских инвесторов, необходимы проработка и приведение в соответствие с требованиями обеих сторон норм, стандартов и сертификации продукции и оборудования на уровне федеральных ведомств Японии и России, а также прозрачная и понятная для участников процесса процедура таможенного оформления;

- ситуация, когда интерес со стороны предприятий российского Дальнего Востока к реализации совместных проектов с японской стороной выше, нежели у японских предприятий, сохраняется. В последнее время сотрудничество между Японией и Россией на Дальнем Востоке идёт активнее благодаря инициативе правительств двух стран, поддержке региональных администраций и взаимному интересу бизнесменов России и Японии.

В том, что касается особенностей освещения СМИ двух стран реализации «Плана восьми пунктов», следует отметить, что процесс экономического сотрудничества России и Японии, начиная с мая 2016 г., в целом положительно оценивается и российскими, и японскими СМИ, хотя первым свойственен излишний оптимизм, а последним – более осторожный подход. Российско-японское сотрудничество по реализации «Плана восьми пунктов» освещают все общенациональные японские СМИ, а о реализации конкретных проектов на Дальнем Востоке подробно пишет экономическая газета «Никкэй» и специализированные СМИ Японии (IT и энергетика).

Фактор влияния СМИ Японии на формирование общественного мнения населения страны по ключевым вопросам международного сотрудничества продолжает оставаться значительным, и не может не радовать тот факт, что, несмотря на текущее противостояние России и США и участие Японии в санкционной политике против России, остаётся место для развития двустороннего экономического сотрудничества и что общий тон публикаций и телепрограмм СМИ Японии в отношении этого аспекта за ред-

кими исключениями в основном позитивен. Данная тенденция даёт надежду не только на продолжение российско-японского экономического сотрудничества, но и успешную подготовку среды для переговоров по решению территориального вопроса, хотя не стоит переоценивать значение фактора японских инвестиций в дело разрешения проблемы спорных территорий и заключения мирного договора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 北方領土交渉と新しいアプローチ ～ソチ日ロ首脳会談 [Электронный ресурс] [Переговоры по поводу Северных территорий: новый подход. Встреча глав государств России и Японии в Сочи // NHK. 9.05.2016]. – Режим доступа: www.nhk.or.jp/kaisetsu-blog/100/244582.html.
2. 日露首脳会談 [Электронный ресурс] [Переговоры на высшем уровне между Россией и Японией // Министерство иностранных дел Японии : офиц. сайт. 7.05.2016]. – Режим доступа: http://www.mofa.go.jp/mofaj/erp/rss/page3_001680.html.
3. 日ロ共同経済活動に暗雲 企業から慎重論 プーチン氏発言 [Тучи сгущаются над планом совместной хозяйственной деятельности России и Японии. Сторонники бизнеса без рисков в Японии. Высказывания В. В. Путина // Асахи. – 2017. – 3 июня].
4. 日ロ経済協力 日本企業の最前線 [Электронный ресурс] [Российско-японское экономическое сотрудничество. Японские предприятия на «низком старте» // NHK. 5.09.2017]. – Режим доступа: <https://www.nhk.or.jp/kokusaihoudou/archive/2017/09/0905.html>.
5. IT活用で生産性向上 日ロ、5月首脳会談で具体化狙う [Повышение продуктивности производства при помощи ИТ-технологий. К конкретизации японо-российского сотрудничества к встрече глав государств в мае // Никкэй. – 2018. – 22 февраля].
6. Россия и Япония заключили 23 документа по развитию Дальнего Востока [Электронный ресурс] // DVHAB.RU. 17.12.2016. – Режим доступа: <http://www.dvno.vosti.ru/khab/2016/12/17/59649>.
7. プーチン訪日後の日ロ関係の行方 [Электронный ресурс] [Ход японо-российского сотрудничества после визита В. В. Путина в Японию // Mizuho Research Institute. 19.12.2016]. – Режим доступа: <https://www.mizuho-ri.co.jp/publication/research/pdf/insight/eu161219.pdf>.
8. Список документов, принятых в ходе визита Владимира Путина в Японию [Электронный ресурс] // Президент России : офиц. сайт. 16.12.2016. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/5149>.
9. ロシア沿海地方概要 [О ситуации в Приморском крае : доклад директора Японского центра К. Мукаи на 421 выездной сессии НИИ Mitsui Interbusiness Re-

search Institute в г. Владивостоке 20 октября 2017 г. The constitutional system of Russia. Issue. 2: Issues of Parliamentary Law. Неопубл.].

10. 海外在留邦人数調査統計 [Электронный ресурс] [Ежегодный доклад МИД Японии о числе соотечественников за рубежом. 1.10.2016]. – Режим доступа: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/files/000260884.pdf>.

11. Глава МИД Японии – о мирном договоре с Россией, «плане Абэ» и угрозе со стороны КНДР [Электронный ресурс] // ТАСС. 26.11.2017. – Режим доступа: <https://news.rambler.ru/asia/38516080-glava-mid-yaponii-o-mirnom-dogovore-s-rossiey-plane-abe-i-ugroze-so-storony-kndr/>.

12. Пленарное заседание Восточного экономического форума [Электронный ресурс] // Президент России : офиц. сайт. 7.09.2017. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/55552>.

13. 安倍首相「ロシアの主導権発揮に期待」 外遊出発 [Премьер-министр Абэ перед поездкой: «Надеюсь на инициативное руководство России» // Асахи. – 2017. – 6 сентября].

14. Мастер-план по развитию Владивостока представят на третьем ВЭФ [Электронный ресурс] // Официальный сайт администрации Приморского края и органов исполнительной власти Приморского края. 7.07.2017. – Режим доступа: <http://primorsky.ru/news/130086/?type=special>.

15. Владивосток по плану [Электронный ресурс] // Коммерсант. – 2017. – 7 сентября. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3404088>.

16. Бондаренко, А. Японский институт разработал планы дальневосточных ТОР [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2017. – 11 апреля. – Режим доступа: <https://rg.ru/2017/04/11/reg-dfo/plany-dalnevostochnyh-tor-razrabotali-iaponcy.html>.

17. Бондаренко, О. Утвержден План перспективного развития ТОР «Амуро-Хинганская» [Электронный ресурс] // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. – Режим доступа: https://minvr.ru/press-center/news/9424/?sphrase_id=217571.

18. Первые на Дальнем Востоке: «истории успеха» [Электронный ресурс] // Приморская газета. – 2017. – 8 сентября. – Режим доступа: <http://primgazeta.ru/news/first-in-the-far-east-success-stories>.

19. Ковалев, Е. Выставка японских домов открылась на ВЭФ в Приморье [Электронный ресурс] // Официальный сайт администрации Приморского края и органов исполнительной власти Приморского края. 7.09.2017. – Режим доступа: <http://primorsky.ru/news/132676/>.

20. Клименко, О. Новый терминал аэропорта Хабаровск будет строиться на деньги Внешэкономбанка [Электронный ресурс] // Золотой Рог. – 2017. – 7 сентября. – Режим доступа: http://www.zrpress.ru/anews/khabarovsk_07.09.2017_8530

9_novyj-terminal-aeroporta-khabarovsk-budet-stroitsja-na-dengi-vneshekono mban-ka.html.

21. 極東開発、日本の技術で 領土交渉にらみロシアに提案 [Развитие Дальнего Востока при помощи японских технологий. Предложения в адрес России с целью решения территориальной проблемы // Никкэй. – 2018. – 4 февраля].

22. Япония улучшит Владивосток ради Курильских островов [Электронный ресурс] // LENTA.RU. 4.02.2018. – Режим доступа: https://lenta.ru/news/2018/02/04/japan_nastupaet/.

23. Маляренко, Е. Япония разработала план модернизации инфраструктуры Владивостока [Электронный ресурс] // ИА РБК. 4.02.2018. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/04/02/2018/5a7698679a79476bc4d4e613>.

24. Японцы инвестируют в медицину Дальнего Востока РФ [Электронный ресурс] // Вести. Экономика. 28.08.2017. – Режим доступа: <http://www.vestifinance.ru/articles/90180>.

25. 日揮、極東ロシアに医療インフラ 18年春にリハビリセンター [Компания «Никки» намерена строить на Дальнем Востоке России медицинскую инфраструктуру. Весной 2018 г. начнётся строительство реабилитационного центра // Никкэй. – 2017. – 22 мая].

26. Шилова, Е. На базе Дорожной клинической больницы в Хабаровске откроется российско-японский центр превентивной медицины [Электронный ресурс] // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. 20.09.2017. – Режим доступа: <https://minvr.ru/press-center/news/8219/>.

27. «УПК», «Восточный Порт» и Marubeni Corporation подписали Меморандум о взаимопонимании [Электронный ресурс] // PrimaMedia.ru. 8.09.2017. – Режим доступа: <http://primamedia.ru/news/620551/>.

28. Японские инвесторы планируют запустить ветрогенераторы в Тикси к осени 2019 года [Электронный ресурс] // YSIA.RU. 15.06.2017. – Режим доступа: <http://archive.ysia.ru/ekonomika/yaponskie-investory-planiruyut-zapustit-vetrogeneratory-v-tiksi-k-oseni-2019-goda/>.

29. Японские инвесторы безвозмездно предоставят Якутии три ветроустановки [Электронный ресурс] // SakhaLife.ru. 30.11.2017. – Режим доступа: <http://sakhallife.ru/yaponskie-investoryi-bezvozmездno-predostavyat-yakutii-tri-vetroustanovki/>.

30. 風力発電をつなぐ独立系統を蓄電池で安定化、NEDOがロシアで実証へ [NEDO делает шаг к развитию в России независимой системы электросетей со стабильной аккумуляцией при помощи ВЭУ // Smart Japan. – 2018. – 5 марта].

31. Россия 極東を開発せよ 変わるカムチャツカ [Будем развивать Дальний Восток России! Меняющаяся Камчатка // Санкэй. – 2016. – 10 марта].

32. Елаш, А. JGC Evergreen возводит вторую очередь теплиц [Электронный ресурс] // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. 19.09.2017. – Режим доступа: <https://minvr.ru/press-center/news/8176/>.

33. Тепличный комплекс «Саюри» покроеет 40% потребностей Якутска и пригородов [Электронный ресурс] // SakhaNews. 27.07.2017. – Режим доступа: <http://www.1sn.ru/194597.html>.

34. Головнин, В. Японская корпорация начала выращивать овощи в Якутии [Электронный ресурс] // ТАСС. 8.12.2016. – Режим доступа: <http://tass.ru/v-strane/3852112>.

35. 海道総合商事、極東ロシアで野菜工場拡大、トマト、キュウリなど増産 [Корпорация «Хоккайдо» расширяет производство овощей на Дальнем Востоке России. Увеличение производства томатов и огурцов // Никкэй. – 2017. – 28 апреля].

36. ヤクーツクに温室資材 [Строительные материалы для теплиц в Якутске // Никкэй. – 2017. – 22 августа].

37. Иванова, Д. Япония намерена развивать сотрудничество с Приморьем в области сельского хозяйства [Электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации Приморского края и исполнительных органов Приморского края. 19.10.2017. – Режим доступа: <http://www.primorsky.ru/news/134478/>.

38. «Ратимир» начал поставки продукции на рынок Японии [Электронный ресурс] // Ратимир : офиц. сайт. 11.11.2016. – Режим доступа: <http://ratimir.ru/news/4>.

REFERENCES

1. Negotiations about the Northern Territories: a new approach. Meeting of the heads of state of Russia and Japan in Sochi. *NHK*, 2016, May 09. Available at: www.nhk.or.jp/kaisetsu-blog/100/244582.html (accessed 16 February 2018). (In Japanese).

2. Negotiations at the highest level between Russia and Japan. *Ministry of Foreign Affairs of Japan: offic. site*, 2016, May 07. Available at: http://www.mofa.go.jp/mofaj/erp/rss/page3_001680.html (accessed 16 February 2018). (In Japanese).

3. Clouds thicken over the plan of joint economic activities of Russia and Japan. Supporters of business without risks in Japan, statements of Vladimir Putin. *Asahi*, 2017, June 03. (In Japanese).

4. Russian-Japanese economic cooperation. Japanese enterprises at low start. *NHK*, 2017, September 05. Available at: <https://www.nhk.or.jp/kokusaihoudou/archiv/e/2017/09/0905.html> (accessed 16 February 2018). (In Japanese).

5. Increase the productivity of production using IT technology. To the concretization of the Japanese-Russian cooperation to the meeting of the heads of state in May. *Nikkei*, 2018, February 22. (In Japanese).

6. Russia and Japan have concluded 23 documents on the development of the Far East. *DVHAB.RU*, 2016, December 17. Available at: <http://www.dvnovosti.ru/khab/2016/12/17/59649/> (accessed 16 February 2018). (In Russian).

7. *The process of Japanese-Russian cooperation after the visit of V.V. Putin to Japan*. Mizuho Research Institute, 2016, December 19. Available at: <https://www.mizuho-ri.co.jp/publication/research/pdf/insight/eu161219.pdf> (accessed 11 February 2018). (In Japanese).

8. List of documents adopted during the visit of Vladimir Putin to Japan. *Official website of the President of the Russian Federation*, 2016, December 16. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/5149> (accessed 10 February 2018). (In Russian).

9. About the situation in the Primorsky Territory. Report of the Director of the Japan Center K. Mukai. *Materials of the 421 session of the Mitsui Interbusiness Research Institute in Vladivostok*, 2017, October 20. Unpublished. (In Japanese).

10. Annual report of the Ministry of Foreign Affairs of Japan on the number of compatriots abroad. *Japan MFA website*, 2016, October 01. Available at: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/files/000260884.pdf> (accessed 18 February 2018). (In Japanese).

11. Foreign Minister of Japan. – on the peace treaty with Russia, the «Abe plan» and the threat from the DPRK. *TASS*, 2017, November 26. Available at: <https://news.rambler.ru/asia/38516080-glava-mid-yaponii-o-mirnom-dogovore-s-rossiye-plane-abe-i-ugroze-so-storony-kndr/> (accessed 16 January 2018). (In Russian).

12. Plenary meeting of the Eastern Economic Forum. *Official website of the President of the Russian Federation*, 2017, September 07. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/55552> (accessed 16 February 2018). (In Russian).

13. Prime Minister Abe before the trip: «I hope for an initiative leadership of Russia». *Asahi*, 2017, 6 September. (In Japanese).

14. Master plan for the development of Vladivostok will be presented at the third EEF. *Official site of the Primorsky Krai administration and executive authorities of Primorsky Krai*, 2017, July 07. Available at: <http://primorsky.ru/news/130086/?type=special> (accessed 16 February 2018). (In Russian).

15. Vladivostok according to plan. *Kommersant*, 2017, September 07. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3404088> (accessed 16 February 2018). (In Russian).

16. Bondarenko A. Yaponskii institut razrabotal plany dal'nevostochnykh TOR [The Japanese Institute developed plans for Far Eastern PDA]. *Rossiiskaya Gazeta*, 2017, April 11. Available at: <https://rg.ru/2017/04/11/reg-dfo/plany-dalnevostochnyh-tor-razrabotali-iaponcy.html> (accessed 16 February 2018).

17. Bondarenko O. Utverzhden Plan perspektivnogo razvitiya TOR «Amuro-Khinganskaya» [The Plan of long-term development of the PDA «Amuro-Khinganskaya» was approved]. *Ministry of the Russian Federation for the Development of the Far East*.

Available at: https://minvr.ru/press-center/news/9424/?sphrase_id=217571 (accessed 16 February 2018).

18. The first in the Far East: «success stories». *Primorskaya Gazeta*, 2017, September 08. Available at: <http://primgazeta.ru/news/first-in-the-far-east-success-stories> (accessed 16 February 2018). (In Russian).

19. Kovalev E. Vystavka yaponskikh domov otkrylas' na VEF v Primor'e [Exhibition of Japanese houses opened at the EEF in Primorye]. *Official site of the Primorskii Krai administration and executive authorities of the Primorskii Krai*, 2017, September 07. Available at: <http://primorsky.ru/news/132676/> (accessed 16 February 2018).

20. Klimenko O. Novyi terminal aeroporta Khabarovsk budet stroit'sya na den'gi Vneshekonombanka [The new terminal of Khabarovsk airport will be built using Vnesheconombank's money]. *Zolotoy Rog*, 2017, September 07. Available at: http://www.zrpress.ru/anevsk/khabarovsk_07.09.2017_85309_novyj-terminal-aeroporta-khabarovsk-budet-stroitsja-na-dengi-vneshekonombanka.html (accessed 16 February 2018).

21. Development of the Far East with the help of Japanese technology. Proposals addressed to Russia in order to solve the territorial problem. *Nikkei*, 2018, February 04. (In Japanese).

22. Japan will improve Vladivostok for the sake of the Kuril Islands. *LENTA.RU*, 2018, February 04. Available at: https://lenta.ru/news/2018/02/04/japan_nastupaet/ (accessed 16 February 2018). (In Russian).

23. Malyarenko E. Yaponiya razrabotala plan modernizatsii infrastruktury Vladivostoka [Japan has developed a plan for upgrading the infrastructure of Vladivostok]. *RBC*, 2018, February 04. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/04/02/2018/5a7698679a79476bc4d4e613> (accessed 16 February 2018).

24. Japanese invest in medicine of the Far East of the Russian Federation. *News. Economy*, 2017, August 28. Available at: <http://www.vestifinance.ru/articles/90180> (accessed 11 February 2018). (In Russian).

25. Nikki intends to build a medical infrastructure in the Russian Far East. In the spring of 2018, the construction of a rehabilitation center will begin. *Nikkei*, 2017, May 22. (In Japanese).

26. Shilova E. Na baze Dorozhnoi klinicheskoi bol'nitsy v Khabarovske otkroetsya rossiisko-yaponskii tsentr preventivnoi meditsiny [A Russian-Japanese Center for Preventive Medicine will open on the basis of the Railroad Clinical Hospital in Khabarovsk]. *Ministry of the Russian Federation for the Development of the Far East*, 2017, September 20. Available at: <https://minvr.ru/press-center/news/8219/> (accessed 11 February 2018).

27. «UPK», «East Port» and Marubeni Corporation signed a Memorandum of Understanding. *PrimaMedia.ru*, 2017, September 08. Available at: <http://primamedia.ru/news/620551/> (accessed 13 February 2018). (In Russian).

28. Japanese investors plan to launch wind turbines in Tiksi by autumn 2019. *YSIA.RU*, 2017, June 15. Available at: <http://ysia.ru/ekonomika/yaponskie-investory-planiruyut-zapustit-vetrogeneratory-v-tiksi-k-oseni-2019-goda/> (accessed 16 February 2018). (In Russian).

29. Japanese investors will provide 3 wind turbines to Yakutia free of charge. *Sakhalife.ru*, 2017, November 30. Available at: <http://sakhalife.ru/yaponskie-investoryi-bezvozmezdno-predostavyat-yakutii-tri-vetroustanovki/> (accessed 16 February 2018). (In Russian).

30. NEDO takes a step towards the development in Russia of an independent grid system with stable accumulation with the help of windmills. *Smart Japan*, 2018, March 05. (In Japanese).

31. We will develop the Far East of Russia! Changing Kamchatka, *Sankei*, 2016, March 10. (In Japanese).

32. Elash A. JGC Evergreen vozvodit vtoruyu ochered' teplits [JGC Evergreen builds the second line of greenhouses]. *Ministry of the Russian Federation for the Development of the Far East*, 2017, September 19. Available at: <https://minvr.ru/press-center/news/8176> (accessed 16 February 2018). (in Russian).

33. The greenhouse complex «Sayuri» will cover 40% of the needs of Yakutsk and its suburbs. *SakhaNews*, 2017, July 27. Available at: <http://www.1sn.ru/194597.html> (accessed 11 February 2018). (In Russian).

34. Golovnin V. Yaponskaya korporatsiya nachala vyrashchivat' ovoshchi v Yakutii [Japanese corporation began to grow vegetables in Yakutia]. *TASS*, 2016, December 08. Available at: <http://tass.ru/v-strane/3852112> (accessed 16 February 2018).

35. «Hokkaido Corporation» is expanding the production of vegetables in the Far East of Russia. Increase in the production of tomatoes and cucumbers. *Nikkei*, 2017, April 28. (In Japanese).

36. Building materials for greenhouses in Yakutsk. *Nikkei*, 2017, August 22. (In Japanese).

37. Ivanova D. Yaponiya namerena razvivat' sotrudnichestvo s Primor'em v oblasti sel'skogo khozyaistva [Japan intends to develop cooperation with Primorye in the field of agriculture]. *Official site of Primorsky Krai Administration and executive bodies of Primorsky Krai*, 2017, October 19. Available at: <http://www.primorsky.ru/news/134478/> (accessed 12 February 2018).

38. «Ratimir» began deliveries to the Japanese market. *The site of the company «Ratimir»*, 2016, November 11. Available at: <http://ratimir.ru/news/4> (accessed 16 February 2018). (In Russian).

УДК 332.122(5-77):316.42-047.34

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-1-2/38-51

О.А. Клачкова¹

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

E-mail: sparrow889@gmail.com

О.В. Сучкова²

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

E-mail: suchkovaolga.91@mail.ru

РАЗНООБРАЗИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ АЗИИ*

Аннотация. В статье анализируется связь между социально-экономическим развитием и этническим, религиозным и языковым разнообразием на уровне регионов для стран с относительно высоким уровнем разнообразия (на примере Китайской Народной Республики и Индии) и со сравнительно низким уровнем разнообразия (на примере Японии и Республики Корея), проводится сравнительный анализ результатов. В исследовании использованы данные с сайтов официальных статистических служб, а также баз «Этнолог» и Global Terrorism Database. Для целей сопоставимости данных исходные показатели были сгруппированы по нескольким категориям (ВРП, безработица, преступность, конфликты, культура, образование, здравоохранение, телекоммуникации). Для этнического и религиозного разнообразия был рассчитан показатель разнообразия на основе индекса Джини – Симпсона. Проведённый первичный корреляционный анализ данных показал, что для стран с высоким уровнем разнообразия имеет место отрицательная взаимосвязь между разнообразием и валовым региональным продуктом на душу населения. Для стран с низким уровнем разнообразия эта связь является положительной либо незначимой. Аналогичные результаты получены и для связи разнообразия с культурным развитием регионов: в регионах, менее развитых с точки зрения количественных показателей культуры и телекоммуникаций, наблюдается более высокий уровень этниче-

¹Ольга Александровна Клачкова, ассистент кафедры математических методов анализа экономики экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

²Ольга Владимировна Сучкова, ассистент кафедры математических методов анализа экономики экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

*Работа выполнена за счет средств Российского научного фонда, проект № 15-18-00098.

Для цитирования: Клачкова О.А., Сучкова О.В. Разнообразие и социально-экономическое развитие регионов в отдельных странах Азии // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 1–2. С. 38–51.

ского разнообразия. Устойчивость парных коэффициентов корреляции по всем социально-экономическим переменным была проверена с помощью варьирования параметров индекса этнического разнообразия. В качестве частных выводов для штатов Индии мы выявили следующую цепочку взаимосвязей: регионы с низким валовым региональным продуктом на душу населения и большим числом конфликтов характеризуются большой долей населения за чертой бедности и с низким уровнем грамотности. Особенный интерес представляет результат, полученный для префектур Японии: как этническое, так и религиозное разнообразие отрицательно связано с долей людей, получивших начальное и среднее образование, и положительно связано с долей людей, имеющих высшее образование.

Ключевые слова: разнообразие, социально-экономическое развитие, этно-религиозные группы, индексы неоднородности, языковое разнообразие, страны Азии, региональный уровень, корреляционный анализ, количественные оценки, ранжирование, графический анализ, ВРП, безработица, образование, грамотность, культурное развитие, телекоммуникации, конфликты, уровень преступности.

Olga A. Klachkova¹

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: sparrow889@gmail.com

Olga V. Suchkova²

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: suchkovaolga.91@mail.ru

**DIVERSITY AND SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF REGIONS
IN SOME ASIAN COUNTRIES**

Abstract. The article examines the relationship between socio-economic development and ethnic, religious and linguistic diversity on regional level for the two types of countries: with relatively high (China and India) and low (Japan and South Korea) level of diversity. We use data from the websites of official statistical services and databases "Ethnologue" and the Global Terrorism Database. In order to make initial variables comparable they were grouped in several categories (GRP, unemployment, crime, conflict, culture, education, health, telecommunications). Ethnic and religious diversity indices were calculated as the Gini-Simpson index. According to our estimates based on primary

¹ Olga A. Klachkova, Department of Economics Lomonosov Moscow State University, Teaching Assistant, Moscow, Russia.

² Olga V. Suchkova, Department of Economics Lomonosov Moscow State University, Teaching Assistant, Moscow, Russia.

For citing: Klachkova O.A., Suchkova O.V. Diversity and socio-economic development of regions in some Asian countries // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2018. № 1–2. P. 38–51.

data analysis, for countries with a high level of diversity a negative relationship between diversity and GRP per capita exists. For countries with a low level of diversity, this relationship is positive or insignificant. Similar results were obtained for diversity and the cultural development of regions: the regions with less developed culture and telecommunication systems have greater ethnic diversity. Robustness of the pairwise correlation coefficients for all the socio-economic variables was checked by changing the parameters of the ethnic diversity index. In particular, for India the following logic of the relationships is observed: states with a low GRP per capita and a large number of conflicts are characterized by a large share of the population below the poverty line and low literacy levels. An interesting result obtained for Japan: ethnic and religious diversity is negatively related to the proportion of people with primary and secondary education, and positively associated with the share of people with higher education.

Key words: diversity, diversity indices, socio-economic development, ethno-religious groups, linguistic diversity, Asian countries, regional level, correlation analysis, quantitative estimates, ranking, graphical analysis, gross regional product, unemployment, education, literacy, cultural development, telecommunications, conflicts, level of crime.

Введение

Большинство макроэкономических взаимосвязей между социально-экономическими показателями на уровне стран хорошо изучено. Один из способов развития исследования – перейти на уровень регионального анализа, например, учесть факторы неоднородности агентов, среди которых языковые, этнические и религиозные особенности. В то же время региональный анализ влияния разнообразия на социально-экономическое развитие осложняется структурой доступных статистических данных.

Цель данной работы – провести первичный количественный анализ взаимосвязей между социально-экономическими показателями и показателями разнообразия на региональном уровне на примере отдельных стран Азии, таких как Китайская Народная Республика, Республика Индия, Япония и Республика Корея (Южная Корея). Выбор стран обусловлен тем, что, исходя из доступности данных на региональном уровне, проводится сравнительный анализ стран с высоким уровнем разнообразия (Китай и Индия) и стран с низким уровнем разнообразия (Япония и Республика Корея).

Выбранная методология – корреляционный анализ, который является первым этапом исследования зависимостей, предваряющим регрессионный анализ, и отвечает на вопрос, существует ли зависимость или анализируемые признаки статистически независимы¹.

¹См.: Айвазян С. А., Мхитарян В. С. Прикладная статистика и основы эконометрики / ЮНИТИ. М., 1998. С. 393.

В данной статье анализируется влияние трёх факторов разнообразия – этнического, религиозного и языкового. Этническое и религиозное рассчитываются на основе индекса Джини – Симпсона и его обобщений [3]:

$$E(p) = 1 - \sum_{i=1}^s p_i^2,$$

где s – количество разных групп (этнических или религиозных) в регионе, p_i – доля группы в общей численности населения региона.

Языковое разнообразие, исходя из структуры используемой нами базы данных Ethnologue, рассчитывалось на основе сведений о количестве языков, на которых говорят в соответствующем регионе.

В большом количестве эмпирических исследований (например, [1, 10]) показано, что религиозное разнообразие скорее не имеет значимого влияния на социально-экономические показатели. Однако особый интерес представляет работа [2], в которой религиозное разнообразие рассчитывается на основе индекса $E(p)$. Авторы показывают, что социальное разнообразие, в частности религиозное, снижает риск гражданского конфликта внутри страны. Они объясняют это тем, что воинственно настроенные организации пополняют свои ряды в основном за счёт людей схожих с ними убеждений, а высокий уровень разнообразия этому противоречит.

Авторы [5], используя в качестве индекса этнического разнообразия $E(p)$, показали, что на уровне стран, рассматриваемых в целом, без учёта их региональной структуры, существует значимое отрицательное влияние этнического разнообразия на темпы экономического роста. Это объясняется тем, что в гетерогенных обществах сложнее производить общественные блага, так как, во-первых, различные агенты имеют неодинаковые потребности, а во-вторых, принадлежащие к разным группам индивиды менее склонны к кооперации. В работе [1] рассматривается не только религиозное, но и этническое разнообразие. В случае религиозного авторы приходят к выводу о незначимости этого фактора, а этническое разнообразие, согласно их расчётам, на уровне стран значимо отрицательно влияет на экономический рост.

В работе [7] проанализировано влияние этнического разнообразия на средний уровень заработной платы среди работников в США. На основании регрессионного анализа получено, что более высокий уровень этнического разнообразия в рамках города приводит к более высоким заработным платам работников американского происхождения. Авторы объясняют это тем, что этническая разнородность создаёт большую комплементарность, а тем самым и более высокий уровень качества рабочей силы, что повышает общий уровень производства товаров и услуг, особенно в высокотехнологичных отраслях. В работе [9] с помощью эконометрического анализа также получено, что этническое разнообразие среди высокообразованных индивидов оказывает значимое и положительное влияние на средний уровень заработной платы.

Таким образом, на основании приведённых выше исследований можно сделать вывод, что на уровне стран более высокое этническое разнообразие оказывает отрицательное влияние на экономический рост, в то время как на уровне городов влияние на заработные платы скорее положительное. Религиозное же разнообразие скорее не оказывает значимого влияния на социально-экономические показатели, однако есть основания полагать, что оно снижает вероятность гражданских конфликтов внутри страны.

Отметим, что в данной статье аналогичные взаимосвязи будут исследованы на региональном уровне.

Описание данных

Данные по регионам выбранных стран взяты с сайтов официальных статистических служб: National Bureau of Statistics of China (перепись населения 2000 и 2010 гг.), Government of India Planning commission (перепись населения 2011 г.), Statistics Bureau of Japan (перепись населения 2010 г.), Korean Statistical Information Service (перепись населения 2005 г.). Данные о языках и количестве конфликтов были взяты из баз «Этнолог» и Global Terrorism Database¹ соответственно.

Данные имеют региональную пространственную структуру по каждой из стран. Момент сбора данных внутри страны различается по группам показателей, однако это не является препятствием для выявления количественных характеристик и связей между рассматриваемыми показателями, поскольку этнические, религиозные и языковые характеристики медленно изменяются во времени [8]. Кроме того, по разным странам доступны разные наборы показателей. Для целей сопоставимости данных исходные социально-экономические показатели были сгруппированы по нескольким категориям: ВВП, безработица, преступность, конфликты, культура, образование, здравоохранение, телекоммуникации. Рассматриваются относительные показатели (на душу населения), в противном случае они характеризуют размер региона, а не его экономическое положение.

В выборку вошли данные по всем 47 административным единицам (префектурам) Японии и всем регионам Республики Корея, а также по 30 регионам Китайской Народной Республики (все административные образования, за исключением специальных административных районов Гонконг и Макао). По Индии доступны данные по 31 штату.

Рассматриваемые базы данных не содержат сведений о численности населения разных национальностей по штатам Индии. Для Китая и Японии в базах представлены только данные по количеству религиозных сооружений в регионе, что может не соответствовать реальной структуре населения по вероисповеданию. В таком

¹См.: <https://www.start.umd.edu/gtd/>

случае также рассчитывается вспомогательный показатель, аппроксимирующий искомый, на основе индекса Джини – Симпсона, но в качестве долей группы в общей численности населения региона выступает доля религиозных сооружений данной конфессии в общем числе религиозных сооружений в регионе.

Помимо описанных выше переменных, ещё одной характеристикой региона, связанной с разнообразием, может быть число конфликтов в этом регионе. Данные по конфликтам доступны в базе Global Terrorism Database, рассчитывается суммарное число конфликтов с 2011 г. по 2014 г. В статье связь между конфликтами и разнообразием будет рассмотрена на примере Индии, в которой конфликты зарегистрированы равномерно по всем регионам.

Обобщение результатов корреляционного анализа

Ввиду отсутствия данных по этническому разнообразию в регионах Индии сравнение проводится только по Китаю, Японии и Республике Корея (табл. 1). Религиозное разнообразие рассчитано для всех стран с учётом описанных выше особенностей (табл. 2).

Как видно из табл. 1, этническое разнообразие в регионах Китая, как по данным переписи 2000 г., так и 2010 г., отрицательно коррелировано с валовым региональным продуктом и располагаемым доходом на душу населения. В регионах с более высоким уровнем этнического разнообразия наблюдается негативная экономическая ситуация: это депрессивные регионы Qinghai – Цинхай, Xinjiang – Синьцзян-Уйгурский автономный район, Guizhou – горная многонациональная провинция на юго-западе Китая, Ningxia – автономный регион на севере центральной части, Neimenggu – Внутренняя Монголия. Кроме того, этническое разнообразие в Китае отрицательно коррелирует с числом театров, кинотеатров, концертных залов, а также долей населения, имеющего доступ к радио и телевидению. В менее развитых с точки зрения культуры и телекоммуникаций регионах наблюдается более высокий уровень этнического разнообразия, что в целом соответствует результатам, полученным при оценке влияния разнообразия на уровне стран [5].

Формальный статистический тест на равенство средних для индекса этнического разнообразия, по данным переписи 2000 г. и 2010 г., в КНР демонстрирует пересечение доверительных интервалов для средних по выборке значений, и гипотеза о различии средних отвергается, что говорит об устойчивости полученных корреляционных связей. Для проверки устойчивости количественных оценок, представленных в таблицах 1, 2, вычислены различные вариации индекса этнического разнообразия для 2000 г. и 2010 г., получаемые параметрической заменой показателя степени 2 в формуле Джини – Симпсона на значения от 1,5 до 2,5 с шагом 0,1 (см. математическое обоснование в [3]). Ранг регионов, статистическая значимость и знаки коэффициентов корреляций не изменились.

Таблица 1

Сравнение парных коэффициентов корреляции с индексом этнического разнообразия по странам

Общий показатель	Название показателя в первоисточнике	Китай (высокое разнообразие)	Название показателя в первоисточнике	Япония (низкое разнообразие)	Название показателя в первоисточнике	Республика Корея (низкое разнообразие)
Валовой региональный продукт	ВРП (номинальное значение, в 100 млн юаней)	-0,365 (**)	ВРП на душу населения (в тыс. иен)	0,795 (**)	ВРП (в рыночных ценах)	0,413
Безработица	Численность занятых среди городского населения (на 10 тыс. чел.)	-0,533 (**)	Уровень безработицы (%)	-0,436 (**)	Уровень безработицы (%)	0,409
Преступления	X*	X*	Число раскрытых преступлений (на 1000 чел. населения)	0,653 (**)	Число насильственных преступлений на 10 тыс. чел. населения	0,683 (**)
Культура	Число музеев (номинальное значение)	-0,613 (**)	Число библиотек (на 1 млн жителей)	-0,187	X*	X*

Источник: составлено авторами.

Примечания: X* – данные по сопоставимому показателю отсутствуют;

** – значимость коэффициента корреляции на 5%-ном уровне.

Таблица 2

Сравнение парных коэффициентов корреляции по странам, религиозное разнообразие

Общий показатель	Название показателя в первоисточнике	Китай (высокое разнообразие)	Название показателя в первоисточнике	Индия (высокое разнообразие)	Название показателя в первоисточнике	Япония (низкое разнообразие)	Название показателя в первоисточнике	Республика Корея (низкое разнообразие)
Валовой региональный продукт	ВРП (номинальное значение, в 100 млн юаней)	0,177	ВРП в постоянных ценах	0,096	ВРП на душу населения (тыс. иен)	0,237	ВРП в рыночных ценах	0,154
Безработица	Численность занятых среди городского населения (на 10000 чел.)	0,326	X*	X*	Уровень безработицы (%)	-0,084	Уровень безработицы (%)	0,510 (**)
Преступления	X*	X*	X*	X*	Число раскрытых преступлений (на 1000 чел. населения)	0,303(**)	Насильственных преступлений на 10 тыс. чел. населения	0,592 (**)
Культура	Число музеев	0,325	X*	X*	Число библиотек (на 1 млн жителей)	-0,530 (**)	X*	X*

Источник: составлено авторами.

Примечания: X* – данные по сопоставимому показателю отсутствуют;

** – значимость коэффициента корреляции на 5%-ном уровне.

Религиозное разнообразие в Китае положительно коррелирует с доходами от трансфертов для городских домохозяйств. Иными словами, регионы с более высоким уровнем религиозного разнообразия сильнее зависят от трансфертов населению, то есть государственной поддержки. Коэффициенты корреляции между религиозным разнообразием и остальными показателями оказались незначимыми; результаты, полученные для этнического и религиозного разнообразия, различаются.

В Индии религиозное разнообразие не коррелирует с сопоставимыми показателями, представленными в табл. 1, 2. Согласно полученным количественным оценкам, количество языков в Индии отрицательно коррелирует с валовым региональным продуктом. Однако используемый в данных расчётах показатель «численность языков» отражает только наличие языка в регионе, но не его распространение и не долю людей, которые считают его основным. Стоит также отметить, что с валовым региональным продуктом отрицательно коррелирует и число конфликтов в регионе. Это может объясняться тем, что регионы с низким ВРП на душу населения и большим числом конфликтов характеризуются большей долей населения за чертой бедности и с низким уровнем грамотности, что подтверждается коэффициентами корреляции между этими показателями. Коэффициент корреляции между уровнем грамотности среди женщин от 7 лет и старше и долей людей, живущих за чертой бедности, равен (-0,474) и значим на 5%-ном уровне.

Для Республики Корея характерно очень низкое этническое разнообразие при сравнительно высоком религиозном. Тем самым, полученные корреляции суммарно объясняются этнической однородностью и религиозной разнородностью: религиозное и этническое разнообразие положительно коррелирует с числом тяжких преступлений, получена значимая положительная корреляция религиозного разнообразия с безработицей, не выявлено значимой связи показателей разнообразия с ВРП.

В Японии как этническое, так и религиозное разнообразие отрицательно связано с долей людей, получивших начальное и среднее образование, и положительно связано с долей людей, имеющих высшее образование (табл. 3). Это может объясняться тем, что, с одной стороны, в менее однородных регионах требуется больше начальных школ для детей разных национальностей, требующих разного подхода к обучению, что соответствует результатам [4]. С другой стороны, университеты и колледжи находятся в городах, где уровень разнообразия выше. Например, в Токио самый высокий по стране уровень как этнического, так и религиозного разнообразия и максимальная доля людей с высшим образованием.

Была получена значимая отрицательная корреляция между безработицей и этническим разнообразием и положительная связь ВРП на душу населения с этническим разнообразием, что в случае Японии представляется логичным. Наименьшее

этническое разнообразие, один из самых высоких уровней безработицы (9%) и, одновременно, один из самых низких ВРП на душу населения наблюдаются в префектуре Аомори. Наибольшее этническое разнообразие и самая низкая безработица при самых высоких доходах населения – в крупных городах, таких как Токио и Иокогама. Связь безработицы и ВРП на душу населения с религиозным разнообразием не является статистической значимой.

Таблица 3

Парные коэффициенты корреляции для Японии

Общий показатель	Япония, 47 префектур 5%-ные критические значения (двухсторонние) = 0,2876	Этническое разнообразие, 2005 г.	Этническое разнообразие, 2010 г.	Религиозное разнообразие
Образование	Доля людей, окончивших только начальную и среднюю школу, %	-0,5192 (**)	-0,586 (**)	-0,497 (**)
	Доля людей, окончивших старшую школу, %	-0,335 (**)	-0,570 (**)	-0,350 (**)
	Доля людей, окончивших колледж, %	0,5605 (**)	0,524 (**)	0,302 (**)
	Доля людей, получивших высшее образование, %	0,5754 (**)	0,676 (**)	0,486 (**)

Источник: составлено авторами.

Примечание: ** – значимость коэффициента корреляции на 5%-ном уровне.

Кроме того, для Японии, аналогично результатам на уровне городов США [7] и на уровне стран [9], выявлена положительная корреляция разнообразия и средней заработной платы на региональном уровне. Аналогично результатам, полученным по КНР, число учреждений культуры (в данном случае, библиотек) отрицательно коррелирует с уровнем разнообразия, как и число учреждений здравоохранения. Также одним из результатов является положительная корреляция числа раскрытых

преступлений с этническим и религиозным разнообразием. Возможно, причина заключается в том, что люди одной веры и национальности менее готовы давать свидетельские показания друг против друга, нежели по отношению к представителям другой национальности [6].

В Республике Корея только два региона с самым большим разнообразием имеют высокий ВРП (город Сеул и провинция Кёнгидо, в которой Сеул находится), в то время как для всех остальных регионов зависимости между ВРП и этническим разнообразием не наблюдается. Аналогично случаю Республики Корея, выделяется Токио с высоким ВРП и высоким уровнем разнообразия, в то время как для остальных регионов связи не наблюдается. Таким образом, для стран с низким уровнем этнического разнообразия нельзя утверждать, что высокое разнообразие отрицательно влияет на ВРП на уровне регионов.

Для Китая, страны с относительно высоким уровнем этнического разнообразия, в целом на уровне страны характерна «квадратичная» форма связи социально-экономических показателей с величиной разнообразия на уровне регионов. Для регионов с невысоким уровнем разнообразия его небольшое увеличение способствует росту экономической отдачи; для регионов с высоким уровнем разнообразия его дальнейшее увеличение отрицательно сказывается на отдельных аспектах социально-экономического развития. Последнее может быть объяснено следующим образом. Низкий ВРП при высоком разнообразии может быть обусловлен возникновением конфликтов, низким уровнем доверия между разными этническими группами (и тем самым низким уровнем производства общественных благ), также власть может отдавать предпочтение одной из этнических групп, ущемляя другие. Низкий ВРП при низком разнообразии может объясняться отсутствием эффекта синергии, то есть взаимного обогащения идеями и умениями при совместной работе.

Для Республики Корея и Китая зависимость между безработицей или числом занятых и уровнем этнического разнообразия имеет сходный вид: в случае Республики Корея – это парабола с ветвями вверх для безработицы, а в случае Китая – это парабола с ветвями вниз для числа занятых. Для Японии явной зависимости не выявлено.

Могут быть даны следующие объяснения относительно параболического вида тренда для Республики Корея и Китая. Низкая занятость в регионе с высоким разнообразием может объясняться, во-первых, дискриминацией между национальностями, так как работодатели могут быть склонны нанимать работников той же национальности, что и они сами, а во-вторых, более высоким доходом от трансфертов, так как это снижает стимулы для поиска работы. В свою очередь низкая занятость в регионе с низким разнообразием может являться следствием небольшого ВРП.

Что касается конфликтов (табл. 1, 2), то, несмотря на то, что данные по преступности доступны только по странам с низким средним уровнем разнообразия,

даже для этих стран подтверждается гипотеза о большем числе конфликтов в регионах с большим разнообразием.

Заключение

Данная работа является первым этапом исследования, посвящённого изучению влияния этнического, религиозного и языкового разнообразия на социально-экономические показатели выбранных стран Азии: Китайская Народная Республика и Республика Индия – страны с высоким уровнем разнообразия на уровне регионов, Япония и Республика Корея – страны с низким уровнем разнообразия на уровне регионов. Полученные результаты представляют ценность во многом потому, что они показывают, что этническая и религиозная неоднородность может оказывать влияние на проведение макроэкономической политики.

Доступность данных не всегда позволяет делать выводы применительно ко всем рассматриваемым странам, некоторые интересные закономерности получены только для отдельных стран. Для стран с высоким уровнем разнообразия (КНР и Индия) была выявлена отрицательная взаимосвязь между разнообразием и ВРП на душу населения, то есть для более неоднородных регионов характерен более низкий уровень экономического развития. Для стран с низким уровнем разнообразия эта связь оказалась положительной (Япония) или незначимой (Республика Корея). Аналогичные результаты получены и для связи разнообразия с культурным развитием регионов Китая и Индии.

Что касается дополнительно выявленных отдельных эффектов связи рассматриваемых показателей, в Индии наблюдается цепочка взаимосвязей: регионы с низким ВРП на душу населения и большим числом конфликтов характеризуются большой долей населения за чертой бедности и с низким уровнем грамотности. Для Японии особый интерес представляет связь разнообразия с образованием: как этническое, так и религиозное разнообразие отрицательно связаны с долей людей, получивших начальное и среднее образование, и положительно связаны с долей людей, имеющих высшее образование. Также для Японии одним из результатов является положительная корреляция числа раскрытых преступлений с этническим и религиозным разнообразием, что, на наш взгляд, связано с возможной отрицательной связью между разнообразием и социальной сплоченностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Fractionalization / A. Alesina, A. Devleeschauwe, W. Easterly, S. Kurlat, R. Wacziarg // *Journal of Economic Growth*. – 2003. – Vol. 8, no. 2. – Pp. 155–194.
2. Collier, P. Greed and grievance in civil war / P. Collier, A. Hoeffler // *Oxford Economic Papers*. – 2004. – Vol. 56, no. 4. – Pp. 563–595.

3. Davydov, D. A simple characterization of the family of diversity indices / D. Davydov, S. Weber // *Economics letters*. – 2016. – Vol. 147. – Pp. 121–123.
4. Dronkers, J. Positive but also negative effects of ethnic diversity in schools on educational performance? An empirical test using PISA data / J. Dronkers, R. Velden // *Integration and Inequality in Educational Institutions* / ed. by M. Windzio. – London, 2012. – Pp. 71–98. – Doi: 10.1007/978-94-007-6119-3_4.
5. Easterly, W. Africa's Growth Tragedy: Policies and Ethnic Divisions / W. Easterly, R. Levine // *The Quarterly Journal of Economics*. – 1997. – Vol. 112, no. 4. – Pp. 1203–1250.
6. Lancee, B. Ethnic, religious and economic diversity in Dutch neighbourhoods: explaining quality of contact with neighbours, trust in the neighbourhood and inter-ethnic trust / B. Lancee, J. Dronkers // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2011. – Vol. 37, no. 4. – Pp. 597–618.
7. Ottaviano, G. The economic value of cultural diversity: evidence from US cities / G. Ottaviano, G. Peri // *Journal of Economic Geography*. – 2006. – Vol. 6, no. 1. – Pp. 9–44.
8. Roland, G. Understanding institutional change: Fast-moving and slow-moving institutions // *Studies in Comparative International Development*. – 2004. – Vol. 38, no. 4. – Pp. 109–131.
9. Sze, W. Is Cultural Diversity Good for the Economy? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:http://econ.arts.ubc.ca/nfortin/ec on495/WesleySze_thesis.pdf.
10. Tavares, J. How democracy affects growth / J. Tavares, R. Wacziarg // *European Economic Review*. – 2001. – Vol. 45, no. 8. – Pp. 1341–1378.

REFERENCES

1. Alesina A., Devleeschauwer A., Easterly W., Kurlat S., Wacziarg R. Fractionalization. *Journal of Economic Growth*, 2003, vol. 8, no. 2, pp. 155–194.
2. Collier P., Hoeffler A. Greed and grievance in civil war. *Oxford Economic Papers*, 2004, vol. 56, no. 4, pp. 563–595.
3. Davydov D., Weber S. A simple characterization of the family of diversity indices. *Economics letters*, 2016, vol. 147, pp.121–123.
4. Dronkers J., Velden R. Positive but also negative effects of ethnic diversity in schools on educational performance? An empirical test using PISA data. Windzio M. (ed.) *Integration and Inequality in Educational Institutions*, London, 2012, pp. 71–98, doi: 10.1007/978-94-007-6119-3_4.
5. Easterly W., Levine R. Africa's Growth Tragedy: Policies and Ethnic Divisions. *The Quarterly Journal of Economics*, 1997, vol. 112, no. 4, pp. 1203–1250.

6. Lancee B., Dronkers J. Ethnic, religious and economic diversity in Dutch neighbourhoods: explaining quality of contact with neighbours, trust in the neighbourhood and inter-ethnic trust. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2011, vol. 37, no. 4, pp. 597–618.

7. Ottaviano G., Peri G. The economic value of cultural diversity: evidence from US cities. *Journal of Economic Geography*, 2006, vol. 6, no. 1, pp. 9–44.

8. Roland G. Understanding institutional change: Fast-moving and slow-moving institutions. *Studies in Comparative International Development*, 2004, vol. 38, no. 4, pp. 109–131.

9. Sze W. *Is Cultural Diversity Good for the Economy?* Available at: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:http://econ.arts.ubc.ca/nfortin/ec on495/WesleySze_thesis.pdf (accessed 11 January 2018).

10. Tavares J., Wacziarg R. How democracy affects growth. *European Economic Review*, 2001, vol. 45, no. 8, pp. 1341–1378.

УДК 338.45:627.21(571.6)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-1-2/52-64

А.С. Сергеев¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: serg-alexander@yandex.ru

Б.Е. Куприянов²

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: kuprianov.be@students.dvfu.ru

РАБОТА РОССИЙСКИХ МОРСКИХ РЫБНЫХ ПОРТОВ В УСЛОВИЯХ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РЫБНОГО ХОЗЯЙСТВА

Аннотация. В дореформенный период (1980–1991 гг.) морские рыбные порты (МРП) традиционно занимали ведущее положение в стратегии развития рыбопромышленного комплекса России (РСФСР), обеспечивая перевалку готовой рыбопродукции с транспортных и промысловых судов на берег, а также производили их комплексное обслуживание в период подготовки к промысловым экспедициям. В самый интенсивный период работы рыбной промышленности России (1985–1990 гг.) всеми морскими рыбными портами страны ежегодно перегружалось около 4 млн т рыбопродукции, которая составляла 75 % в общей структуре грузооборота. Однако грузооборот рыбных портов страны, начиная с 2000 г., стал резко сокращаться и к 2008 г. составил по рыбопродукции всего около 600 тыс. т. При этом доля других коммерческих грузов, перегружаемых в морских рыбных портах, возросла до 90 %. На Дальневосточном бассейне, который является главным поставщиком рыбной продукции на внутренний и внешний рынки, доля рыбопродукции в общем грузообороте МРП снизилась ещё более значительно и составила всего к 2008 г. около 250 тыс. т из 3 500 тыс. т общего грузооборота. Это обстоятельство вызвало у всех МРП необходимость поиска и привлечения дополнительной грузо-

¹Александр Садофович Сергеев, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики предприятия Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

²Богдан Евгеньевич Куприянов, магистрант направления Экономика по профилю «Логистика и управление транспортными перевозками на рынках АТР» Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Сергеев А.С., Куприянов Б.Е. Работа российских морских рыбных портов в условиях реструктуризации экономики рыбного хозяйства // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 1–2. С. 52–64.

вой базы за счёт расширения номенклатуры генеральных грузов, включая контейнерные, а также перепрофилирования некоторых причалов под лесные и навалочные грузы. Таким образом, МРП как специальные предприятия основной цепи рыбопромышленного комплекса, по сути, превратились в универсальные перегрузочные терминалы морского транспортного комплекса России под управлением Минтранса РФ.

В 2008 г. практически все базовые МРП вошли в общий состав морских портов России регионального и федерального значения. Однако за этот период до настоящего времени доля рыбопродукции в общей перевалке грузов морскими портами России существенно не изменилась. Основные мощности терминалов по перевалке рыбопродукции по-прежнему сосредоточены в главных морских портах ДВФО. Несмотря на значительный физический износ перегрузочных и складских терминалов, они имеют возможность ежегодно пропускать до 1,2 млн т рыбопродукции в тарно-штучном виде и до 2,5 млн т в рефрижераторных контейнерах. Таким образом, при обеспечении благоприятных условий для доставки и перевалки всей рыбопродукции на отечественном берегу, грузооборот в морских портах региона может увеличиться почти в четыре раза.

В статье рассматривается также перспектива развития специализированных терминалов под перевалку рыбопродукции в морских торговых портах ДВФО с учётом новой системы управления в рамках принятого федерального закона «О свободном порте Владивосток» (СПВ). На данный период (к началу 2018 г.) проявили интерес в качестве резидентов СПВ уже порядка 20 рыбопромышленных предприятий и стивидорных компаний морских портов ДВФО с инвестиционными проектами на общую сумму около 9 млрд рублей. Это даст возможность к 2025 г. увеличить перевалку (грузооборот) рыбопродукции в морских портах региона до 3 млн тонн в год.

Ключевые слова: рыбопромышленный комплекс, морские рыбные порты, базовые порты морских бассейновых рыбопромышленных объединений страны, грузооборот рыбопродукции, Свободный порт Владивосток (СПВ), резиденты СПВ, предприятия морехозяйственного комплекса, береговые рыбокомбинаты, базы обслуживания малого рыбопромыслового флота.

Alexander S. Sergeev¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: serg-alexander@yandex.ru

Bogdan E. Kupriyanov

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: kupriyanov.be@students.dvfu.ru

OPERATION OF RUSSIAN FISHING SEA PORTS IN THE CONTEXT OF FISHERY RESTRUCTURATION

Abstract. In the pre-reform period (1980–1991) the fishing sea ports traditionally occupied a leading position in the development strategy of the fishing industry in Russia (RSFSR), providing transshipment of final fish products from transport and fishing vessels to the shore, as well as servicing and maintenance before fishing expeditions. During the most intense period of the fishing activity in Russia (1985–1990) all fishing seaport of the country annually transshipped about 4 million tons of fish products, which accounted for 75% of the total cargo turnover. However, since 2000, the cargo turnover of the country's fishing ports has begun to decline rapidly comprising only about 600 thousand tons of fish products by 2008. At the same time, the share of other commercial cargoes shipped in the sea fishing ports has increased to 90%. In the Far East basin of Russia, which is the main supplier of fish products to the domestic and foreign markets, the share of fish in total turnover of fishing sea ports fell even more dramatically to about 250 thousand tons out of the 3500 thousand tons of the total turnover by 2008. This circumstance called for searching and attracting additional cargoes by expanding the range of general cargo, including containers, as well as by converting some berths for timber and bulk cargoes. Thus, the fishing sea ports as special enterprises of the main chain of the fishing industry complex, in fact, have turned into universal transshipment terminals of the Russian maritime transport complex under the authority of the Ministry of Transport of the Russian Federation.

In 2008, almost all base sea fishing ports were included in the total list of Russia's seaports of regional and federal significance. However, until the present time, the share of fish products in the general transshipment of cargo in Russian seaports has not changed

¹*Alexander S. Sergeev*, Associate Professor, Department of Economy Enterprise, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

²*Bogdan E. Kupriyanov*, Master's program student of Economics in the field of "Logistics and transport management in the APR markets", School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Sergeev A.S., Kupriyanov B.E. Operation of Russian fishing sea ports in the context of fishery restructurization // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2018. № 1–2. P. 52–64.

significantly. The main capacities of terminals for transshipment of fish products are still concentrated in the main seaports of the Far Eastern Federal District. Despite the considerable physical wear and tear of loading and storage terminals, they are able to annually pass up to 1.2 million tons of fish products in packaged-piece form and up to 2.5 million tons in refrigerated containers. Thus, while ensuring favorable conditions for the delivery and transshipment of all fish products on the domestic shore, the freight turnover in seaports in the region may increase almost fourfold.

The article also examines the prospects for development of specialized terminals for transshipment of fish products in the seaports of the Far Eastern Federal District, taking into account the new management system within the the adopted federal law "On the Free Port of Vladivostok" (FPV). For this period (by the early 2018), about 20 fishery enterprises and stevedoring companies of the Far Eastern seaports with investment projects for a total of about 9 billion rubles have shown interest in the capacity of FPV residents. This will result in increasing the transshipment (turnover) of fishing products in the regional seaports to 3 million tons per year by 2025.

Keywords: Fishing industry complex, sea fishing ports, basic ports of the sea basin fishery associations of the country, cargo turnover of fish products, Free port of Vladivostok (FPV), residents of the FPV, enterprises of the sea complex, shore-based fish-processing plants, small fishing fleet maintenance bases.

Работа МРП в централизованной системе управления рыбным хозяйством

На протяжении периода Советской системы, планового управления народным хозяйством морские рыбные порты (МРП) традиционно занимали ведущее положение в стратегии развития рыбопромышленного комплекса России (РСФСР) и СССР в целом, обеспечивая перевалку готовой рыбопродукции с транспортных и промысловых судов на берег, а также их комплексное обслуживание на период подготовки к промысловым экспедициям. Кроме этого большое значение имела промышленная работа МРП по производству тары и упаковки, а также по доработке рыбопродукции до транспортабельного состояния и отправке её потребителю наземными видами транспорта.

В этот период по всем морским бассейнам России было сосредоточено около 20 морских рыбных портов и более 250 порт-пунктов, связанных с береговыми рыбокомбинатами и базами обслуживания малого рыбопромыслового флота. Самыми крупными МРП с ежегодным грузооборотом рыбопродукции более 100 тыс. т всегда считались базовые порты морских бассейновых рыбопромышленных объединений страны, к числу которых относились следующие: Владивосток (1 300 тыс. т), Находка (950 тыс. т), Санкт-Петербург (250 тыс. т), Мурманск

(650 тыс. т), Архангельск (235 тыс. т), Калининград (180 тыс. т), Астрахань (110 тыс. т), Севастополь (120 тыс. т) [4]. Все остальные имели не столь значительный грузооборот из-за малых перегрузочных мощностей и ограниченной сети транспортной инфраструктуры.

В самый интенсивный период работы рыбной промышленности России (1985–1990 гг.) всеми морскими рыбными портами страны ежегодно перегружалось около 4 млн т рыбопродукции, которая составляла 75 % в общей структуре грузооборота [6]. Однако, начиная с 2000 г., грузооборот рыбных портов страны начал резко сокращаться и к 2008 г. составил всего около 600 тыс. т рыбопродукции. При этом доля других коммерческих грузов, перегружаемых в морских рыбных портах, возросла до 90 % (рис. 1).

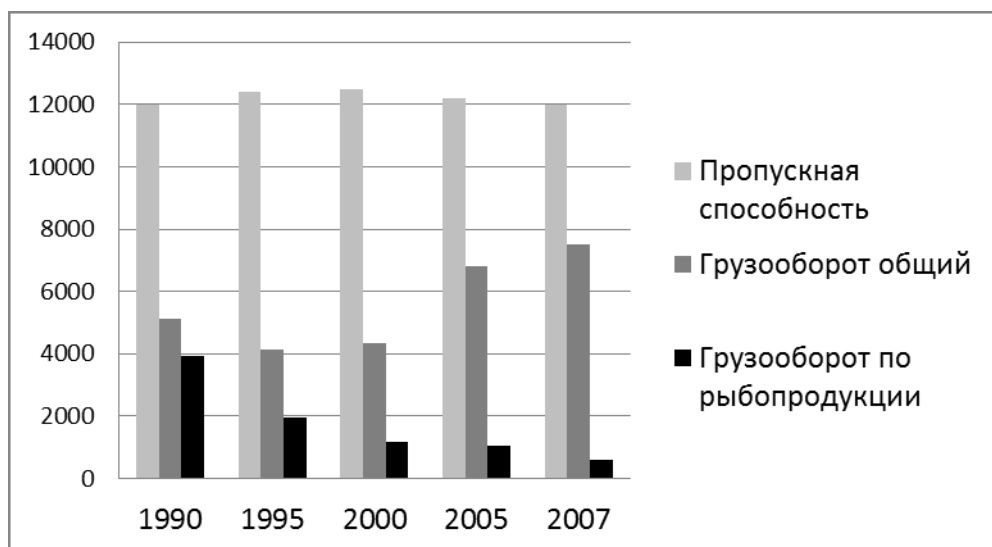

Рис. 1. Динамика грузооборота МРП России за 1990–2007 гг. (тыс. т)

Источник: выполнено автором по данным Госстата [6]

На Дальневосточном бассейне, который является главным поставщиком рыбной продукции на внутренний и внешний рынки, доля рыбопродукции в общем грузообороте МРП снизилась ещё более значительно и составила к 2008 г. всего около 250 тыс. т из 3 500 тыс. т общего грузооборота (рис. 2). Например, во Владивостокском МРП в 1990 г. было переработано 1 559 тыс. т различных генеральных грузов, из которых рыба составляла 1 353 тыс. т, или 87 % грузооборота. В 2005 г. при общем объёме грузопереработки 1 200 тыс. т рыба и рыбопродукция составили уже около 250 тыс. т, или 20,5% от общего грузооборота порта и 19 % от показателей по рыбопродукции 1990 г. [4].

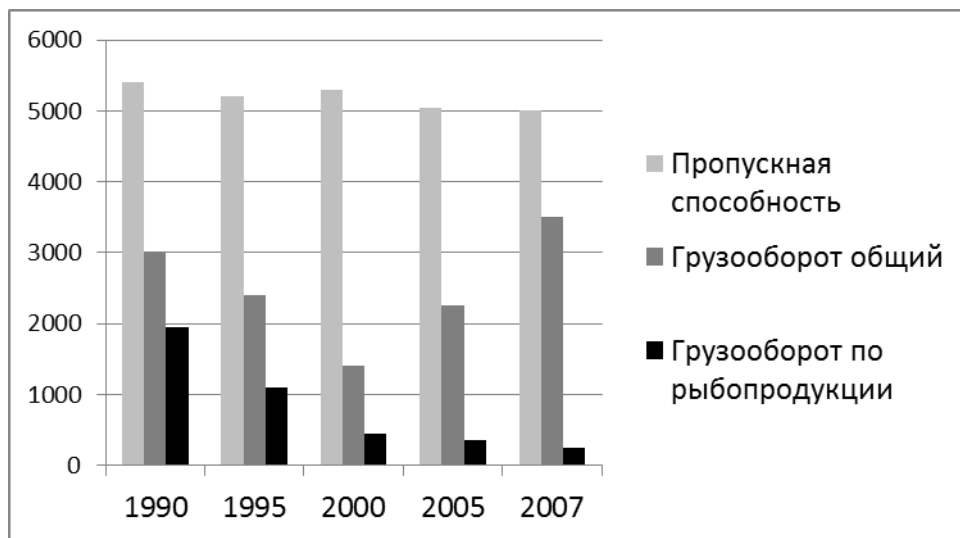

Рис. 2. Динамика грузооборота МРП ДВ бассейна за 1990–2007 гг. (тыс. т)
Источник: выполнено автором по данным Примстата [5]

Следствием ряда причин, отмеченных выше, стало резкое сокращение объёмов рыбной продукции, поступающей в МРП России. Естественно, это обстоятельство вызвало необходимость у всех МРП поиска и привлечения дополнительной грузовой базы за счёт расширения номенклатуры генеральных грузов, включая контейнерные, а также перепрофилирования некоторых причалов под лесные и навалочные грузы.

Таким образом, МРП как специальные предприятия основной цепи рыбопромышленного комплекса по сути превратились в универсальные перегрузочные терминалы морского транспортного комплекса России под управлением Минтранса РФ (ФГУП «Росморпорт»).

Работа МРП в системе управления транспортным комплексом

Формально МРП были ликвидированы в России в 2008 г. в соответствии с Федеральным законом от 8 ноября 2007 г. за № 261-ФЗ «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1].

Принятие этого документа было инициировано постановлением Правительства Российской Федерации от 16 декабря 2006 г. № 773 «О совершенствовании системы государственного управления морскими рыбными портами», изданным в развитие поручения Президента РФ Владимира Путина. В этом документе требовалось разработать комплекс мероприятий, направленных на «...повышение эффективности использования федеральной собственности в морских портах за счёт совершенствования принципов её управления, порядка расчета арендных платежей, меха-

низма установления размеров портовых сборов и объединения администраций морских портов» в единую службу под управлением ФГУП «Росморпорт» Минтранса России» [3].

Таким образом, с 2008 г. практически все базовые МРП вошли в общий состав морских портов России регионального и федерального значения. Поэтому их статистика по грузообороту и другим технико-экономическим показателям отражается теперь в структуре общего грузооборота генеральных и контейнерных грузов морских торговых портов системы Минтранса РФ.

Однако за этот период до настоящего времени доля рыбопродукции в общей перевалке грузов морскими портами России существенно не изменилась на уровне роста общего грузооборота по всем бассейнам России.

В настоящее время основные мощности терминалов по перевалке рыбопродукции по-прежнему сосредоточены в Приморском крае, в главных морских портах Владивосток и Находка. Несмотря на значительный физический износ данных терминалов (около 75 % на период 2016 г.), они имеют возможность пропускать до 1,2 млн т рыбопродукции в тарно-штучном виде и до 2,5 млн т в рефрижераторных контейнерах [7]. Однако в 2016 г. объём рыбопродукции в общей структуре грузооборота данных портов составил всего 258 тыс. тонн как в тарно-штучном виде, так и в контейнерах (рис. 3).

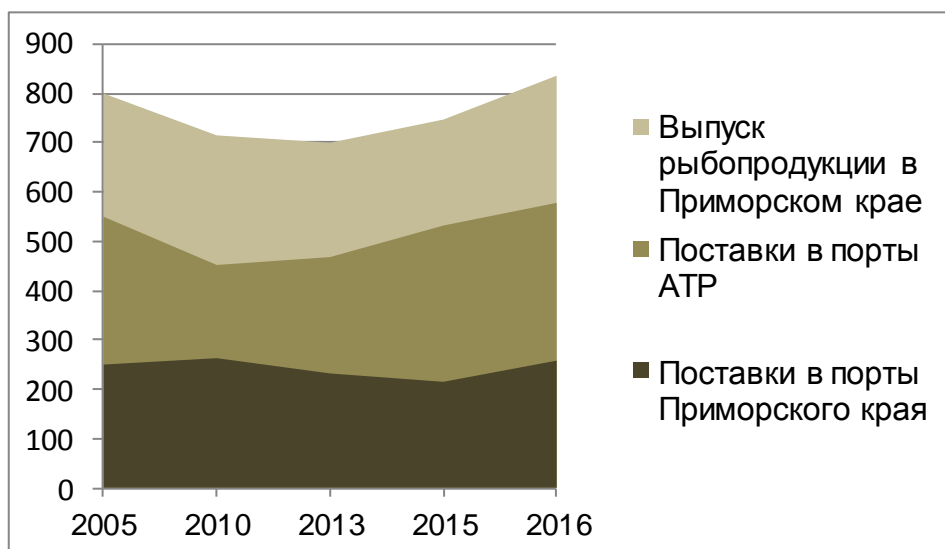

Рис. 3. Структура поставки рыбопродукции предприятиями Приморского края за 2005–2016 гг. в тыс. тонн.

Источник: выполнено автором по данным Примстата [4] и [7]

Как видно из приведенных на рис. 8 данных, на относительно низкий объём перевалки рыбопродукции в морских портах Приморского края влияют доминирующие поставки экспортной рыбопродукции в морские порты АТР, минуя отечественные порты. При этом наибольший объём поставок за 2016 г. приходился на морские порты КНР (69%), Республики Корея (29%), а также Японии (около 1 %) [11].

Таким образом, при обеспечении благоприятных условий для доставки и перевалки всей рыбопродукции на отечественном берегу, грузооборот в морских портах Приморского края может увеличиться почти в четыре раза.

Проблемы и перспективы развития МРП в новом статусе «Свободного порта Владивосток»

В данном разделе рассматриваются проблемы и перспективы стратегии развития морских портов Дальневосточного региона в новой системе управления в рамках принятого федерального закона «О свободном порте Владивосток» (СПВ) за № 212 ФЗ от 13.07.2015 г., куда входят все основные порты ДВФО [2].

В связи с тем, что общей стратегии о развитии СПВ пока ещё нет, то в каждом отдельном порту продолжается инерция бессистемного поиска клиентов и второстепенных резидентов, которые не соответствуют реальным стратегическим целям развития внешнеторговых связей территорий ДВФО со странами АТР. Несмотря на это, в Законе о СПВ, ст. 5 указаны главные цели создания 4 специализированных территорий [2]:

- 1) *портовая* создаётся с целью интеграции в экономическое пространство государств АТР;
- 2) *промышленная* – с целью развития международной торговли с государствами АТР;
- 3) *научно-внедренческая* – с целью создания производств по выпуску конкурентной продукции;
- 4) *туристско-рекреационная* – с целью ускорения социально-экономического развития территорий СПВ и повышения уровня жизни населения.

Исходя из этих целей, можно отметить, что реально внедряется пока только вторая, потому что практически все зарегистрированные резиденты СПВ нацелены на торговлю своими товарами, имея возможность беспрошльного ввоза технических и технологических средств, а также иностранного сырья, комплектующих и запчастей.

При этом совершенно неопределенной остаётся главная первая цель создания свободной портовой территории – как свободной таможенной зоны (СТЗ). Какие резиденты будут заниматься эксплуатацией территории СТЗ и в чём будет заключаться их свобода? Имеются в виду те предприятия и организации, которые обеспечивают портовые логистические услуги по перевалке, хранению и отправке гру-

зов, а также агентированию транспортных средств. Если верить словам генерального директора АО «Корпорации развития Дальнего Востока» (КРДВ) и заместителя председателя наблюдательного совета (НС) СПВ Д.С. Тихонова, то СТЗ создали пока только для двух особых резидентов – СДК «Звезда» и Маслоэкстракционного завода «Амурский» [8, с. 15]. Тогда, надо полагать, для самих портовиков стратегия остается прежней – «интеграция в экономическое пространство АТР».

Однако все ведущие морские порты Дальнего Востока уже давно в этом пространстве, но только как сырьевой придаток. При этом по мере увеличения сырья в структуре грузооборота наших портов их экономическая эффективность понижается. Следовательно, данную стратегию уже необходимо пересмотреть, изменить или дополнить более эффективными проектами резидентов. С учётом системного подхода необходимо также разработать общий стратегический план комплексного развития портовых территорий зоны СПВ с целью повышения социально-экономической эффективности всех прилегающих прибрежных агломераций [10].

В то же время, ряд промышленных предприятий и стивидорных компаний рыбной промышленности Дальневосточного региона проявляют большой интерес к работе в структуре СПВ.

Например, Владивостокский МРП выступил в числе первых претендентов на статус резидентов СПВ с проектом строительства современного холодильно-складского комплекса под рыбную продукцию вместимостью до 30 тыс. тонн. Данный комплекс даст возможность увеличить перевалку рыбопродукции на 500 тыс. т в год. Заметим, что в 2015 г. уровень перевалки рыбопродукции в данном порту составлял всего около 200 тыс. т. при потенциальной грузовой базе по трём стивидорным компаниям (ВМРП, «ДМП-Порт» и «Далькомхолод») на уровне 750 тыс. т. Стоимость данного проекта составляет 3,6 млрд рублей, из которых 1,2 млрд рублей готов предоставить Фонд развития Дальнего Востока. Однако практическая реализация данного проекта постоянно откладывается из-за разногласий ВМРП с ФГУП «Нацрыбресурс» по условиям арендной платы за занимаемые портом причалы [11].

В связи с реализацией проекта международного транспортного коридора «Приморье-2» к 2020 г. предусмотрена реконструкция бывшего МРП «Зарубино» вблизи города Владивостока с учётом строительства контейнерного терминала мощностью до 1 млн TEU и бункеровочной базы мощностью 1,5 млн т в год. Учитывая работу действующего рыбокомбината в данном месте, появится возможность увеличения перевалки рыбопродукции в порту Зарубино не только через имеющийся холодильник, но и большегрузные рефконтейнеры международного стандарта [9, с. 31].

Статус СПВ для морского порта Корсаков был активно воспринят Правительством Сахалинской области. Это позволяет в перспективе решить сразу несколько

задач по развитию территории с точки зрения улучшения и логистики для островного региона, и рыбохозяйственного комплекса.

В планах инвесторов – создать в порту Корсаков рыбный логистическо-перерабатывающий центр (рыбную биржу). Он должен стать важным элементом в реализации государственной программы обеспечения россиян доступной рыбой. Здесь планируется строительство холодильного комплекса с различными температурными режимами, что позволяет организовать хранение различных партий рыбы и различного назначения – экспорта, поставок в центр России, переработки на берегу [9, с. 45].

В Хабаровском крае придаётся большое значение ТОР «Николаевск», который выделяется своей рыбацкой спецификой. В этот порт привлечены уже 8 резидентов с инвестиционными проектами на 3,8 млрд рублей по строительству и реконструкции рыбоперерабатывающих комбинатов, созданию баз по ремонту морских и речных судов, транспортно-логистических центров. В числе наиболее крупных игроков здесь РПК «Восточное» и «Восточный рыбокомбинат» [9, с. 41].

Наблюдательный совет СПВ в Камчатском крае во главе с министром по развитию Дальнего Востока утвердил 8 инвестиционных проектов объёмом более 1,7 млрд рублей. Среди этих проектов по планам модернизации Петропавловск-Камчатского порта на полуострове ожидают увеличения его грузооборота до 8 млн т в год. Статус СПВ Петропавловск-Камчатский порт получил в июне 2016 г. и уже имеет среди резидентов ряд ведущих предприятий рыбного хозяйства [9, с. 36].

Например, один из самых крупных проектов заявлен компанией «Терминал «Сероглазка» (входит в группу Норебо»). В порту Петропавловск-Камчатский планируется построить мощный рефрижераторный терминал для комплексного обслуживания рыболовных и линейных судов. На его площадке будут сооружены холодильный ёмкостью 15 тыс. т и складской комплекс, модернизированы причальные стенки, появятся судоремонтные цеха. Мощности терминала позволят обеспечить перевалку рыбной продукции для поставок на внутренний рынок, а также прямые поставки рефрижераторных контейнеров в порты АТР, Европы и США. По предварительным оценкам, грузооборот рефрижераторных грузов с учётом рыбопродукции может достичь 300 тыс. т в год. Общий же грузооборот терминала будет доведён до 8 млн т грузов в год [9, с. 37].

Данные проекты по развитию морских портов в системе СПВ планируется реализовать в несколько этапов, а завершить к 2025 г. В Правительстве России и Дальнего Востока подтверждают готовность оказывать всю возможную поддержку резидентам СПВ, в том числе проектам в таких стратегически важных отраслях региона, как логистика и рыбная промышленность.

Выводы и рекомендации

За сравнительно небольшой исторический постсоветский период (с 1990 г. по настоящее время) морские рыбные порты были подвержены коренным изменениям (реструктуризации) в системе экономики и управления рыбохозяйственным комплексом России.

В результате этой реструктуризации многие функции МРП были утрачены и, напротив, некоторые новые были приобретены. Следовательно, можно сделать вывод, что это естественный эволюционный процесс, который будет продолжаться по мере развития национальных экономических отношений либо в сторону глобализации транспортных рынков и образования портов-хабов (что маловероятно ввиду ограниченной грузовой базы), либо в направлении регионализации и развития территориально-административных портовых агломераций, а возможно и в обоих направлениях. При этом обязательно будут функционировать морские порты независимо от названия, в обязанность которых будет входить процесс обслуживания флота рыбной промышленности.

В рамках решения отмеченных выше проблем рекомендуется:

1. Сохранить специализацию имеющихся в морских портах терминалов под обработку и хранение рыбной продукции, включая резервные мощности под полное (на 100 %) освоение национальной грузовой базы.

2. Развивать систему комплексного обслуживания флота рыбной промышленности в базовых морских портах с учётом особых (льготных) экономических условий морского администрирования и учётом стояночного времени судов под грузовой обработкой и на период подготовки к промыслу.

3. Повысить эффективность эксплуатации морских портов Дальневосточного региона за счёт развития высокотехнологичных контейнерных терминалов и повышения интенсивности обработки крупнотоннажных судов до уровня ведущих портов США.

4. Ограничить перевалку навалочных грузов на территории открытых причалов, сосредоточив таковую только на специализированных перегрузочных комплексах, подобных порту Восточный.

5. Среди резидентов СПВ особо выделить стивидорные компании и производственные предприятия морехозяйственного комплекса (рыбозаводы, базы обслуживания флота, СРЗ, судостроительные верфи и т.п.) с учётом установления для них полноценного режима «порто-франко», так как они являются основными элементами эксплуатационной деятельности морских портов и от них непосредственно зависит пропускная способность причалов и грузооборот, а значит и в целом экономическая конкурентоспособность морских портов.

6. Сократить в СПВ административные расходы на обслуживание флота (включая портовые сборы) и содержание государственных и государственно-

частных компаний. Исключить посредников между государственными органами надзора и резидентами СПВ по аренде причалов и других государственных имущественных средств, так как по закону в СПВ государственным имуществом должен распоряжаться единый исполнительный орган власти – Административный совет во главе с Министром по развитию Дальнего Востока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О морских портах Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 261-ФЗ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72390/.
2. О свободном порте Владивосток [Электронный ресурс] : федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18254/.
3. О совершенствовании системы государственного управления морскими рыбными портами (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] : постановление Правительства РФ от 16 декабря 2006 г. № 773. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_38871/.
4. Дальневосточный федеральный округ [Электронный ресурс] // StatInfo.biz: международная экономическая статистика. – Режим доступа: <http://statinfo.biz/html/M113F0S0L1.aspx>.
5. Морские порты: технико-экономические характеристики : справочник. – СПб. : ЦНИИМФ, 2016. – 864 с.
6. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>.
7. Приморский край в ДВФО по итогам 2015 года. 2016 : аналитический обзор. – Владивосток : Приморскстат, 2016. – 52 с.
8. Ларина, Л. Бизнесу важно поверить в стабильность правил игры [Интервью Д. Тихонова] // Дальневосточный капитал. – 2017. – № 2 (198). – С. 15.
9. Сарана, Д. Режим свободного порта добавил бизнесу драйва [Электронный ресурс] // Дальневосточный капитал. – 2017. – № 8 (204). – С. 30–33.
10. Сергеев, А. С. Проблемы развития морских портов ДВФО в новом статусе «Свободного порта Владивосток» // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2017. – № 1. – С. 72–81.
11. Филимонов, Е. А. Развитие внешней торговли рыбохозяйственного комплекса Приморского края // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 7. – С. 664–666.

REFERENCES

1. *On the seaports of the Russian Federation: the Federal Law of 2007, November 08, no. 261-FZ*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72390/ (accessed 11 January 2018). (In Russian).
2. *On a free port Vladivostok: the Federal Law of 2015, July 13, no. 212-FZ*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18254/ (accessed 11 January 2018). (In Russian).
3. *On the improvement of the system of state management of sea fishing ports (with changes and additions): the Decree of the Government of the Russian Federation of December 16, 2006, no. 773*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_38871/ (accessed 11 January 2018). (In Russian).
4. Far Eastern Federal District. *StatInfo.biz: international economic statistics*. Available at: <http://statinfo.biz/html/M113F0S0L1.aspx> (accessed 11 January 2018). (In Russian).
5. *Seaports: technical and economic characteristics*: reference book. St. Petersburg: Central Research and Design Institute of the Navy Publ., 2016. 864 p.
6. *Federal Service of State Statistics*. Available at: <http://www.gks.ru> (accessed 11 January 2018). (In Russian).
7. *Primorye Territory in the Far Eastern Federal District by the end of 2015. 2016: Analytical Review*. Vladivostok: Primorskstat, 2016. 52 p. (In Russian).
8. Larina L. *Biznesu vazhno poverit' v stabil'nost' pravil igry*. Interv'yu D. Tikhonova [It is important for business to believe in the stability of the rules of the game]. *Dal'nevostochnyi capital*, 2017, no. 2 (198), pp. 15.
9. Sarana D. *Rezhim svobodnogo porta dobavil biznesu draiva* [Free port added business drive]. *Dal'nevostochnyi capital*, 2017, no. 8 (204), pp. 30–33.
10. Sergeev A.S. *Problemy razvitiya morskikh portov DVFO v novom statuse «Svobodnogo porta Vladivostok»* [Problems of development of sea ports of FEFO in the new status of «free port of Vladivostok»]. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo – Pacific RIM: economics, politics, law*, 2017, no. 1, pp. 72–81.
11. Filimonov E.A. *Razvitie vneshnei trgovli rybokhozyaistvennogo kompleksa Primorskogo kraja* [Development of foreign trade in the fishery complex of Primorsky Krai]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy – International journal of applied and fundamental research*, 2016, no. 7, pp. 664–666.

УДК 32.019.5

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-1-2/65-78

М.А. Казаков¹, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

E-mail: kazakov_mihail@list.ru

Д.Н. Беспалов², Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: bespalov.dn@dvfu.ru

ПУБЛИЧНАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ В ПРИОРИТЕТАХ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье проанализированы факторы и условия, приводящие к формированию публичной экспертизы, и особенности, обуславливающие проблемы её развития как института в современном политическом процессе. В нём основной задачей публичной экспертизы становится чёткое обоснование цели политического решения и результата её реализации с ответственностью перед обществом. Авторы признают, что формирование коалиционных экспертных объединений, аффилированных со знаковыми структурами, является необходимым и предпочтительным для значительной части экспертов. Наряду с выделенными в работе ограничениями авторы подчёркивают идущую в экспертных кругах переконфигурацию и дефицит инновационных методов, технологий, которые по своей природе были бы альтернативой властно-распорядительным методам, реализуемым разными органами управления, что вкупе составляет важную часть дилеммы самой экспертизы. В статье отмечено, что при всей проблематичности её реалий институт экспертизы сопрягается с культурой гражданского общества, обретая качество новой публичности. Главной задачей публичной экспертизы в указанном контексте является чёткое обоснование цели решения и результата её реализации с ответственностью перед обществом посредством использования экспертно-консультативных возмож-

¹Михаил Анатольевич Казаков, профессор кафедры прикладного политического анализа и моделирования Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета (ИМОМИ ННГУ) им. Н.И. Лобачевского, доктор политических наук, профессор.

²Дмитрий Николаевич Беспалов, доцент кафедры информационной безопасности Школы естественных наук Дальневосточного федерального университета, кандидат политических наук.

Для цитирования: Казаков М.А., Беспалов Д.Н. Публичная экспертиза: проблемы институционализации в приоритетах политики развития // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 1–2. С. 65–78.

ностей различных социальных субъектов в процессах выработки и корректировки мер государственной политики развития для повышения её эффективности.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, институционализация, политика развития, приоритет гуманитарного измерения, публичная экспертиза, регион.

Mikhail A. Kazakov¹, Nizhny Novgorod State University N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: kazakov_mihail@list.ru

Dmitry N. Bespalov², Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: bespalov.dn@dvfu.ru

PUBLIC EXPERTISE: PROBLEMS OF INSTITUTIONALIZATION IN PRIORITIES OF DEVELOPMENT POLICY

Abstract. The article analyzes the factors and conditions leading to the formation of public expertise and features that cause the problems of its development as an institution in the modern political process. Here the main task of the public examination is to clearly substantiate the purpose of the decision and the result of its implementation with responsibility to the society through the use of expert advisory capabilities of various social entities in the processes of elaboration and adjustment of measures of state development policy to improve its efficiency, implementation of civil control over it. The authors acknowledge that the formation of coalition expert associations affiliated with significant structures is necessary and preferable for a significant number of experts. Along with the constraints highlighted in the work, the authors emphasize the reconfiguration going on in the expert sphere, and the shortage of innovative methods and technologies, which by their nature would be an alternative to the power-management methods implemented by different government bodies, which together form an important part of the dilemma of the expertise itself. In the work it is noted that for all the problematic nature of its realities, the institution of expertise is conjugated with the culture of civil society, acquiring the quality of new publicity. The main task of public examination in the context indicated in the article is a clear justification of the purpose of the decision and the result of its im-

¹ Mikhail Anatolyevich Kazakov, Professor, Department of Applied Political Analysis and Modeling, Institute of International Relations and World History, Nizhny Novgorod State University (IMOMI UNN) N.I. Lobachevsky, Doctor of Political Sciences, Professor.

² Dmitry Nikolaevich Bespalov, associate professor of the Information Security Department of the School of Natural Sciences of the Far Eastern Federal University, candidate of political sciences.

For citing: Kazakov M.A., Bespalov D.N. Public expertise: problems of institutionalization in priorities of development policy // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2018. № 1–2. P. 65–78.

plementation with responsibility to the society through the use of expert advisory capabilities of various social actors in the processes of elaborating and adjusting the measures of the state development policy to improve its effectiveness.

Keywords: state, civil society, institutionalization, development policy, public examination, region.

Введение. Публичная экспертиза, выступая актуальным сегментом *изменения* алгоритма принятия решений в современную эпоху, содержит не только умную информацию, но и предлагает активное участие граждан в его осуществлении. *Как вид экспертизы общественной публичная экспертиза – профессиональная деятельность институций гражданского общества по установлению соответствия функционирования государственных органов нормативно-правовым стандартам, обеспечивающая корректирование выявленных отклонений посредством качественной информации, представленной по каналам сети, отношений с государственными/негосударственными структурами и (или) обращения к общественному мнению.* Постановка вопроса о такой экспертизе как становящемся институте позволяет корректно сменить фокус дискурса с волнообразной востребованности экспертизы на предмет влияния возвращающейся в российскую политику *публичности* как учитываемой властью способности общественного сознания воздействовать на формирование и бытие внешней и внутренней сред государства. Оно в равной степени нуждается ныне в этом влиянии, как и отдельные сферы общества – в регулировании, что связано с разбалансировкой механизма его функционирования, последствия которого могут быть преодолены только общими усилиями целеустремленных, мобилизованных групп социума, Центра и периферии.

Материалы и методы. Комплексный анализ предмета изучения обеспечивается междисциплинарным подходом, сочетающим разнообразные методы научного познания. Эмпирическая база представлена социологическими исследованиями региональной публичной политики на территории Нижегородской и ряда соседних областей (2010–2016 гг.), материалами действующего (с 2015 г.) научно-практического семинара «Публичная экспертиза в субъектах РФ». Организатор – Центр экспертизы и комплексного анализа Института международных отношений и мировой истории (ИМОМИ) ННГУ, научным руководителем которого является М.А. Казаков, активным участником Д.Н. Беспалов.

Результаты исследования. Идея публичной экспертизы, положенная проф. Казаковым в 2009 г. в основу построения гуманитарных технологий [1, с. 18], прошла свой путь рефлексии. Полученное знание и опыт привели к рассмотрению двух этапов её эволюции и одновременно двух моделей организации научной жизни субъектов РФ, первый – 1990-е гг. с их инерцией примерно до 2004 г., второй – по-

следующее десятилетие вплоть до крымского референдума. Общим показателем они имеют то, что для участвующих в этих частях единого поля сам процесс представлял сложную дилемму между личностными и процедурными факторами в контексте вызовов времени. Анализ её особенностей, характеристика групп факторов и условий, приводящих к формированию публичной экспертизы и обуславливающих основные её проблемы как становящегося института современной российской политики, определяют новизну работы.

Обсуждение и заключение. Преломляя по отношению к публичной экспертизе коммуникативный и социокультурный подходы в сочетании с элементами процессуально-циклического и дискурсивного плана, авторы считают, что наиболее надёжным способом исследования взаимодействия факторов политического процесса, воздействующих на её развитие (и наоборот), остаётся изучение конкретных прецедентов её использования в национальной и мировой практике. В современной Российской Федерации вектор институционализации экспертизы в сфере публичной политики иной, чем, скажем, в Европе, что сказывается на реализации повестки «прорывного» развития страны с участием гражданского общества, но он ещё более отличен в субъектах РФ.

Введение. Экспертиза, будучи неотъемлемым интеллектуальным спутником лиц, принимающих решения, и специфическим «маятником-рецептом» между ними и обществом, ныне как актор политического управления выходит «из тени». В силу исторической, цивилизационной специфики России этот процесс особенно важен и сложен для её регионов. Раскрыть главную дилемму этого пути, задачи и особенности публичной экспертизы в деле идущих в стране реформ составляет цель статьи.

Связывая ограниченность нынешней отечественной экспертизы, её «деморализацию» с политическим режимом, некоторые критики и того, и другого не отказывают себе в праве (здесь же, в России) на профессиональную коммуникацию – обмен и передачу определённой информации адресатам на основе сетевых и зарубежных контактов, чем вместе с другими свидетельствами вовлечённости в политическую жизнь структурируют деятельность экспертов. По центру её поля – «доминирование закрытых (корпоративных) экспертных сообществ в государстве и политическом процессе» [2, с. 13], крайний их фланг составляют «эксперты-охранители», напротив – немодные реформаторы.

Однако такая схема не является особенностью лишь РФ. Она почти *повсеместна*, так как все возможные типы влияния экспертизы не только делятся на формальные/неформальные, открытые/закрытые, но и функционально распадаются на части, видоизменяясь в механике «спроса и предложения», образуя разницу в степенях влияния, зависящую от множества факторов, но не преступая его сущностного характера, *мягкого*, по своей сути, содержательно отображающего интел-

лектуальный климат в стране. Чем демократичнее и рациональнее выстроены в ней когнитивные структуры политики, тем более установленным является воздействие экспертов на динамику политической системы, проявляющее их роль в процессе подготовки/принятии решений.

Не удивительно, что основы отношений публичной экспертизы как синтезирующей разновидности социальной и политической экспертизы стали складываться в России 90-х гг. XX в. в силу нескольких взаимосвязанных причин: деидеологизации и поиска новых идей, глобализации и регионализации, развития информационных и коммуникационных технологий, усиления роли и участия общества, становления его лидерства в реформах государства.

Имея в реальности после 1991 г. своеобразное сочетание исторических периодов, когда реформы и контрреформы идут одновременно, акторами экспертизы стали как субъекты коммуникаций центра и регионов *с той или иной миссией*, так и научные, общественные организации, позиционирующие себя *клиентами* определённых структур, например, губернаторов, либо работающие по заключённому *контракту*, что позволяет относить их к клиентскому и контрактному типу [3, с. 115–116]. Уже электоральный цикл 1995–1996 гг. обозначил особую актуальность вопроса *выхода экспертов на публичную политическую сцену*. Идеино-ценностные трансформации в обществе, изменения в массовых и политических коммуникациях, «перекраивая» структуру этого сообщества, вынуждали каждый сегмент по-своему решать проблему выживания и профессионализации.

Изменялся и состав получателей аналитической продукции, что усиливает с начала 2000-х гг. формирование *элиты гражданского общества* (это тема не одного исследования). Её функционирование осуществляется на базе договорённостей с действующим истеблишментом, что при определённых негативных моментах способствует в целом институционализации и гражданского общества, и публичной экспертизы, которая, как умный посредник между ним и правительством, приводит их к взаимодействию в политическом пространстве. Соответственно, к структурам бизнеса, власти, политики и даже неправительственным организациям (НПО) как пользователям для составления и исполнения их планов данными экспертизы добавляются новые группы элит(ы) некоммерческих (общественных) объединений.

Вместе они предъявляют экспертам как носителям специального знания всё новые требования, вытекающие из усложнения общественно-политической жизни, связанного со свободой распространения информации, активизацией гражданской активности и увеличением числа субъектов политики. В их числе и территориальные общности в лице их лидеров. В этой ситуации отношения «производитель – получатель нужного товара» приобретают со временем устойчивый характер и представляют собой *систему правил*, что настраивает индивидуальную мысль и каналы восприятия на работу в свойственных ей когнитивных категориях.

Институциональный подход здесь имеет то преимущество, что ориентирует обе стороны на поиск общего, т.е. на идентификацию интересов и смыслов, что, по выражению П. Бергера и Т. Лукмана, образует «общие релевантности» [4, с. 92], создаваемые процессами хабиитуализации и типизации. Поэтому к отмеченным выше типам добавим ещё две величины, характеризующие устройство экспертизы в субъектах РФ. Ими выступают *формы организации экспертного знания* – государственные/негосударственные, а также – *аудитории*, на которые рассчитан экспертный продукт [5, с. 89].

Обзор литературы. А. Тверски и Д. Канеман в одной из своих работ указали на то, что «выбор и принятие решений, как правило, осложнены наличием неопределенности и риска» [6]¹. Вряд ли какая-либо из эпох «похващает» их отсутствием. Экскурс в литературу может быть не столько кратким, сколько разным по качеству, если её критерием выступает категория *пользы* – для человека, исследующего проблему, лица, готовящего решение, и тем более лидера. Здесь нужны адресные и специальные по форме её жанры. Указав на важность теорий рациональности и пользы, ограничимся публикациями по направлениям темы, что связаны с факторами возникновения/развития публичной экспертизы и отчасти объясняют их.

Формирование экспертологии пронизано спорами вокруг отношений науки и политики. Элитологические особенности осмысления общественного развития были уже в трудах Платона, Аристотеля, Н. Макиавелли. Здесь находим и признаки государственного устройства, которое отличается признанием воли большинства – «публики» в качестве источника власти – демократии, её дихотомических начал, и понятие «гражданское общество», что одним из первых развил Н. Макиавелли. Однако само это знание шло «наверх», политическим деятелям, правителям, принимающим решения.

Этот парадокс научной коммуникации в виде противоборства между эгалитарными и элитарными подходами во взаимоотношениях науки и власти в работах Р. Дарендорфа и Г. Лассуэлла, концепциях трансформации институтов гражданского общества в условиях глобализации (С. Хантингтона, К. Поланьи, И. Валлерстайна, М. Фуко, Ф. Фукуямы) проследовал и до наших дней. Экспертиза как особая среда профессионального знания между наукой и сферой принятия решений, «деятельность, с вовлечением специалистов, для анализа и оценивания объектов консультирования» [7]² с неравным успехом работает как в моделях «демократии участия», «демократического элитизма», «управляемой демократии», так и конструкциях без этих прилагательных. Остаётся открытым при этом как вопрос об обще-

¹ См.: Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 4. С. 31–42.

² См.: Сидельников Ю.В. Экспертиза: состояние и тенденции развития // Мировая экономика и международные отношения. М., 1997. № 2. С. 122–130.

принятом понятии «эксперт», так и его социальном статусе в мире меняющейся (виртуальной) политики.

При всей значимости выводов по сущности, формам и функциям экспертизы к 90-м гг. XX в. учёными была лишь обозначена проблема взаимодействия её структурных компонентов (процедурных, личностных, ситуационных), отсутствовал общепризнанный анализ их расклада в исполнительных структурах власти и общества. Современные проблемы экспертизы (с выходом на наш ракурс), такие, как те или иные её измерения, структурные изменения, зависимости, изъяны адаптации, взаимосвязи с зарубежным опытом, традиционными (родовыми) и новейшими феноменами современности в контексте поиска решений по её эффективности и т.п., не обделены вниманием исследователей. Они рассматриваются в работах В.А. Ачкасова, В.П. Бабинцева, Н.А. Баранова, Г.В. Голосова, М.В. Ильина, Б.Г. Литвака, А.Ю. Мельвиля, Л.А. Пивоварова, С.П. Поцелуева, А.И. Соловьева, А.Ю. Сунгурова, Л.А. Фиглина и других.

Добротню в российской литературе представлена внешнеполитическая экспертиза. Прежде всего это работы Е.М. Примакова, А.Д. Богатурова, И.А. Истомина, И.Я. Кобринской, А.А. Кокошина, А.С. Макарычева, С.И. Самуйлова, Т.А. Шаклеиной, М.А. Хрусталева и др. Не меньше публикаций и по внутривнутриполитической экспертизе (А.А. Дегтярев, А.С. Киселев, О.Ю. Малинова, Ю.А. Митрошенков, А.Н. Райков, А.Ю. Шутов), но с явным перевесом на уровне регионов в сторону теоретизирования, без достаточной глубины проникновения в её своеобразие, «организационную культуру», динамику. Почти то же, но с акцентом на неполном понимании ресурсов, шире – потенциала, смежных форм можно сказать о работах, исследующих экспертное сообщество в субъектах РФ. В этом отношении заметно выделяются публикации А.С. Макарычева, работающего почти во всех направлениях изучения отечественной экспертизы, а также рынка её услуг [10].

Материалы и методы. В качестве источников, первичных и вторичных эмпирических данных в статье использовались: нормативно-правовые акты федерального и регионального уровня, регулирующие деятельность в сфере реализации государственной региональной политики; данные статистического наблюдения в части, касающейся инновационной и интеллектуальной деятельности. В качестве первичных эмпирических данных через призму реляции были переосмыслены материалы экспертного опроса «Политическая система региона в 1991–1998 гг.» архива Нижегородского исследовательского фонда. В качестве вторичных источников – материалы конференций и доклады Нижегородского центра социально-экономической экспертизы (НИЦ СЭНЭКС) за 2004–2015 гг., а также материалы Межрегионального научно-практического семинара «Публичная экспертиза в субъектах РФ», проводимого Центром экспертизы и комплексного анализа ИМОМИ ННГУ с 2015 г., в 2016 г. – совместно с НИЦ СЭНЭКС.

Комплексный анализ предмета изучения обеспечивается использованием разнообразных методов научного познания (системного, социологического, неонституционализма, конструктивизма и др.), что позволяет выявлять и уточнять специфическое как предтечу его сущностного, охватывать различные стороны и особенности в сопряжённости временных, пространственных и политических условий.

Результаты исследования. Рассмотренные два этапа эволюции публичной экспертизы в субъектах РФ своим общим показателем имеют то, что для участвующих в этом процессе акторов он представлял сложную *дилемму* между личностными и процедурными факторами в контексте вызовов времени. Под личностным аспектом здесь понимаются гендерные, психологические, социо- и культурно-политические особенности участников экспертизы. Процедурный фактор обобщает различные ограничения в постановке целей, выборе альтернатив, осуществлении экспертизы актуальным политическим контекстом, в который погружены её субъекты.

Не удивительно, что, освобождаясь с опорой на социологический и дискурсивный подход от значения вида «обслуживания» деятельности политиков и становясь обращением через средства массовых коммуникаций к общественному мнению публичной, такая экспертиза обретает способность и укреплять основания власти, и «обнажать» их знанием её механизмов. Если до 2004 г. чиновники с этим считались, за это время публичная экспертиза успела обрести структуру, сеть партнёров и главного «идеолога» в виде гражданского общества, т.е. тот тип, что свойственен Центрам публичной политики, то в последующий период ей «в формате информационной кампании» стал задаваться «некий политический заказ на формирование искомого восприятия события, образа, личности лидера и т.д.» [6, с. 9–10]. Наряду с другими симптомами [9, с. 4] это свидетельствует о слабости ресурсов гражданского общества в лице его элиты – руководителей информационных, экспертно-аналитических, общественных и иных структур, что в сочетании с проблемами социального, регионального и цифрового неравенства приводит к торможению формирования его институтов.

В попытке его преодоления интересным видится опыт становления публичной экспертизы в Нижнем Новгороде. На фоне действия основных тенденций (влияния «американского подхода» в её изучении, перемещения консультационных и экспертных центров из Европы в Азию; изменения среды экспертизы и профессионального уровня участников в сторону универсализации), тогда, в 90-е, «правильных» экспертов в Нижнем Новгороде было мало. Работали они преимущественно в области регионалистики, что отражало тренд новых возможностей влияния «решений с мест» и переход интеллектуалов на субнациональный уровень обеспечения.

Активисты, а это были члены Нижегородского исследовательского фонда (НИФ) и Нижегородского института экономического развития (НИЭР) использовали эти новации экспертизы по-разному, но в целом как форму сотрудничества со знако-

выми игроками в устранении провалов того времени. Не случайно А.С. Макарычев связывал возникновение института политической экспертизы в регионе с процессом формирования зоны публичного анализа на пересечении двух сфер профессиональной деятельности. Это: а) научные (академические) исследования и б) политическое планирование в рамках структур власти. Именно наложение друг на друга этих двух различных, но потенциально взаимно дополняющих друг друга сфер и даёт эффект в виде феномена публичной политической экспертизы [10, с. 129].

На практике это нашло отражение не только в свойственных экспертам функциях в сочетании с пребыванием в СМИ, но и в организации Российских конгрессов по проблемам политической регионологии, проведённых НИФом в партнерстве с профильными структурами под эгидой Российской ассоциации политической науки в 1997–2004 гг. После чего НИФ трансформировался в экспертный центр «Мера» и, приняв участие в нисходящей волне выборов, обрёл нишу в модных видах консалтинга. (Как, впрочем, и НИЭР). Однако тот десятилетний период сформировал некий набор понятий практического применения (знания), которыми стали оперировать члены нижегородского экспертного сообщества, чтобы их слова и действия воспринимались как нормальные, правильные. Хотя в качестве средства в последующей его эволюции этим в большей степени сумел воспользоваться лишь один своеобразный «долгожитель» – Нижегородский центр социально-экономической экспертизы (рук. проф. А.В. Дахин), успешно действующий (с 1997 г.) и в наши дни.

Исходной особенностью этого центра, как и первого состава НИФа, было их создание как междисциплинарного конструкта на базе межвузовского партнёрства людей, знающих работу преподавателя в государственных университетах и принявших правила, процедуры экспертного мышления. Наличие разнообразных практик, отражаясь на уровне институционализации экспертизы как когнитивного процесса, обеспечивало взаимодействие в разработке продукта, рассчитанного на внутреннего (но дифференцированного) потребителя вне зависимости от того, на какие средства велась работа. Ориентация на такую аудиторию предусматривает широкий спектр экспертных продуктов: от публикации монографий, материалов конференций, аналитических докладов до соответствующих записок для лиц, принимающих решения (ЛПР), которые, фигурируя в интернете, претендуют и на медийный формат.

Ныне «налицо сильная партийная аффилированность одной части экспертного сообщества и мощное финансовое лоббирование западными НПО другой части российских аналитических центров. Это, несомненно, сказывается на идеологизации содержания интеллектуальной продукции, преломляет истину при анализе политической ситуации» [9, с. 16]. Но это лишь одно из измерений смещения вектора развития экспертизы с начала XXI в. к федеральному центру, что выразилось не только в поддержке смыслов, практик, меньше всего расходящихся с публично выдвинутыми целями государства, но и в противодействии его политике извне.

Закономерно, что во внутренней среде политики не менее важным стал вопрос о характере функционирования традиционных институтов власти и демократии, возможностях их трансформации в условиях информационного общества. Причем сами эксперты прогнозируют их переход к новым видам уже в ближайшее время. К таким концептам, например, относится и модель экспертной демократии, предлагающая переход от института народных представителей к институту экспертов.

Тут есть и реальные основания, и проблемы, прежде всего в неустойчивости убеждений и поведения самих экспертов, встающих «по ситуации» то на сторону информированного, но не обладающего навыками и компетенциями в сфере управления большинства (тогда задачами такой «традиционной» экспертизы оказываются «определение точек положительного и отрицательного эквилибриума в рамках каждого из институтов, соответствующее объяснение и прогнозирование поведения субъектов, а также выявление условий, при которых они избирали бы *совместно* предпочтительные стратегии» [11, с. 23]), то на сторону тех или иных групп элиты, сегодня – лидерских структур, что транслирует экспертам чисто прагматические цели, связанные (после 2014 г.) с действием антикризисных конструкций.

Следуя единой ныне политической линии, каждая некоммерческая организация экспертного профиля, действующая в рамках Конституции Российской Федерации, развивает свою собственную «организационную культуру». В рамках неoinституционализма этот термин трактуется как совокупность правил и кодов, как социальная практика коллективного опыта элементов общества. Культура экспертизы материализуется в институциональной деятельности экспертов, проявляется в их профессиональной этике, репутации и «человеческом капитале». Но в условиях тех правил политической игры, что преобладают в границах организационного целого, скрыты и риски экспертизы.

Введением определённого числа рациональных ограничений она порой приобретает игровой (манипулятивный) характер. Не редко он искусно скрыт приёмами математического моделирования. Такой формат деятельности характерен и для части самодостаточных столичных, и «селектированных» бедностью [12, с. 427] региональных экспертных организаций. Острым остается и «вопрос о том, чьи интересы представляет эксперт, принимая решения в сфере своей компетенции, и о том, какую ответственность несёт за сделанный им выбор. Зачастую именно ангажированность экспертов приводит к принятию популистских и несбалансированных решений, выгодных стоящим за ними интересантам» [13, 236].

С другой стороны, «одной из главных проблем всех типов российских элит является недостаточная развитость у них стратегического, рефлексивного мышления, что порождает ситуативное политическое поведение, вечное «тушение пожара» вместо выработки внятной стратегии и прогнозирования» [14, с. 41], чем могут и должны заниматься эксперты, если им не мешают. И здесь именно «институт со-

здаёт и легитимизирует категории, к которым прибегает индивид, формируя своё представление о мире, задаёт сами критерии ориентации в нём» [15, р. 77]. В этом процессе при всей проблематичности его реалий институт экспертизы сопрягается с культурой гражданского общества, обретая качество новой публичности.

Обсуждение и заключение. Как некий пример становления нового вида экспертизы – действующая в Нижнем Новгороде в 2013–2015 гг. под руководством НИЦ СЭНЭКС группа «Региональная экспертная стратегия» (РЭС) [16]. Она представляла собой коалицию вузовских экспертов, строящуюся по сетевому принципу и выдающую ежегодный аналитический доклад, ориентированный на внутреннюю аудиторию. Его раздача на презентации и рассылка PR-службам лиц, принимающих решения, расширяла медийный формат продукта. Спрос на него в политических кругах применительно к разрешению спорных ситуаций заметно возрос, что в целом по завершению проекта было предложено сохранить в виде Агентства Научных Исследований и Информации (АНИИ) «Лобачевский» и признать формирование *коалиционных* экспертных объединений, аффилированных со знаковыми структурами, делом нужным и предпочтительным для значительной части экспертов. Но при равноправно-инициативном характере партнёрства сторон (что наблюдается далеко не во всех регионах). Наряду с этим, ограничениями являются и идущая в экспертных кругах переконфигурация, и дефицит инновационных методов, технологий, которые по своей природе были бы альтернативными властно-распорядительным методам, реализуемым разными органами управления, что вкуче составляют важную часть дилеммы самой экспертизы. Она не вправе подменять собой социальное регулирование, осуществляемое властными институтами, однако может давать оценку для определения их полезности личности и социуму.

Конечно, это не решает вопрос слабости ресурсов гражданского общества, что в сочетании с проблемами социального, регионального и цифрового неравенства приводит к торможению формирования его институтов, но содержит шанс к преодолению его информационно-коммуникативной зависимости от государства. Главной задачей публичной экспертизы в данном контексте является чёткое обоснование цели решения и результата её реализации с ответственностью перед обществом посредством использования экспертно-консультативных возможностей различных социальных субъектов в процессах выработки и корректировки мер государственной политики развития, осуществление общественного, гражданского контроля над ней с обязательным включением в приоритеты оценки гуманитарного измерения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казаков, М. А. Ценностно-деятельностный подход в исследовании современных политических элит и лидеров: понятия *субъектности* и *гуманитарных технологий* // Нижегородский журнал международных исследований. – 2009. – Осень–зима. – С. 11–19.
2. Казакова, Е. В. Роль экспертных сообществ России в политической модернизации // Власть. – 2011. – № 3. – С. 11–14.
3. Сунгуров, А. Ю. Фабрики мысли и экспертное сообщество в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и на Северном Кавказе // Политическая концептология. – 2017. – № 2. – С. 115–137.
4. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 324 с.
5. Казаков, М. А. Публичная экспертиза в субъекте РФ: общее и особенное в Нижегородской практике // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. : Социальные науки. – 2016. – № 2. – С. 89–94.
6. Канеман, Д. Рациональный выбор, ценности и фреймы / Д. Канеман, А. Тверски // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24, № 4. – С. 31–42.
7. Сидельников, Ю. В. Экспертиза: состояние и тенденции развития // Мировая экономика и международные отношения. – 1997. – № 2. – С. 122–130.
8. Шутов, А. Ю. Политическое восприятие страны как проблема теории коммуникации // Россия – Польша: проблемы взаимного восприятия : материалы междунар. науч. конф. – М. : МГУ, 2013. – С. 8–14.
9. Гусенко, М. Россию ждет дефицит аналитиков и творческих работников // Российская газета. – 2017. – 27 октября.
10. Макарычев, А. С. Управление научными ресурсами в России и институциональные характеристики политической экспертизы // Управление региональным развитием: наука, экспертиза, инновации : учён. зап. Т. 8. – Нижний Новгород : Изд-во ВВАГС, 2010. – С. 128–141.
11. Волков, В. А. Независимая политическая аналитика и экспертиза в современной России: идеологическое измерение / В. А. Волков, Д. Ю. Иванов // Управленческое консультирование. – 2013. – № 3. – С. 12–16.
12. Голосов, Г. В. Сравнительная политология / Г. В. Голосов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск : Изд-во Новосибирск. ун-та, 1995. – 207 с.
13. Никонов, В. А. Современный мир и его истоки / В. А. Никонов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2015. – 880 с.
14. Володенков, С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления / С. В. Володенков. – М. : Изд-во Моск. ун-та ; Проспект, 2015. – 272 с.

15. Шестопал, Е. Б. Государственная политика в контексте политической психологии // Государственная политика развития на современном этапе: содержание, направление и перспективы : материалы междунар. науч. конф. (Москва, 27 октября 2016 г.) / под общ. ред. В. И. Якунина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2017. – 248 с.

16. Di Maggio, P. The Institutionalism in Organisational Analysis / P. Di Maggio, W. W. Powell. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1991. – 486 p.

17. Региональная экспертная стратегия (РЭС) [Электронный ресурс] // Нижний сейчас. – Режим доступа: <http://nn-now.ru/>.

REFERENCES

1. Kazakov M.A. Tsennostno-deyatel'nostnyi podkhod v issledovanii sovremennykh politicheskikh elit i liderov: ponyatiya sub"ektnosti i gumanitarnykh tekhnologii [Value-activity approach in the study of modern political elites and leaders: the notion of subjectivity and humanitarian technologies]. *Nizhegorodskii zhurnal mezhdunarodnykh issledovaniy*, 2009, Osen'–zima, pp. 11–19.

2. Kazakova E.V. Rol' ekspertnykh soobshchestv Rossii v politicheskoi modernizatsii [The Role of Russia's Expert Communities in Political Modernization]. *Vlast'*, 2011, no. 3, pp. 11–14.

3. Sungurov A.Yu. Fabriki mysli i ekspertnoe soobshchestvo v Moskve, Sankt-Peterburge, Nizhnem Novgorode i na Severnom Kavkaze [Factories of thought and expert community in Moscow, St. Petersburg, Nizhny Novgorod and the North Caucasus]. *Politicheskaya kontseptologiya*, 2017, no. 2, pp. 115–137.

4. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya. Social construction of reality*. [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium Publ., 1995. 324 p.

5. Kazakov M.A. Publichnaya ekspertiza v sub"ekte RF: obshchee i osobennoe v Nizhegorodskoi praktike [Public Expertise in the Subject of the Russian Federation: General and Special in the Nizhny Novgorod Practice]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Series «Sotsial'nye nauki»*, 2016, no. 2, pp. 89–94.

6. Kaneman D., Tverski A. Ratsional'nyi vybor, tsennosti i freimy [Rational choice, values and frames]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2003, vol. 24, no. 4, pp. 31–42.

7. Sidel'nikov Yu.V. Ekspertiza: sostoyanie i tendentsii razvitiya [Examination: state and development trends]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1997, no. 2, pp. 122–130.

8. Shutov A.Yu. Politicheskoe vospriyatie strany kak problema teorii kommunikatsii [Political perception of the country as a communication theory problem]. *Rossiya-Pol'sha: problemy vzaimnogo vospriyatiya: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Russia-Poland: Problems of Mutual Perception: Proceedings of the International Scientific Conference]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 2013, pp. 8–14.

9. Gousenko M. Rossiya zhdet defitsit analitikov i tvorcheskikh rabotnikov [Russia is waiting for a deficit of analysts and artists]. *Rossiiskaya gazeta*, 2017, 27 oct.
10. Makarychev A.S. Upravlenie nauchnymi resursami v Rossii i institutsional'nye kharakteristiki politicheskoi ekspertizy [Management of scientific resources in Russia and institutional characteristics of political expertise]. *Upravlenie regional'nym razvitiem: nauka, ekspertiza, innovatsii : uchen. zap. T. 8* [Management of regional development: science, expertise, innovations: scientific notes, vol. 8]. Nizhnii Novgorod: Nobosibirsk St. Univ. Publ, 2010, pp. 128–141.
11. Volkov V.A, Ivanov D.Yu. Nezavisimaya politicheskaya analitika i ekspertiza v sovremennoi Rossii: ideologicheskoe izmerenie [Independent political analytics and expertise in modern Russia: an ideological dimension]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2013, no. 3, pp. 12–16.
12. Golosov G.V. *Sravnitel'naya politologiya* [Comparative political science], 2-nd ed., processing and additional. Novosibirsk: Publishing house of Novosibirsk University, 1995. 207 p.
13. Nikonov V.A. *Sovremenniy mir i ego istoki* [The modern world and its origins]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 2015. 880 p.
14. Volodenkov S.V. *Internet-kommunikatsii v global'nom prostranstve sovremen-nogo politicheskogo upravleniya* [Internet communications in the global space of modern political management]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ.; Prospect Publ., 2015. 272 p.
15. Shestopal E.B. Gosudarstvennaya politika v kontekste politicheskoi psikhologii [State policy in the context of political psychology]. *Gosudarstvennaya politika razvitiya na sovremennom etape: sodержanie, napravlenie i perspektivy: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [State development policy at the present stage: content, direction and prospects: Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, October 27, 2016)]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 2017. 248 p.
16. Di Maggio P., Powell W.W. *Institutionalism in Organisational Analysis*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1991. 486 p.
17. Regional expert strategy (RES). *Nizhnii seichas* [Nizhny now]. Available at: <http://nn-now.ru> (accessed 20 August 2016). (In Russian).

ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

CRIMES AND RESPONSIBILITIES

УДК 343.326 (599)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-1-2/79-95

Бенджамин Р. Самсон¹

Городская прокуратура, г. Манила, Филиппины

benjiesamson0@gmail.com

ФИЛИППИНЫ: БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ

Аннотация. В статье излагается обновлённая информация о деятельности групп национальных угроз, поддерживающих терроризм на Филиппинах, в частности, Новой Народной армии (NPA), вдохновлённой идеологией марксистско-ленинско-маоистских групп, Абу Сайяфской группе (ASG). Анализируются их связи с Аль-Джемаа аль-Исламия Групп (JI) и другими иностранными террористами (OFT) и Движением Раджа Солаймана (RSM).

Ключевые слова: Филиппины, терроризм, национальные угрозы, марксистско-ленинско-маоистские группы, Новая Народная армия.

Benjamin R. Samson¹

City prosecutor, Manila, Philippines

benjiesamson0@gmail.com

PHILIPPINES: THE FIGHT AGAINST TERRORISM

I. Introduction

This report presents an update on the activities of domestic threat groups that espouse terrorism in the Philippines, particularly the Marxist-Leninist-Maoist-inspired New People's Army (NPA), Abu Sayyaf Group (ASG) and its links to the Al Jemaah Al Islam-

¹Бенджамин Р. Самсон, доктор философии, заместитель городского прокурора, г. Манила, Филиппины.
Для цитирования: Самсон Б.Р. Филиппины: борьба с терроризмом // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 1–2. С. 79–95.

¹ Benjamin R. Samson, PhD, deputy city prosecutor, Manila, Philippines.

For citing: Samson B.R. Philippines: the fight against terrorism // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2018. № 1–2. P. 79–95.

iyah Group (JI) and other foreign terrorists (OFT) and the Rajah Solaiman Movement (RSM).

Communist Party of the Philippines/New People's Army (CPP/NPA)

The *Communist Party of the Philippines (CPP)* was established by Jose Maria Sison on December 26, 1968 when it split from the Jesus Lava-led Partido Komunisang Pilipinas (PKP). The CPP pursued Maoist-inspired insurrection unlike the Soviet-sponsored PKP which renounced armed rebellion and reconstituted to a legal political party.

The CPP formed the *New People's Army (NPA)* as its military arm on March 29, 1969 while the *National Democratic Front (NDF)* was formed on April 24, 1973 as its united front organization and serves as the political front. Since 1968, the CPP has been involved in an armed struggle with an objective of overthrowing the existing government to be replaced with a communist state.

CPP's Strategy of Protracted People's War

For more than four (4) decades since its establishment on December 26, 1968, the CPP, thru its military arm, the NPA, has been waging and adopting the strategic line of “**protracted people's war**” of Chairman Mao Zedong that is aimed at overthrowing the existing government through violent means and eventually replace it with a communist state. This Maoist strategy calls for the encircling of the cities from the countryside. Under this strategy is the establishment of a stable guerilla bases in the countryside where the revolutionary struggle advances towards the cities or urban centers to seize political power. With regard to this strategy, the CPP/NPA adopts two basic principles namely:

- (1) The seizure of political power through armed force is the general principle guiding the Philippine revolution; and
- (2) The people's war is carried out by gradually strengthening the revolutionary forces and encircling the cities from the countryside prior to final seizure of state power.

The protracted war would undergo three stages, namely:

- 1). **Strategic Defensive Stage** – This stage is the preliminary phase that will set the stage for the Party's ultimate goal of seizing state power. Efforts of the Party at this stage are geared towards subverting, paralyzing and neutralizing the government political infrastructure. This stage is characterized by sustained political mass work, alliance building, party building efforts, tactical offensives and other initiatives against the political-military advantage of the government. It is subdivided into two stages, namely, the early sub-stage and the advance sub-stage:

Early sub-stage – The main objective of this sub-stage is to position the CPP/NPA in the various strategic areas of the archipelago through the formation of guerilla zones and guerilla fronts. The NPA would then carry out the task of organizing the mass base. Limited guerilla actions and liquidations are also undertaken. Political struggles, which are sectoral in nature, are also developed in the town or urban centers.

Advance sub-stage – In this sub-stage, the CPP/NPA intensifies guerilla warfare and prepares the people for direct political involvement in the revolutionary war. Militarily, the CPP/NPA consolidates its existing guerilla zones/fronts and transforms them into guerilla bases directed towards the periphery of the urban or town centers.

2). *Strategic Stalemate* – This is characterized by the tilting balance of forces between the revolutionary forces and the government forces to almost an equality. The revolutionary forces in this stage may not have the military strength equal to the government. However, its deep-rooted political influence among the populace, resulting from the establishment of well-entrenched Party and mass organizations and the development of its sectoral revolutionary mass movements will cause the people to be deeply divided between the pro- and anti-government sides, thus, leading to a political disequilibrium.

3). *Strategic Offensive* – Here, the political disequilibrium arising from the “strategic stalemate” will lead to a shifting of the center of gravity of political forces in favor of the CPP/NPA.

After 42 years, the NPA’s armed struggle remains at the “early sub-stage” of the Strategic Defensive Stage wherein they are still organizing mass base support in the countryside and developing its armed capability. In the process of building its organization, the NPA carries out terror operations to exact financial and material support from business establishments, notably the telecommunication, transportation and construction companies, mining companies, agri-business firms and other small-scale business enterprises. Individuals who openly defy the NPA are being killed.

For the period 01 January to 31 December 2010, the NPA terrorists figured in a total 413 atrocities, of which nine (9) were raids/attacks, 53 ambushes, 21 disarmings, 125 harassments, 94 liquidations, 29 kidnappings, six (6) bombings, 12 robberies/hold-ups and 64 arsons. On their extortion related-terror activities, the NPA terrorists have attacked/harassed/burned six (6) Globe Telecom cell sites, five (5) mining companies and 69 other businesses involved in logging, construction, transportation, trucking and farm plantations.

Relative to the CPP’s 42nd founding anniversary, the Central Committee’s message entitled “*Fulfill the requirements for the advance of the people’s war from the strategic defensive to the strategic stalemate*” pointed out three (3) tasks that should be carried out. These are the following:

- Step-up recruitment by forming more mass organizations in factories, schools, communities, villages and factories. These organizations and movements will be strengthened through propaganda and mobilization;
- Increase the number of NPA full-time fighters and develop and train them to be able to lead NPA units at various levels, people’s militia, self-defense forces and partisan units. The training program should focus on reconnaissance, sniping, producing and em-

ploying command-detonated explosives. The NPA was also advised to wage only battles that they can win; and

- Advance alliance and united front work focusing on the anti-imperialist and anti-feudal mass movement and alliances.

Abu Sayyaf Group (ASG)

The Abu Sayyaf Group or ASG, which literally means “bearer of the sword”, was founded in 1991 by Abdurajak Abubakar Janjalani, a Filipino Islamic scholar who was among those who volunteered for training and fought with the so-called International Islamic Brigade in the then Soviet-occupied Afghanistan. He was killed during an encounter with Philippine government troops in December 1998. Khadaffy Janjalani, the younger brother of Abdurajak, has since taken over the leadership of the group and was later killed in an encounter in 2006.

The 386-strong bandit group equipped with 340 assorted armaments as of yearend 2010 has its forces mainly operating in the provinces of Sulu, Basilan and Tawi-Tawi and in Zamboanga City. The strength of the ASG posted a decrease of 1.3% as compared to the 2009 figure of 391. Firearms, on the other hand, have no significant change. The ASG continues to operate on territorial basis and cell groups. Radullan Sahiron heads the Sulu-based ASG while the Basilan-based ASG is under Khair Mundos with Furuji Indama and Nurhassan Jamiri as his deputy and operation officers, respectively. The leader of the Zamboanga City-based ASG is presently unidentified after the death of its former leader Abdulla Ajjula.k.a. Abu Termijie in 2009. The Tawi-Tawi based ASG is headed by Asman Wadjan.

From January to December 2010, a total of 92 incidents were recorded involving the ASG, 55 of which were initiated by the group. Broken down by activity, these include 14 harassments, 11 incidents each of ambush and kidnapping/illegal detention, six (6) incidents each of liquidation and bombing, three (3) arson and two (2) incidents each of raid/attack and carnapping. The ASG figured in 30 encounters with government troops while the latter carried out seven (7) raid operations against the group. The capacity of the ASG to mount terror attacks was greatly bolstered by its association with the JI and other foreign terrorists that have based themselves in Mindanao. It finances its operations mainly through kidnapping-for-ransom, robbery, extortion and piracy. The ASG came into prominence in the 1990s with the bombing of MV Doulos. In 2000, it gained notoriety within and outside the country after it became involved in a series of kidnapping incidents victimizing foreign nationals in the island resort of Sipadan, Malaysia and in Dos Palmas, Palawan the following year.

Kidnappings remain the major lifeblood of the ASG. Apart from this ASG has also been gradually getting back into conducting bombing operations. Despite being relentlessly pursued by government troops, the ASG remains potent notwithstanding the exten-

sive operations against them. The group maintains its association with like-minded groups like the MILF, JI and OFTs where they reciprocally benefit in terms of logistical and operational needs.

However, ASG activities have been relatively sporadic for some time especially since the demise of its topmost leaders. Nevertheless, recruitment and conduct of small-scale specialized trainings continue where some have reportedly been coordinated with other threat groups. This year, the efforts of the Philippine National Police (PNP) and the Armed Forces of the Philippines (AFP) resulted in several neutralization of the ASG's members significant among which are:

- ASG sub-leader *Albader Parad* who was killed in an encounter in Brgy. (village) Karawan, Indanan, Sulu by elements of the Marine Battalion Landing Team (MBLT) 4 of the AFP on February 21, 2010;

- ASG sub-leader *Abdul Gafur Jumdaila.k.a. GAFZ, a.k.a. GAFFUR* who was killed in an operation in Maimbung, Sulu by joint elements from DIPO-WM and PNP-SAF Seaborne on September 5, 2010; and,

- ASG member *Patta Hoyah Jahala.k.a. Abu Najer* who was arrested on November 3, 2010 in a raid in Brgy. Culiati, Quezon City by joint elements of PACER, LRU-SAF and 300th AISG, PAF. He was involved in the Lamitan siege in Basilan in June 2001 and the hostage-taking incident in Golden Harvest plantation in Lantawan, Basilan also on the same month.

Meanwhile, ASG leader Mohammad Hatta Haipewas sentenced on 19 December 2010 to 23 years in prison by a Washington D.C., U.S.A. court over the kidnapping for ransom of 16 tourists including four (4) Americans in Lake Sebu, South Cotabato in December 1994. Haipewas indicted before a US court in 2000 for said crime. He was arrested in Malaysia on 24 August 2006 under its Internal Security Act and was repatriated to the Philippines on 20 May 2009. He was extradited to the United States on 29 August 2009. He pleaded guilty on 28 July 2010.

In other developments, the bombing in Jolo, Sulu on December 25, 2010 was believed to be the handiwork of the ASG. The incident resulted in the wounding of 11 people. Subsequently, a case for multiple frustrated murder and damage to property was filed against some members of the group who were implicated in the said explosion.

The ASG continues to map out operations which include kidnappings, bombings, and attacks on civilians and government forces/installations, public places, infrastructures and other establishments.

Al Jemaah Al Islamiyah/Other Foreign Terrorists (JI/OFTs)

Indonesian JI members accounted for are placed at four (4). Their names and respective current locations are:

1. JAAFAR/JATAR/JAFAR – monitored in Sulu;

2. SAAD – co-located with QAYYIM in Sulu;
3. OMAIR/UMAIR – Camp Jabal Quba; and
4. SAHAL – Butig, Lanaodel Sur.

Apart from the JI, other Southeast Asian militants exist in Mindanao. Most of these trainees return to their countries of origin after their short duration training. These individuals have been categorized as “other foreign terrorists” (OFTs) and are geographically dispersed in Central Mindanao and Sulu. This group is mostly comprised of Indonesian militant groups such as the Darul Islam (DI) factions, KOMPAK and the LaskarJundullah (LJ). It neither has an acknowledged leader nor an organizational structure.

There are three (3) main camps for Indonesians in the Cararao Complex, however, it is not known whether the Indonesians are JI members or members of other groups from Indonesia. Camp Hudeibiah is located in Sitio Sumpitan, Brgy.Tugaig, Barira, Maguindanao and is headed by a certain Abdul Malik Yamen. Camp Jabal Quba is described to be located near Butig Lake and is headed by a certain Abu Yasser Taya. Meanwhile, Camp Ulo Ambal is located in the northeastern part of Camp Hudeibiah in Butig, Lanao del Sur and is headed by a certain Solaiman Muhammad a.k.a.Basir/Basyir/Solaiman. These Indonesians are conducting improvised explosive device (IED) training particularly in Butig, Lanao Del Sur. Suspected Indonesian JI members/foreign militant jihadists have been monitored in the company of the ASG in Sulu. Likewise, they have been monitored with the MILF at the latter’s camp in Central Mindanao. Accordingly, they were conducting training for the MILF. The training also delved on sniping techniques, scuba diving and commando assault operations.

Omar Patek was arrested in Pakistan. Abdulla Ali a.k.a. Muawiyah/Anjala is monitored to have been with Salahudin Hassan’s group in Central Mindanao while Zulkipli bin Hira.k.a. Marwan was killed in January 25, 2015 in Mamasapano, Maguindanao.

In a meeting in one of the MILF camps in Central Mindanao, JI and rogue MILF members discussed the fabrication of IEDs. Discussion also includes the probable financial support coming from abroad.

Terror groups in the country have recently pledged allegiance to Dawlatul Islamiya led by Isnilon Hapilonas the Amir recognized by ISIS in the Philippines.

Rajah Solaiman Movement (RSM)

The Rajah Solaiman Movement, an active balik-Islam group espousing the idea of the islamization of Luzon, was discovered in 2002. As of yearend 2010, around 20 members were included in the list of RSM members. Most of the known active members of the group have been captured and the others cannot be located or have been inactive.

Members of RSM have been pursued and arrested by government forces for being involved in known bombing incidents and for planning to conduct bombings in Metro Manila. Also, the RSM and around seven (7) of its members were included in the United

Nations Security Council Resolution 1267 sanctions list. To implement the UN action, the United States' Department of State designated RSM and Ahmad Santos as specially designated global terrorists. The seven (7) other members were also mentioned under Executive Order 13224 by the US Treasury Department.

Notably, Ricardo Ayeras a.k.a. Abdul Kareem, along with RSM leader Hilarion Santos a.k.a. Ahmad Santos, Pio De Vera and Malik Alimuddin, were acquitted by the Regional Trial Court (RTC), Branch 66, Makati City for the charge of rebellion due to lack of evidence. However, Santos, De Vera and Alimuddin were not released due to other pending cases against them. Likewise, Dino Amor Rosalejos Pareja a.k.a. Abu Jihad/Khalil Pareja/Al Luzoni, who was acquitted on the same offense, was released.

Outside the Philippines, the ASG, along with the JI and the RSM, are designated as "Foreign Terrorist Organizations" by the US State Department and the US Department of Treasury. FTOs are foreign organizations designated as such by the Secretary of State in accordance with Section 219 of the Immigration and Nationality Act (INA), as amended.

II. Laws/Legislation

As a policy of the State to protect life, liberty and property from acts of terrorism, to condemn terrorism as inimical and dangerous to the national security of the country and to the welfare of the people and to make terrorism a crime against the Filipino people, against humanity and against the law of nations, Republic Act No. 9372, properly known as the Human Security Act of 2007, was passed on July 2007. This law, often referred to as the "*Anti-Terror Law*" or "*Anti-Terrorism Law*", allows the surveillance, wiretapping and financial investigation of individuals connected to terrorist organizations. It is one of the most primary anti-terrorism laws that brings the Philippines in line with its Southeast Asian neighbors battling Islamist militants. It is aimed at tackling militants in the southern Philippines.

Section 2 of the aforesaid law clearly states the State Policy as follows:

"It is declared a policy of the State to protect life, liberty, and property from acts of terrorism, to condemn terrorism as inimical and dangerous to the national security of the country and to the welfare of the people, and to make terrorism a crime against the Filipino people, against humanity, and against the law of nations.

In the implementation of the policy stated above, the State shall uphold the basic rights and fundamental liberties of the people as enshrined in the Constitution.

The State recognizes that the fight against terrorism requires a comprehensive approach, comprising political, economic, diplomatic,

military, and legal means duly taking into account the root causes of terrorism without acknowledging these as justifications for terrorist and/or criminal activities. Such measures shall include conflict management and post-conflict peace-building, addressing the roots of conflict by building state capacity and promoting equitable economic development.

Nothing in this Act shall be interpreted as a curtailment, restriction or diminution of constitutionally recognized powers of the executive branch of the government. It is to be understood, however that the exercise of the constitutionally recognized powers of the executive department of the government shall not prejudice respect for human rights which shall be absolute and protected at all times”¹.

On the other hand, terrorism is defined under Section 3 thereof as follows:

“Any person who commits an act punishable under any of the following provisions of the Revised Penal Code:

a. Article 122 (Piracy in General and Mutiny in the High Seas or in the Philippine Waters);

b. Article 134 (Rebellion or Insurrection);

c. Article 134-A (Coup d' Etat), including acts committed by private persons;

d. Article 248 (Murder);

e. Article 267 (Kidnapping and Serious Illegal Detention);

f. Article 324 (Crimes Involving Destruction) or under

1. Presidential Decree No. 1613 (The Law on Arson);

2. Republic Act No. 6969 (Toxic Substances and Hazardous and Nuclear Waste Control Act of 1990);

3. Republic Act No. 5207 (Atomic Energy Regulatory and Liability Act of 1968);

4. Republic Act No. 6235 (Anti-Hijacking Law);

5. Presidential Decree No. 532 (Anti-Piracy and Anti-Highway Robbery Law of 1974); and

6. Presidential Decree No. 1866, as amended (Decree Codifying the Laws on Illegal and Unlawful Possession, Manufacture, Dealing in, Acquisition or Disposition of Firearms, Ammunitions or Explosives)

thereby sowing and creating a condition of widespread and extraordinary fear and panic among the populace in order to coerce the government to give in to an unlawful demand shall be guilty of the crime of terrorism and shall suffer the penalty of forty (40) years of imprisonment, without the benefit of parole as provided for under Act No.

¹ Section 2, Republic Act No. 9372.

4103, otherwise known as the Indeterminate Sentence Law, as amended”.

Under Philippine law, for a person to be liable for the crime of terrorism, the following requirements must be complied with, to wit:

A. The accused (maybe a single individual or a group) must commit any of the enumerated crimes mentioned under R.A. No. 9372;

B. There results a condition of widespread and extraordinary fear and panic among the populace (the extent and degree of fear and panic, including the number of people affected in order to meet the term “populace”, are questions of facts to be determined by the courts and on a case to case basis); and

C. The purpose of the accused must be to coerce the government to give into an unlawful demand (the word “demand” is too broad as to cover not only political, criminal or monetary demands but also those which may be categorized as social or economic. This, however, is qualified by the word “unlawful”).

Section 58 of the same law enumerates the persons who may be liable for terrorism, *viz*:

“Subject to the provisions of an existing treaty of which the Philippines is a signatory and to any contrary provision of any law of preferential application, the provisions of this Act shall apply:

(1) to individual persons who commit any of the crimes defined and punished in this Act within the terrestrial domain, interior waters, maritime zone, and airspace of the Philippines;

(2) to individual persons who, although physically outside the territorial limits of the Philippines, commit, conspire or plot to commit any of the crimes defined and punished in this Act inside the territorial limits of the Philippines;

(3) to individual persons who, although physically outside the territorial limits of the Philippines, commit any of the said crimes on board Philippine ship or Philippine airship;

(4) to individual persons who commit any of said crimes within any embassy, consulate, or diplomatic premises belonging to or occupied by the Philippine government in an official capacity;

(5) to individual persons who, although physically outside the territorial limits of the Philippines, commit said crimes against Philippine citizens or persons of Philippines descent, where their citizenship or ethnicity was a factor in the commission of the crime; and

(6) to individual persons who, although physically outside the territorial limits of the Philippines, commit said crimes directly against the Philippine government”.

Meanwhile, on 20 June 2012, the Philippine Congress enacted Republic Act No. 10168 or more properly known as “An Act Defining the Crime of Financing of Terrorism, Providing Penalties Therefor and for Other Purposes”. This law defines the term “terrorist” and enumerates what the “terrorist acts” are.

As expressly provided under the said law, a “terrorist” refers to any natural person who:

- (1) commits, or attempts, or conspires to commit terrorist acts by any means, directly or indirectly, unlawfully and willfully;
- (2) participates, as a principal or as an accomplice, in terrorist acts;
- (3) organizes or directs others to commit terrorist acts; or
- (4) contributes to the commission of terrorist acts by a group of persons acting with a common purpose where the contribution is made intentionally and with the aim of furthering the terrorist act or with the knowledge of the intention of the group to commit a terrorist act¹.

On the other hand, terrorist acts refer to the following:

- (1) Any act in violation of Section 3 or Section 4 of the Human Security Act of 2007;
- (2) Any other act intended to cause death or serious bodily injury to a civilian, or to any other person not taking an active part in the hostilities in a situation of armed conflict, when the purpose of such act, by its nature or context, is to intimidate a population, or to compel a government or an international organization to do or to abstain from doing any act;
- (3) Any act which constitutes an offense under this Act, that is within the scope of any of the following treaties of which the Republic of the Philippines is a State party:
 - (a) Convention for the Suppression of Unlawful Seizure of Aircraft (done at The Hague on 16 December 1970);
 - (b) Convention for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Civil Aviation (done at Montreal on 23 September 1971);
 - (c) Convention on the Prevention and Punishment of Crimes against Internationally Protected Persons, including Diplomatic Agents (adopted by the General Assembly of the United Nations on 14 December 1973);

¹Section 3.

(d) International Convention against the Taking of Hostages (adopted by the General Assembly of the United Nations on 17 December 1979);

(e) Convention on the Physical Protection of Nuclear Material (adopted at Vienna on 3 March 1980);

(f) Protocol for the Suppression of Unlawful Acts of Violence at Airports Serving International Civil Aviation, supplementary to the Convention for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Civil Aviation (done at Montreal on 24 February 1988);

(g) Convention for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Maritime Navigation (done at Rome on 10 March 1988);

(h) Protocol for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Fixed Platforms located on the Continental Shelf (done at Rome on 10 March 1988); or

(i) International Convention for the Suppression of Terrorist Bombings (adopted by the General Assembly of the United Nations on 15 December 1997).

Meanwhile, the same law defines a terrorist organization, association or a group of persons as referring to any entity owned or controlled by any terrorist or group of terrorists that: (1) commits, or attempts to commit, terrorist acts by any means, directly or indirectly, unlawfully and willfully; (2) participates as an accomplice in terrorist acts; (3) organizes or directs others to commit terrorist acts; or (4) contributes to the commission of terrorist acts by a group of persons acting with common purpose of furthering the terrorist act where the contribution is made intentionally and with the aim of furthering the terrorist act or with the knowledge of the intention of the group to commit a terrorist act”¹.

As regards the unlawful act of financing terrorism, Section 4 of Republic Act No. 10168 expressly states that:

“Any person who, directly or indirectly, willfully and without lawful excuse, possesses, provides, collects or uses property or funds or makes available property, funds or financial service or other related services, by any means, with the unlawful and willful intention that they should be used or with the knowledge that they are to be used, in full or in part: (a) to carry out or facilitate the commission of any terrorist act; (b) by a terrorist organization, association or group; or (c) by an individual terrorist,

¹ Supra.

shall be guilty of the crime of financing of terrorism and shall suffer the penalty of reclusion temporal in its maximum period to reclusion perpetua and a fine of not less than Five Hundred Thousand Pesos (Php 500,000.00) nor more than One Million Pesos (Php1,000,000.00).

“Any person who organizes or directs others to commit financing of terrorism under the immediately preceding paragraph shall likewise be guilty of an offense and shall suffer the same penalty as herein prescribed.

“For purposes of this Act, knowledge or intent may be established by direct evidence or inferred from the attendant circumstances.

“For an act to constitute a crime under this Act, it shall not be necessary that the funds were actually used to carry out a crime referred to in Section 3(j)”¹.

III. Law Enforcement Agencies

The Philippine National Police (PNP) and the Armed Forces of the Philippines (AFP) work hand-in-hand, being entrusted with internal security and terrorism in the country.

To further ensure the effectiveness of the government's drive against kidnapping and illegal drugs, former President Gloria Macapagal-Arroyo organized the Police Anti-Crime Emergency Response (PACER) unit on July 12, 2002. The unit adopted the cohesive military-style tactics to go after kidnappers and drug dealers including their financial and support network.

To address the growing threat on terrorism, Executive Order No. 62 was signed by the President creating the Philippine Center on Transnational Crime (PCTC) to serve as a nerve center, a think tank and a central database for the monitoring, detecting and investigating of transnational crimes, as well as formulating national programs and policies, both tactical and strategic, geared towards the prevention of said crimes and recommending of measures for the enactment of legislation that will strengthen responses and provide immediate intervention in the prevention, detection and apprehension of transnational criminals.

On 29 September 2001, the Philippine Congress enacted Republic Act No. (R.A. No. 9160), otherwise known as the Anti-Money Laundering Act of 2001, which took effect on 17 October 2001. R.A. No. 9160 criminalized money laundering in the Philippines. It likewise created the Philippines' Financial Intelligence Unit (FIU) – the Anti-Money Laundering Council (AMLC).

¹ Section 4, *supra*.

The AMLC is composed of the following: the Governor of the Bangko Sentralng Pilipinas (BSP) (Central Bank of the Philippines), as Chairman; and the Commissioner of the Insurance Commission (IC) and the Chairman of the Securities and Exchange Commission (SEC), as members. The Council requires and receives suspicious transaction reports and issues orders to investigate and examine these transactions involving the proceeds of an unlawful activity. It is also responsible in imposing administrative sanctions for the violation of relevant laws, rules, regulations and orders and resolutions.

Other law enforcement agencies involved in combating terrorism form part of the Anti-Terrorism Council (ATC) which shall implement the Human Security Act of 2007 and shall be responsible for the proper and effective implementation of the anti-terrorism policy of the country. The ATC is mandated to formulate and adopt comprehensive, adequate, efficient, and effective anti-terrorism plans, programs, and counter-measures to suppress and eradicate terrorism in the country and to protect the people from acts of terrorism. It is chaired by the Executive Secretary; with the Secretary of Justice, the Secretary of Foreign Affairs, the Secretary of National Defense, the Secretary of the Interior and Local Government, the Secretary of Finance and the National Security Adviser as its other members. Meanwhile, the National Intelligence Coordinating Agency (NICA) serves as the Secretariat of the ATC. Considering the importance of the ATC's functions, the National Bureau of Investigation (NBI), the Bureau of Immigration (BI), the Office of Civil Defense(OCD), the Intelligence Service of the Armed Forces of the Philippines (ISAFP), the Anti-Money Laundering Council (AMLC), the Philippine Center on Transnational Crime (PCTC) and the Philippine National Police's intelligence and investigative elements serves as support agencies thereat.

IV. Information/Intelligence Sharing and Best Practices

Case Management and Intelligence System (CMIS): This is part of the RP-AU CT Capacity Building Project. The CMIS is a completely integrated database system which has the capability to store and manage criminal and terrorism-related cases. The system interconnects subordinate units of the PNP as well as the PCTC and the NBI. The project is a major milestone in the strong relationship and coordination existing between the PNP, NBI, PCTC and Australian Federal Police (AFP) in the field of countering crime and terrorism.

PNP Bomb Data Center (PBDC): In parallel with the CMIS, the PBDC was established to provide the necessary technical expertise in the investigation of bomb blasts and related incidents. It maintains a databank of all post-blast investigation reports, technical data, photographs and other pertinent documents. The center also operates a research and development center and conducts training and other skills and competency building activities.

PNP Forensic Explosives Laboratory: To complement and support the efforts of the Bomb Data Center, the capability of the PNP Crime Laboratory was enhanced with the

donation from Australia of forensic equipment for explosives testing. The unit now has a special laboratory dedicated to chemical analysis of explosive materials among others.

Area Police Intelligence Fusion Centers: Its creation was intended to bolster the system of coordination, mutual support and cooperation and integration of efforts between and among the PNP intelligence units and their counterparts in the AFP and other law enforcement agencies.

Multi-National Operational Support Team (MNST): It is based in Jakarta, Indonesia and was conceptualized during the Regional Law Enforcement Heads of Counter-Terrorism Conference attended by Police Director Robert C Delfin, then Director for Intelligence, in Semarang, Central Java, Indonesia on July 1-2, 2004. It is composed of representatives from the Philippines, Indonesia, Malaysia, Singapore, Thailand and Australia. The purpose is to address the development of a concept for a multi-national team that will provide operational support in the areas of technical, investigative, analytical cooperation among its members in the provision of assistance to one another with respect to terrorism issues and incidents.

ASEANAPOL Database System Project: The project was launched during the ASEANAPOL Conference in May 2006 and is now fully operational. The electronic ASEANAPOL Database System Project or eADS is a central database system similar in concept to the one being maintained by INTERPOL. The major stakeholders are the ten (10) national police forces of ASEANAPOL which will be sharing equally all the expenses that may be incurred in the development and maintenance of the project.

On the other hand, to ensure a holistic response to the terrorist threat, the PNP adopts a three-tiered defense system. It is the PNP's basic action framework against terrorism with three (3) distinct phases or components: intelligence, target hardening and incident management.

The "intelligence phase" adopts a dual approach: the broad and the focused approaches. The broad approach employs the local government executives and community leaders in partnership with local police forces. This is most valuable in proactive measures like identifying potential targets, reporting suspicious persons and material, unusual movements (such as unusual delivery of large amount of ammonium nitrate) and other clandestine activities in the communities.

The "target hardening phase" is aimed at making it difficult for the terrorist to succeed in hitting their targets. Once the potential terrorist target is identified, government agencies, the private sector as well as the community work closely together to set up a security umbrella within the internal and external environs of the target.

In the "incident management phase" the sequence of actions to be undertaken in case of a terrorist attack is determined in order to mitigate the effects of attacks and return to normalcy. In like manner, this involves partnership among the security forces, local government units (LGU) and the community. In this aspect, the LGUs take the lead role.

The national government has also enunciated various directives, instructions and issuances to address the problem.

Former President Gloria Macapagal-Arroyo outlined a 16-point counter-terrorism course of action which includes the following:

1. Organization of a whole counter-terrorism enterprise and delineation of clear areas of responsibility and accountability with the Cabinet Oversight Committee under the Executive Secretary to oversee and supervise the anti-terror campaign;

2. Efficient and effective anticipation of events through intelligence and intelligence fusion which involves the consolidation and sharing of information from all sources relevant to the country's response in the war against terrorism;

3. Strengthen the country's internal focus on terrorism through the active participation of local government units down to the barangay level to prevent, interdict and contain terrorist acts;

4. Cleaning the government of terrorist and criminal coddlers;

5. Holding accountable all private groups abetting or aiding terrorists;

6. Synchronization of internal efforts with the global outlook to be spearheaded by the Department of Foreign Affairs (DFA);

7. Combined policy of tactical counterforce with the set of strategic legal measures. The Department of Justice (DOJ) to set up a special team to serve the special requirements of the war on terrorism including the speedy prosecution, deportation and extradition of suspects;

8. Strengthen the peace process to isolate terrorist groups from the moderates;

9. Pursuit of broader inter-faith dialogues to promote Christian and Muslim solidarity;

10. Recognition of the political, social and economic underpinnings of terrorism. The President urged the conduct of special community development projects in areas where extreme poverty make its residents vulnerable to the courtship of terrorist groups;

11. Vigilance of all law enforcement agencies and local government units, particularly against the movements of suspected persons, firearms, explosives, raw materials of explosives, toxic materials and biological materials;

12. Close coordination on preparations and actions in the event of catastrophic terrorist attacks, even if remote;

13. Comprehensive security plan for critical infrastructures including power plants, power transmissions and distribution facilities, oil and gas depots, key public works infrastructures, vital communications facilities, public and private buildings and facilities in the nerve center of commerce and industry;

14. Protection of the security, welfare and interests of OFWs;

15. Continued modernization of the AFP/PNP taking into consideration the threats of terrorism; and

16. Media support in the implementation of policies and programs, to enlighten the public on the rationale behind their actions, and in promoting consensus and even constructive criticism.

As a Charter Member of the United Nations and as part of the international coalition against terrorism, the Philippines actively implemented the United Nations Security Resolution No. 1368 passed last September 12, 2001.

V. International/Regional Cooperation

Significantly, the PNP is a major player in the implementation of various counter terrorism programs. Highlighting some of the programs related to these initiatives are the following:

a) “Memorandum of Agreement (MOA) on Border Cooperation” between the Royal Malaysia Police and the Philippine National Police signed on 14 December 1996. The MOA tackles the following concerns, namely: border crossing issues, the recognition of possible entry points, exchange of information and joint anti-crime projects;

b) The “Memorandum of Understanding (MOU) between the Philippine Law Enforcement Community (LEC) and the Australian Federal Police (AFP)”, which was formalized on 14 July 2003, enables both parties to cooperate fully on issues related to transnational crimes. The Australian government has embarked on a three (3)-year counter-terrorism capacity building project on the following broad priorities: 1.) Capacity building of our law enforcement agencies; 2.) Strengthening Philippine border control capability; and 3.) Enhancing port security; and

c) The “Memorandum of Understanding (MOU) on Cooperation in Preventing and Combating Transnational Crimes” between the INP and the PNP which expired in 2010 is now in the process of renewal.

VI. Conclusion

Terrorism analysts stated that there are three (3) essential tasks to defeat terrorism – tasks which we have steadfastly pursued in the past in this part of Asia. To our credit, our individual counter-terrorism efforts have given positive results which in effect delivered a serious blow on the capability of various terrorist groups operating in the country. The following are our various significant accomplishments along with these essential tasks:

- The first task, the need to bring the top leadership or the core leadership of these terrorist groups to justice. This has been accomplished to a great extent in our country with the capture and the elimination of some of the top leaders of these groups. In addition, we also neutralized a good number of their followers, filed appropriate cases to some of them and put them behind bars.

- Second, the need to eliminate safe havens from which terrorists can communicate and recruit. To recall, JI started its operation in 1995 which during that time enjoyed safe

havens in various parts of Central Mindanao. That is no longer the case today. Through aggressive military and police works, we managed to eliminate these safe havens including traditional areas where they roam with impunity.

- Third, the need to address the underlying problems that give rise to terrorism. Along this line, our national government continues to implement development projects in the affected areas. Of significance also is the effort to have a lasting peace in Mindanao by way peace negotiations with some rebel groups.

Our task on the aspect of integrated counter-terrorism operations and regional cooperation to address global terrorism is far from over but we are going towards this direction and we are steadily making progress. The government's war against terrorism may not have completely eliminated these groups promoting terrorism in the country. Nevertheless, by integrating the implementation of our respective counter-terrorism strategies and cooperation, we have reduced it to a considerable extent.

УДК 349.6(470)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-1-2/96-106

Ю.В. Надточий¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: crimlaw@rambler.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. Проблемы охраны окружающей среды в современном мире приобретают всё большую актуальность, и сегодня они обострились настолько, что коснулись уже не только России, но и многих стран мира, что делает экологическую проблему задачей высочайшего приоритета, присваиваемого вопросам безопасности, в связи с чем возникает необходимость в рассмотрении такого понятия, как экологическая безопасность. В представленной работе приведены и проанализированы концептуальные позиции по вопросу дефиниции «экологическая безопасность», подчёркнуто, что обозначенный термин в настоящее время получил широкое распространение в нормативно-правовых актах, как российских, так и международных. Отмечается также, что обеспечение экологической безопасности на сегодняшний день выделяется одним из приоритетных направлений деятельности государства. Выявлены различные подходы учёных к трактовке содержания данного термина, при этом подчёркивается, что все их усилия в этом направлении брошены на выработку наиболее оптимального определения, вмещающего в себя весь спектр общественных отношений, возникающих в сфере охраны окружающей среды. Констатируется, что на сегодняшний день имеется легальное толкование рассматриваемого понятия, которое содержится в Федеральном законе РФ «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. В ходе исследования доказано, что экологическую безопасность не только можно, но и необходимо рассматривать в качестве объекта экологических преступлений, в связи с тем, что этим понятием охватывается весь круг общественных отношений, нарушаемых при совершении таких преступлений, а также подчёркивается их особая значимость и масштабность.

Ключевые слова: объект преступления, экологическая безопасность, экологические преступления, окружающая среда.

¹ Юлия Викторовна Надточий, кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Надточий Ю.В. Экологическая безопасность как объект экологических преступлений // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 1–2. С. 96–106.

Julia V. Nadtochiy¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: crimlaw@rambler.ru

ENVIRONMENTAL SAFETY AS AN OBJECT OF ENVIRONMENTAL CRIMES

Abstract. The problems of environmental protection in the modern world are becoming increasingly important and, today, they have become so acute that they have touched not only Russia, but also many countries of the world, thus turning the environmental problem into the task of the highest priority assigned to security issues, and calling for considering such a concept as environmental safety. The work reviews and analyzes the conceptual positions on the definition of "environmental security" and emphasizes that the term has become widely used in legal and regulatory acts, both in Russia and internationally. It is also noted that providing of environmental safety today is one of the top priorities of the state. Different approaches of scientists towards interpreting the content of this term have been revealed, and it is emphasized that all their efforts in this direction are directed at developing of the most optimal definition, containing the entire range of social relations that arise in the sphere of environmental protection. It is stated that today there is a legal interpretation of the concept under consideration, which is contained in the Federal Law "On Environmental Protection" of January 10, 2002. The study has proved that environmental safety can and must be considered as an object of environmental protection crimes, in connection with the fact that this concept covers the whole range of social relations that are violated in the commission of such crimes, and also emphasizes their special significance and scale.

Key words: the object of the crime, environmental safety, environmental crimes, environment.

Примерно в середине XX в. основной экологической угрозой считалось истощение невозобновляемых природных ресурсов. Принципиальная ограниченность природных запасов привела к появлению идей, связанных с их рациональным использованием, созданием новых ресурсосберегающих технологий и т.д., но постепенно происходит осознание необходимости сохранения и восстановления природных экосистем и поддержания соответствующего качества окружающей среды как условия

¹Julia V. Nadtochiy, PhD, associate Professor, associate Professor, Department of criminal law and criminology of Law school, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Nadtochiy J.V. Environmental safety as an object of environmental crimes // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2018. № 1–2. P. 96–106.

выживания человечества. Происходящие в современном мире экологические катастрофы и связанная с ними угроза выживанию всего человечества породили проблему необходимости глобальной защиты окружающей среды от внутренних и внешних угроз, именно в этом направлении стало формироваться российское законодательство.

На современном же этапе развития общества защита экологических интересов является приоритетным направлением политики государства, это подчеркивается в Основах государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 г., утверждённых Указом Президента РФ от 30 апреля 2012 г., где в п. 7 сказано, что «сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, реализации права каждого человека на благоприятную окружающую среду, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности» является стратегической целью государственной политики в области экологического развития [14]. Отсюда мы можем констатировать, что экологические интересы выходят на первое место в сравнении с экономическими, т.е. необходимость охраны природной среды на сегодняшний день является бесспорной и первостепенной.

Стоит также сказать, что в условиях происходящей глобализации общественной жизни экологические проблемы вышли за рамки компетенции отдельных стран и являются межнациональными и, соответственно, для достижения положительного результата бороться с ними необходимо усилиями всех государств.

Именно поэтому в последние годы в научный оборот уверенно вошёл термин «экологическая безопасность». На сегодняшний день он широко употребляется и во многих нормативно-правовых актах, в том числе в ст. 72 Конституции РФ, в федеральных законах (к примеру, ФЗ «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 г.), указах Президента и постановлениях Правительства (к примеру, Указ Президента РФ «О Стратегии экологической безопасности РФ на период до 2025 года» от 19 апреля 2017 г.), а также в международных правовых актах (к примеру, документы Конференции ООН по охране окружающей среды и развитию 1992 г., Конвенция о биологическом разнообразии 1992 г.).

Стоит отметить, что на международном уровне разрабатывается концепция экологической безопасности, которая предполагает изменение традиционных подходов к охране окружающей среды, в частности она призвана создать условия для безопасного экологического развития всех государств. Главное в данной концепции – предотвращение экологических катастроф как условие выживания человечества, т.е. здесь устанавливается прямая связь между охраной окружающей среды и безопасностью человечества. Юридическое содержание принципа экологической безопасности заключается в обязанности государств осуществлять свою деятельность таким образом, чтобы исключить экологические стрессы на локальном, национальном, региональном и глобальном

уровнях, то есть экологическая безопасность здесь рассматривается как состояние защищённости человечества от угрозы экологического кризиса, сохранение и поддержание жизненно важных свойств и качеств окружающей среды. Таким образом, охрана окружающей среды стоит в одном ряду с такими направлениями международного сотрудничества, как борьба с организованной, транснациональной преступностью, экономическим неравенством, международным терроризмом и т.п.

Что же такое экологическая безопасность и может ли она рассматриваться в качестве объекта экологических преступлений? Попробуем разобраться.

Сам термин «экологическая безопасность» включает в себя две составляющие: «экология» и «безопасность». Соответственно, чтобы уяснить значение исследуемого феномена, рассмотрим обе эти составляющие отдельно. Первоначально обратимся к родовому понятию «безопасность». Согласно официально принятой в России точке зрения, под безопасностью понимается «состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [10]. Данное определение содержалось в ранее действовавшем ФЗ «О безопасности» от 5 марта 1992 г. К сожалению, новый Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. [11] подобной дефиниции не содержит, однако обеспечение экологической безопасности называет среди основных направлений деятельности государства.

Трактовку рассматриваемого термина можно найти и в толковом словаре, согласно которому безопасность – это состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности [22].

Вторая составляющая экологической безопасности – так называемая «экологическая» составляющая. Согласно словарю русского языка, «экологический» означает относящийся к природной среде, к среде обитания всего живого [20].

Таким образом, экологическая безопасность – это состояние, при котором не угрожает опасность природной среде и её обитателям, в частности, всему человечеству.

Стоит отметить, что в российское законодательство понятие экологической безопасности впервые было введено Законом РСФСР «Об охране окружающей природной среды» от 19 декабря 1991 г. [12], ныне утратившим силу, где обеспечение экологической безопасности упоминалось в качестве одной из задач политики государства в области охраны окружающей природной среды. Кроме того, в ст. 85 обозначенного закона давалось понятие экологического преступления (к слову сказать, в действующем законодательстве данная легальная дефиниция отсутствует), в качестве объекта которого уже тогда назывались экологическая безопасность и экологический правопорядок, однако содержание этих понятий в законе не раскрывалось.

В связи с этим данное понятие уже в те годы стало активно разрабатываться теоретиками в области уголовного права и внедряться в качестве возможной составляющей объекта экологических преступлений. Так, В.В. Петров определял экологическую безопасность как состояние защищённости жизненно важных экологи-

ческих интересов человека, и прежде всего тех, которые вытекают из права на здоровую и благоприятную для жизни окружающую среду [17]. Схожей позиции придерживается А.А. Тер-Акопов, который писал, что «экологическая безопасность представляет собой состояние защищённости человека от воздействия негативных факторов природной среды» [21]. Чуть более объёмное определение предложено В.Д. Курченко. Экологическая безопасность, по его мнению, это «основанное на законе состояние защищённости граждан от общественно опасных посягательств на их жизненно важные права и интересы в процессе их взаимодействия с окружающей средой по поводу осуществления производственно-хозяйственной или иной общественно-полезной деятельности в сфере экологии» [8].

Некоторые авторы раскрывали и раскрывают исследуемое понятие через систему мер, направленных на защиту интересов граждан, в частности, понимают её как «систему мер политического, экономического, организационного характера, адекватных угрозам экологическим интересам личности, общества, государства» [3]; либо как «систему мер, направленных на защиту жизненно важных интересов человека от неблагоприятного воздействия окружающей среды» [6].

Как видим, все предложенные определения не противоречат друг другу, отталкиваются от родового понятия безопасности с разной степенью конкретизации и расстановки акцентов. Мы можем констатировать, что все усилия учёных направлены на выработку наиболее оптимального определения, вмещающего в себя весь спектр общественных отношений, возникающих в сфере охраны окружающей природной среды.

Здесь стоит отметить, что, в связи со сложностью и неоднозначностью определений, в уголовно-правовой доктрине в то время было высказано предложение отказать от термина «экологическая безопасность» [9]. Данная позиция нам представляется устаревшей, не отвечающей требованиям объективной действительности, ведь, как мы уже успели убедиться, термин экологическая безопасность на сегодняшний день уверенно вошёл в научный оборот, имеет широкое распространение в нормативно-правовых актах и соответствует общемировым тенденциям.

Кроме того, действующий в настоящее время ФЗ «Об охране окружающей среды», принятый 10 января 2002 г., даёт нам легальное определение содержания рассматриваемого термина. Под экологической безопасностью данный закон понимает «состояние защищённости природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и технического характера, их последствий» [13]. Такой шаг законодателя считаем обоснованным и своевременным, ведь неопределённость терминологии не позволяет уяснить суть явления, порождает противоречия в толковании, а как следствие – сложности и ошибки в правоприменении. Наличие же легального определения позволяет чётко определить сферу применения, круг общественных отношений, подлежащих охране, а также исключает путаницу и разночтения.

Хочется здесь также отметить, что 19 апреля 2017 г. был принят Указ Президента РФ «О Стратегии экологической безопасности РФ на период до 2025 года» [16], который говорит о том, что экологическая безопасность является составной частью национальной безопасности. Национальная же безопасность, согласно Стратегии национальной безопасности РФ, принятой Указом Президента РФ 31 декабря 2015 г., понимается как состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан РФ, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации [15]. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией РФ и законодательством РФ, и в том числе экологическую.

Далее разберёмся с вопросом о том, можно ли рассматривать *экологическую безопасность в качестве объекта экологических преступлений*.

Первоначально отметим, что сама дефиниция «объект преступления» является неоднозначной в теории уголовного права. Не вдаваясь в дискуссии относительно самого этого понятия, так как это выходит за рамки нашего исследования, обозначим лишь, что мы придерживаемся традиционного подхода к его пониманию. Так, в соответствии с преобладающей в науке уголовного права концепцией объект уголовно-правовой охраны представляет собой охраняемую уголовным законом обособленную группу общественных отношений, регулирующих наиболее важные сферы общественной жизни, которые нарушаются в результате совершённого преступления.

Говоря об объекте экологических преступлений, стоит отметить, что законодатель поместил главу 26 УК РФ «Экологические преступления» в раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» не обосновательно, тем самым определив круг охраняемых общественных отношений, а именно отношения по охране общественной безопасности и общественного порядка, обозначив масштаб негативного воздействия и последствий этих преступлений.

Ведь особенностью экологических преступлений является то, что они объективно вредны для широкого круга общественных отношений, и, соответственно, в содержание родового объекта должен включаться весь круг этих отношений, связанных как с охраной окружающей среды, так и с охраной жизненно важных интересов человека, то есть, в конечном счёте, вред причиняется интересам не конкретного человека, а общественно значимым интересам – безопасным условиям существования человечества. Так, в результате загрязнения водной среды вред причиняется не только самой этой среде, но ещё и водным биологическим ресурсам, в ней обитающим, в частности, это приводит к заболеваниям, мутациям, сокращению их численности и т.п., а также жизни и здоровью людей, которые являются потребителями природных ресурсов и как существа биологические находятся в единой экологической связи с

природной средой. Кроме того, последствия могут быть весьма длительными, т.е. растянутыми во времени, в результате чего пострадать может не одно поколение.

Предложенное понимание объекта как общественных отношений по охране экологической безопасности, на наш взгляд, как раз и включает в себя всю совокупность этих отношений, подчёркивает их особую значимость.

В последние годы всё большее число специалистов, разделяя нашу точку зрения, предлагают использование обозначенного термина для определения объекта экологических преступлений, считая, что все компоненты объекта полностью укладываются в это понятие [1, 2, 5, 18, 19], некоторые из них предлагают свою трактовку обозначенного понятия. В частности, Ю.Б. Самойлова в своём определении экологической безопасности как объекта экологических преступлений, в сравнении с ранее предложенными позициями, расширяет круг охраняемых отношений, входящих в это понятие, за счёт включения не только интересов личности, но и интересов общества и государства, таким образом определяя её как «состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества, государства от реальной или потенциальной опасности, создаваемой хозяйственной и иной деятельностью, природными явлениями, экологическими правонарушениями или иным воздействием на окружающую среду, приводящим к негативным изменениям её качества» [19]. Также весьма интересное и развернутое понимание экологической безопасности предлагает А.В. Герасимов, определяя её как устойчивое состояние социо-техно-природной системы, достигаемое за счёт оптимального вписывания деятельности человека в естественные процессы природной среды, позволяющее избежать опасного воздействия этих процессов на жизнедеятельность человека и выражающееся в политико-правовой защищённости интересов личности, общества и государства от неблагоприятных воздействий, создающих реальную угрозу здоровью людей и функционированию экосистем [4].

С учётом специфики и масштабности возможных последствий (и чтобы подчеркнуть важность рассматриваемых общественных отношений), в научной литературе предложено пойти ещё дальше и выделить главу, посвящённую экологическим преступлениям (гл. 26 УК РФ), в отдельный раздел [7, 9]. Считаем, что над этим предложением стоило бы серьёзно задуматься.

Подводя итог вышеизложенному, считаем бесспорным тот факт, что дефиниция «экологическая безопасность» прочно вошла как в научный оборот, так и в нормативно-правовые акты разных уровней. Позитивным моментом является то, что на сегодняшний день имеется легальное толкование экологической безопасности, даваемое ФЗ «Об охране природной среды», которое соотносится с родовым понятием безопасности и включает в себя всю совокупность общественных отношений, подлежащих уголовно-правовой охране. Как представляется, изучение проблем, связанных с охраной окружающей среды, уже немыслимо без обращения к данному понятию и его использованию для характеристики объекта экологических

преступлений. Соответственно, мы приходим к выводу о том, что экологическая безопасность может и должна рассматриваться в качестве объекта экологических преступлений, так как подчёркивает их специфику и масштабность, а также отвечает современным тенденциям государственной политики и уголовной как её части, а кроме того соответствует общемировым тенденциям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артамонова, М. А. Соотношение экологических преступлений и административных правонарушений в области охраны окружающей среды : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. А. Артамонова. – Краснодар, 2013. – 29 с.
2. Боковня, А. Ю. Ответственность за загрязнение объектов окружающей среды в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Ю. Боковня. – Казань, 2016. – 27 с.
3. Виноградова, Е. В. Преступления против экологической безопасности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Е. В. Виноградова. – Нижний Новгород, 2001. – 46 с.
4. Герасимов, А. В. Экологическая безопасность современной России: политика обеспечения [Электронный ресурс] : монография / А. В. Герасимов. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/3842028/page:2/>.
5. Гончарова, Ю. С. Незаконная добыча водных животных и растений: уголовно-правовое, компаративное и криминологическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю. С. Гончарова. – Саратов, 2007. – 30 с.
6. Ерофеев, Б. В. Экологическое право : учебник / Б. В. Ерофеев. – М. : Юриспруденция, 1999. – 448 с.
7. Кузнецова, Н. И. Некоторые направления уголовной политики России в сфере борьбы с экологическими преступлениями // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – № 1 (27). – С. 66–69.
8. Курченко, В. Д. Проблемы применения норм о преступлениях против экологической безопасности населения : дис. ... канд. юрид. наук / В. Д. Курченко. – Волгоград, 2000. – 227 с.
9. Лавыгина, И. В. Экологические преступления: уголовно-правовая характеристика и проблемы ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. В. Лавыгина. – Омск, 2002. – 20 с.
10. О безопасности : закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. – № 15. – Ст. 769.
11. О безопасности [Электронный ресурс] : федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/.

12. Об охране окружающей природной среды [Электронный ресурс] : закон РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 2060-1. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189/.

13. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : федеральный закон от 10 января 2002 № 7-ФЗ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/.

14. Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года [Электронный ресурс] : указ Президента РФ от 30 апреля 2012 г. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129117/.

15. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/61a97f7ab0f2f3757fe034d11011c763bc2e593f/.

16. О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : указ Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215668/.

17. Петров, В. В. Экологические преступления: понятие и составы / В. В. Петрова // Государство и право. – 1993. – № 8. – С. 88–93.

18. Российское уголовное право. Т. 5 : курс лекций / под ред. А. И. Коробеева. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – 592 с.

19. Самойлова, Ю. Б. Уголовно-правовые и криминологические аспекты незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов : автореф. дис. ...канд. юрид. наук / Ю. Б. Самойлова. – Ростов н/Д., 2009. – 27 с.

20. Значение слова ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ в Словаре русского языка Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/ojegov/621054.html>.

21. Тер-Акопов, А. А. Безопасность человека. Теоретические основы социально-правовой концепции / А. А. Тер-Акопов. – М. : Изд-во МНЭПУ, 1998. – 196 с.

22. Толковый словарь С. И. Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.вокабула.рф/словари/толковый-словарь-ожегова/безопасность>.

REFERENCES

1. Artamonova M.A. *Sootnoshenie ekologicheskikh prestuplenii i administrativnykh pravonarushenii v oblasti okhrany okruzhayushchei sredy* [Correlation of environmental crimes and administrative violations in the field of environmental protection]. Cand. Diss. (Legal Sci.). Synopsis. Krasnodar, 2013. 28 p.

2. Bokovnya A.Yu. *Otvetstvennost' za zagryaznenie ob'ektov okruzhayushchei sredy v ugovnom prave Rossii* [Responsibility for pollution of environmental objects in the criminal law of Russia]. Cand. Diss. (Legal Sci.). Synopsis. Kazan', 2016. 27 p.

3. Vinogradova E.V. *Prestupleniya protiv ekologicheskoi bezopasnosti* [Crimes against environmental safety]. Dr. Diss. (Legal Sci.). Synopsis. Nizhnii Novgorod, 2001. 46 p.
4. Gerasimov A.V. *Ekologicheskaya bezopasnost' sovremennoi Rossii: politika obespecheniya* [Ecological security of modern Russia: the policy of ensuring. Available at: <https://studfiles.net/preview/3842028/page:2/> (accessed 11 June 2018).
5. Goncharova Yu.S. *Nezakonnaya dobycha vodnykh zivotnykh i rastenii: ugovno-pravovoe, komparativnoe i kriminologicheskoe issledovanie* [Illegal mining of aquatic animals and plants: criminally-legal, comparative and criminological research]. Cand. Diss. (Legal Sci.). Synopsis. Saratov, 2007. 30 p.
6. Erofeev B.V. *Ekologicheskoe pravo: uchebnik* [Environmental law: a textbook]. Moscow: Yurisprudentsiya Publ., 1999. 448 p.
7. Kuznetsova N.I. Nekotorye napravlenie ugovnoi politiki Rossii v sfere bor'by s ekologicheskimi prestupleniyami [Some areas of Russia's criminal policy in the field of combating environmental crime]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2017, no. 1 (27), pp. 66–69.
8. Kurchenko V.D. *Problemy primeneniya norm o prestupleniyakh protiv ekologicheskoi bezopasnosti naseleniya* [Problems of application of norms on crimes against environmental safety of the population]. Dr. Diss. (Legal Sci.). Volgograd, 2000. 227 p.
9. Lavygina I.V. *Ekologicheskie prestupleniya: ugovno-pravovaya kharakteristika i problemy otvetstvennosti* [Ecological crimes: the criminally-legal characteristic and problems of responsibility: the author's abstract]. Cand. Diss. (Legal Sci.). Synopsis. Omsk, 2002. 20 p.
10. On security: Law of the Russian Federation of 1992, March 5, no. 2446-I. *Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov RF i Verkhovnogo Soveta RF*, 1992, no. 15, art. 769. (In Russian).
11. *On Security: Federal Law of 2010, December 28, no. 390-FZ*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (accessed 11 January 2018). (In Russian).
12. *On the protection of the natural environment: The RSFSR law of 1991, December 19, no. 2060-I*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189/ (accessed 11 January 2018). (In Russian).
13. *On Environmental Protection: the Federal Law of 2002, January 10, no 7-FZ*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (accessed 11 January 2018). (In Russian).
14. *Bases of the state policy in the field of ecological development of Russia for the period until 2030: the Decree of the President of the Russian Federation of 2012, April*

30. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129117/ (accessed 11 January 2018). (In Russian).

15. *On the National Security Strategy of the Russian Federation: the Decree of the President of the Russian Federation of 2015, December 31, no. 683.* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/61a97f7ab0f2f3757fe034d11011c763bc2e593f/ (accessed 11 January 2018). (In Russian).

16. *On the Strategy of Ecological Safety of the Russian Federation for the period until 2025: the Decree of the President of the Russian Federation of 2017, April 19, no. 176.* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215668/ (accessed 11 January 2018). (In Russian).

17. Petrov V.V. *Ekologicheskie prestupleniya: ponyatie i sostavy* [Ecological crimes: concept and compositions]. *Gosudarstvo i pravo*, 1993, no. 8, pp. 88–93.

18. Korobeev A.I., ed. *Rossiiskoe uголовnoe pravo. T. 5* [Russian criminal law: the course of lectures. Vol. 5]. Vladivostok: Far Eastern St. Univ. Publ., 2001. 592 p.

19. Samoylova Yu.B. *Uголовno-pravovye i kriminologicheskie aspekty nezakonnoi dobychi (vylova) vodnykh biologicheskikh resursov* [Criminally-legal and kriminologicheskie aspects of illegal extraction (catch) of water biological resources]. Cand. Diss. (Legal Sci.). Synopsis. Rostov-on-Don, 2009. 27 p.

20. *The meaning of the word ENVIRONMENTAL in the Dictionary of Russian Ozhegova.* Available at: <https://slovar.cc/eng/ojegov/621054.html> / (accessed 11 January 2018). (In Russian).

21. Ter-Akopov A.A. *Bezopasnost' cheloveka. Teoreticheskie osnovy sotsial'no-pravovoi kontseptsii* [Human security. theoretical foundations of the socio-legal concept]. Moscow: International Independent Ecol. and Political Univ. Publ., 1998. 196 p.

22. *Explanatory dictionary by S.I. Ozhegov.* Available at: <http://www.vokabula.rf/words/tolkovo-lozhev-ozhegova/security> (accessed 11 January 2018). (In Russian).

УДК 341.226

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-1-2/107-116

Е.А. Князева¹

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

E-mail: kniazeva.ea@dvfu.ru

Н.А. Князева²

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

E-mail: knyazeva.na@dvfu.ru

ВОЗДУШНОЕ СУДНО КАК ПРЕДМЕТ И СРЕДСТВО СОВЕРШЕНИЯ АКТОВ НЕЗАКОННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается воздушное судно как предмет и как средство совершения актов незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации. Авиационные перевозки получили широкое распространение в середине XX в. и по сей день пользуются популярностью, но в то же время появилась и относительная уязвимость воздушного транспорта, что привело к многочисленным актам незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации, в том числе использование воздушного судна в качестве орудия и предмета преступления.

Выявлено, что воздушное судно может быть захвачено в полёте либо на земле с целью его дальнейшего удержания, с целью его дальнейшего перемещения, с целью его дальнейшего уничтожения. Воздушное судно может быть также захвачено с целью дальнейшего удержания на его борту пассажиров и членов экипажа. Существуют и прямые действия, направленные против воздушного судна, такие как его уничтожение посредством использования взрывных устройств.

Для решения обозначенных в статье проблем выявлено, что существует целый комплекс мер борьбы против использования воздушного судна как орудия и как предмета незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации.

Ключевые слова: воздушное судно, захват, акты незаконного вмешательства, взрывные устройства, угон, безопасность, гражданская авиация.

¹ Екатерина Анатольевна Князева, кандидат юридических наук, доцент, Юридическая школа Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

² Наталья Анатольевна Князева, кандидат юридических наук, доцент, Юридическая школа Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Князева Е.А., Князева Н.А. Воздушное судно как предмет и средство совершения актов незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 1–2. С. 107–116.

Ekaterina A. Knyazeva¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: knyazeva.ea@dvfu.ru

Natalia A. Knyazeva²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: knyazeva.na@dvfu.ru

**AIRCRAFT AS AN OBJECT AND MEANS
OF PERFORMING ACT OF ILLEGAL INTERFERENCE
IN THE ACTIVITY OF CIVIL AVIATION**

Abstract. The article considers an aircraft as an object and means of committing acts of unlawful interference with the activities of civil aviation. Air transport was widely used in the middle of the 20th century and is still popular; however, at the same time, the relative vulnerability of air transport has led to numerous acts of unlawful interference with civil aviation, including the use of an aircraft as an instrument and object of crime.

It has been revealed that an aircraft can be captured in the air or on land to be further retained, transported or destroyed. An aircraft can be seized in order to keep passengers and crew hostage on board. There can also be direct actions against the aircraft, such as its destruction through the use of explosive devices.

These problems can be addressed by a whole range of measures preventing the use of aircrafts as instruments and objects of unlawful interference with civil aviation.

Keywords: aircraft, seizure, acts of unlawful interference, explosive devices, sky-jacking, security, civil aviation.

В сложном комплексе мер, направленных на борьбу с международным терроризмом, не последнее место по важности занимает проблема противодействия воздушному терроризму, приобретающему ныне более скрытый и изощрённый характер. Воздушный транспорт особенно привлекателен для террористов в связи с тем, что каждый акт незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации вызывает огромный общественный резонанс, дестабилизирует положение в обществе, посягает на жизнь и здоровье людей, на собственность, грубейшим образом

¹ Ekaterina A. Knyazeva, Candidate of Law Sciences, Assistant Professor, Law School of Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Natalia A. Knyazeva, Candidate of Law Sciences, Assistant Professor, Law School of Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Knyazeva E.A., Knyazeva N.A. Aircraft as an object and means of performing an act of illegal interference with the activity of civil aviation // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2018. № 1–2. P. 107–116.

нарушает международное право, государственный суверенитет и обостряет международные отношения.

Начиная с XX в. и по сей день авиационные перевозки получили широкое распространение, но в то же время относительная уязвимость воздушного транспорта привела к многочисленным актам незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации, в том числе с использованием воздушного судна и как орудия (средства) преступления, и как предмета посягательства.

Международная организация гражданской авиации ИКАО определила акты незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации следующим образом:

- 1) незаконный захват воздушных судов в полёте;
- 2) незаконный захват воздушных судов на земле;
- 3) захват заложников на борту воздушных судов или на аэродромах;
- 4) насильственное проникновение на борт воздушного судна, в аэропорт или в расположение аэронавигационного средства или службы;
- 5) размещение на борту воздушного судна или в аэропорту оружия, опасного устройства или материала, предназначенного для преступных целей;
- 6) сообщение ложной информации, ставящей под угрозу безопасность воздушного судна в полёте и на земле, пассажиров, членов экипажа, наземного персонала или общественности, в аэропорту или в расположении объектов или служб гражданской авиации [1, ст. 64].

Во всех перечисленных актах воздушное судно может быть использовано и в качестве средства совершения преступления, и как предмет посягательства.

Анализ динамики и тенденций международного терроризма в целом позволяет выделить следующие категории угроз, касающиеся гражданских воздушных судов:

1. Захват воздушного судна с целью его удержания;
2. Захват воздушного судна с целью его дальнейшего перемещения;
3. Захват воздушного судна с целью его дальнейшего уничтожения;
4. Прямые действия, направленные против воздушного судна [2, ст. 145].

Первые три группы актов незаконного вмешательства развиваются по следующему сценарию:

– преступники под угрозой применения оружия или взрывного устройства против пассажиров и членов экипажа устанавливают свой контроль над воздушным судном;

– преступники выдвигают требования, например, изменить маршрут воздушного судна, дать им политическое убежище, освободить из тюрем сообщников, заплатить выкуп за освобождение заложников.

Как правило, объектами преступления *захват воздушного судна с целью его удержания* являются пассажиры, находящиеся на его борту. Мотивы и цели такого захвата могут быть самыми различными, например, достижение политического,

пропагандистского и психологического эффекта (демонстрация силы, оказания давления на государственные структуры и общественное мнение, привлечение внимания и т.д.). В качестве примера можно привести захват самолета компании «Аэрофлот» ТУ-154 в ноябре 1991 г. группой лиц во главе с Шамилем Басаевым в аэропорту г. Минеральные Воды и его последующий угон в Турцию. Условием освобождения заложников (пассажиров и членов экипажа судна) была отмена режима чрезвычайного положения в Чечено-Ингушской АССР [2, ст. 146].

Объектом преступления *захват воздушного судна с целью его дальнейшего перемещения* является собственно воздушное судно как транспортное средство. Пассажиры выступают в качестве фактора, обеспечивающего дополнительные гарантии безопасности захватчикам. Целью является перемещение преступников с территории, выезд с которой им по какой-либо причине запрещён, в иную географическую точку. Только в 1990 г. в СССР было совершено 7 актов захвата и угона пассажирских самолетов по политическим или социальным мотивам. Часто такие захваты и угоны завершаются непредусмотренными последствиями как для самих угонщиков, так и для пассажиров и членов экипажей. Например, захват и угон в ноябре 1996 г. группой политических оппозиционеров пассажирского самолёта Boeing-767 эфиопской авиакомпании ввиду неадекватного поведения самих захватчиков завершился вынужденной посадкой у побережья Коморских островов, в результате которой погибло 125 пассажиров и членов экипажа [3].

Объектом преступления *захват воздушного судна с целью его дальнейшего уничтожения* является собственно воздушное судно. Оно может выступать в двух категориях:

1) как средство поражения заранее намеченного объекта, например, наземного (вероятность значительного количества жертв и разрушений, как это имело место в результате четырех угонов воздушных судов, совершённых 11 сентября 2001 г. в Соединенных Штатах Америки. Впервые захваченные воздушные суда были использованы как средства поражения наземных целей. Террористы-смертники действовали группами с чётким разделением ролей: руководитель, пилот, силовая поддержка. Пилоты-смертники имели хорошую лётную подготовку – они смогли точно направить пассажирские лайнеры в здания Международного торгового центра в Нью-Йорке. Число жертв этих терактов превысило количество погибших и раненых в результате всех актов незаконного вмешательства за всю историю воздушно-го терроризма [4, ст. 32]);

2) как предмет посягательства, который впоследствии будет уничтожен по различным причинам (события 11 сентября 2001 г. в США; 24 августа 2004 г. в России; попытка совершения 22 декабря 2001 г. на борту воздушного судна теракта пассажиром, в ботинках которого было смонтировано самодельное взрывное устройство; 24 марта 2015 г. второй пилот авиакомпании «Germanwings» умыш-

ленно снизил высоту полета воздушного судна до минимальной, в результате чего произошло падение самолета во французских Альпах. В ходе расследования было установлено, что второй пилот имел психическое расстройство и заранее готовил акт самоубийства).

Прямые действия, направленные против воздушного судна. Объектами в данном случае выступают как воздушные суда, так и находящиеся на борту пассажиры и члены экипажа. Целями таких действий могут выступать разрушение воздушного судна в воздухе или на земле, причинение вреда здоровью или уничтожение людей для причинения материального, политического, психологического ущерба либо совершённые из хулиганских побуждений. Средствами совершения противоправных действий против воздушных судов могут быть:

1) средства вооружения, такие как самодельные взрывные устройства, переносные зенитно-ракетные комплексы и др.;

2) электронные средства, такие как радиопередатчики или другие средства создания активных преднамеренных радиопомех или изменения состояния наземных или бортовых авиационных систем управления или наведения, в результате чего ставится под угрозу безопасность людей и воздушного судна;

3) лазерные устройства, используемые с целью ослепления пилотов и создания условий для крушения или аварии воздушного судна (к сожалению, таких случаев всё больше. Российские пилоты отмечают, что чаще всего инциденты происходят в крупных аэропортах. Особняком стоит Каир: там количество направлений лазеров на самолет в течение одного рейса сравнивают с цветомузыкой – так их много и такие они «красочные». В США начали регистрировать по 20 случаев ослепления ежедневно. Только в Лос-Анджелесе за 2015 г. зарегистрировано около 200 инцидентов, в Финиксе – 183, Хьюстоне – 151, Лас-Вегасе – 132, Далласе – 115;

4) применение компьютеров, в результате которых блокируется или изменяется авиационная связь или создаются помехи другим видам авиационной деятельности (например, банки авиационных данных), что может создать угрозу безопасности людей и воздушного судна [4].

Особое внимание следует уделить использованию взрывных устройств в качестве средства уничтожения воздушного судна. С начала 80-х гг. XX в. во всём мире резко возросло количество террористических актов с применением взрывчатых веществ. При срабатывании взрывного устройства на борту воздушного судна, находящегося в воздухе, как правило, погибают все пассажиры и члены экипажа. Слабая защищённость воздушных судов от террористических актов с применением взрывных устройств стала очевидна после того, как в декабре 1988 г. был взорван над шотландской деревней Локерби самолет Boeing-747 авиакомпании «Пан-Американ». Самодельное взрывное устройство, содержащее пластичное взрывчатое вещество, было размещено в кассетном магнитофоне и в багаже доставлено на

борт. В результате взрыва погибли все пассажиры и члены экипажа. Именно это событие послужило толчком для принятия мировым сообществом экстренных мер по разработке и внедрению в гражданскую авиацию более эффективных методов и средств обнаружения взрывных устройств и взрывчатых веществ.

Существуют основные способы проноса на борт воздушного судна указанных устройств:

- на теле или в ручной клади пассажира;
- закладка взрывного устройства в багаж пассажира;
- закладка взрывного устройства на борт воздушного судна;
- закладка взрывного устройства в почту, груз или бортовые запасы.

Предполётный досмотр пассажиров и их ручной клади начал применяться в гражданской авиации с середины 70-х гг. XX в. В то время основной проблемой было выявление огнестрельного и холодного оружия, а также ручных гранат, которые применяли террористы при захвате воздушных судов. Это и определило выбор технических средств досмотра – стационарный металлоискатель для пассажиров и рентгенотелевизионный интроскоп для ручной клади.

Технические средства досмотра совершенствовались, но гарантированного выявления самодельного взрывного устройства без металлической оболочки они не обеспечивают и в настоящее время. Это ярко проявилось 24 августа 2004 г., когда через час после вылета из аэропорта Домодедово двумя террористками-смертницами были взорваны самолеты ТУ-134 и ТУ-154 российских авиакомпаний, погибли все находившиеся на борту пассажиры и члены экипажей. Как показали результаты расследования, в момент срабатывания взрывные устройства находились на поясе или бёдрах террористок и представляли собой безоболочные СВУ, содержащие около 1 кг пластичного взрывчатого вещества каждое [5, ст. 33].

Предотвращение закладки взрывного устройства в багаж пассажира также является актуальной задачей. Террористы не раз использовали этот способ. Именно так были взорваны в воздухе самолёты американской авиакомпании «PAN AM» в 1988 г. (погибли 270 чел.) и французской «UTA» в 1989 г. (погибли 170 чел.).

Сложность обнаружения взрывного устройства в багаже обусловлена тем, что во многих крупных аэропортах он досматривается в отсутствии пассажира. В случае необходимости открыть чемодан для ручного досмотра приходится снимать его с конвейера и искать лицо, которому принадлежит багаж. К тому же пассажир может даже не знать, что в его багаже находится взрывное устройство. Такой случай имел место в 1986 г., когда в багаже у Анны Мерфи, вылетающей из Лондона в Иорданию, было обнаружено мощное взрывное устройство, которое подложил её любовник по заданию террористической организации. Взрывное устройство было обнаружено методом профайлинга [5, ст. 34].

В 1991 г. подписана Конвенция о маркировке пластических веществ в целях их обнаружения [6]. Данная Конвенция обязывает государства, производящие пластичные взрывчатые вещества, маркировать их специальными метками, легко определяемыми досмотровой аппаратурой.

Для того чтобы повысить безопасность сдаваемого багажа, ещё в 1993 г. ИКАО рекомендовала внедрение трехуровневой системы безопасности:

первый уровень – высокоскоростной рентгенотелевизионный интроскоп с функцией автоматического распознавания образов;

второй уровень – компьютерный томограф;

третий – ручной досмотр в присутствии пассажира и специалиста по взрывным устройствам.

Что касается закладки взрывных устройств непосредственно в воздушное судно, то этот способ террористы не применяли до событий, произошедших 31 октября 2015 г. с российским авиалайнером Airbus 321. Напомним, что самолет А321 российской авиакомпании «Когалымавиа», выполнявший рейс № 9268 Шарм-эль-Шейх – Санкт-Петербург, рухнул на 21-й минуте полета. Как позже установила Федеральная служба безопасности России, причиной крушения стал террористический акт. Несмотря на то, что расследование ещё продолжается, уже сейчас можно сделать определённые выводы. Скорей всего взрывное устройство было установлено на борту воздушного судна, а точнее – в его хвостовой части. Установить его могли либо технический состав, либо посторонние лица, хорошо знакомые с конструкцией воздушного судна, ведь выявить взрывное устройство при предполётном досмотре судна практически невозможно.

Данная проблема может быть решена путём постоянной охраны средств воздушного транспорта на всех этапах их эксплуатации и технического обслуживания, а также за счёт строгого соблюдения пропускного и внутриобъектового режима в аэропортах, тщательной и регулярной проверки лояльности наземного персонала, в том числе на детекторе лжи [5, ст. 34].

Известно, что после взрыва российского воздушного судна над Синаем многие страны ввели повышенный режим безопасности, например, израильская авиакомпания «EL AL» запретила своим пилотам оставаться на ночной отдых в Брюсселе, когда эта страна повысила степень террористической угрозы до максимально высокой. Кроме того, пилотам компании, которые находятся на отдыхе в европейских столицах, рекомендовано не носить лётную форму. К тому же не так давно на израильских пассажирских самолетах были установлены системы защиты от переносных зенитно-ракетных комплексов (ПЗРК) при полёте до 6 000 метров. В декабре 2015 г. Израиль заявил об активной разработке систем защиты воздушных судов от ракетных атак при полете до 10 000 метров, и не только от ПЗРК. Это наглядный пример предупреждающего, так называемого «проактивного» подхода к обеспече-

нию безопасности полётов гражданских воздушных судов, который предусмотрен Приложением 19 к Чикагской Конвенции ИКАО.

В результате анализа событий 11 сентября 2001 г. и ряда других актов воздушного терроризма, имевших место в последние годы, 7 декабря 2001 г. Совет ИКАО принял поправку 10 к Приложению 17 «Безопасность» к Конвенции о международной гражданской авиации, которая стала применяться с 1 июля 2002 г.

Она содержит новые положения, касающиеся:

- а) применимости данного Приложения к внутренним полётам;
- б) международного сотрудничества в области обмена информацией об угрозе;
- в) национальных мер по контролю качества;
- г) контроля доступа в транспортное средство и комплекс воздушного транспорта;
- д) мер досмотра пассажиров и их ручной клади и зарегистрированного багажа;
- е) бортовых сотрудников безопасности и защиты кабины экипажа;
- ж) совместного использования кодов/договорённостей о сотрудничестве;
- з) человеческого фактора;
- и) руководства ответными действиями в связи с актами незаконного вмешательства.

В Приложении № 17 «Безопасность» указано, что «первоочередной целью каждого Договаривающегося государства является безопасность пассажиров, экипажа, наземного персонала и публики в целом во всех случаях, связанных с защитой гражданской авиации от актов незаконного вмешательства. Каждое <...> государство создаёт организацию и разрабатывает и вводит правила, практику и процедуры для защиты гражданской авиации от актов незаконного вмешательства с учётом аспектов безопасности, регулярности и эффективности полётов».

В завершение хотелось бы сказать, что Генеральный секретарь ИКАО письмом от 21 декабря 2017 г. номер LE 3/45-17/135 уведомил государства-члены ИКАО и международные авиационные организации о вступлении в силу с 1 января 2018 г. документа международного воздушного права «Протокол, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконным захватом воздушных судов», известного как Пекинский протокол 2010 г.

Пекинский протокол 2010 г. дополняет Конвенцию о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, подписанную в Гааге в 1970 г. (Гаагская конвенция 1970 г.), путём включения в неё различных видов угона, в том числе с использованием современных технических средств.

Протокол устанавливает уголовную ответственность для руководителей и организаторов преступления, а также ответственность тех лиц, которые оказывают помощь правонарушителю в его попытках избежать расследования, преследования или наказания. К уголовной ответственности может привлекаться любое лицо,

угрожающее совершить преступление, при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что угроза является реальной.

Дата вступления Пекинского протокола в силу установлена в соответствии с пунктом I его статьи XXIII, согласно которому началом действия этого нормативного правового акта устанавливается первый день второго месяца после сдачи на хранение депозитарию двадцать второго документа о ратификации, что и было зарегистрировано [7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коробеев, А. И. Особенности уголовно-правовой борьбы с морским и воздушным пиратством по законодательству России и стран АТР / А. И. Коробеев, Е. А. Князева, Н. А. Князева // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2011. – № 2. – С. 62–71.

2. Халыгов, Н. Г. О. Терроризм на авиационном транспорте: типы угроз и их источники / Н. Г. О. Халыгов, Н. Б. О. Халыгов, Н. Н. О. Мурсакулов, Х. Н. О. Халыгов // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 10. – С. 143–154.

3. Байрамов, Ш. Б. История международного и российского терроризма (от Древнего Рима до Нового времени) : монография / Ш. Б. Байрамов, А. Ю. Пиджаков, Б. А. Смыслов. – СПб. : Санкт-Петербург. гос. мор. техн. ун-т, 2016. – 216 с.

4. Россия Антитеррор: Национальный портал противодействия терроризму [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.antiterror.ru.

5. Волынский, В. Ю. Роль ИКАО по борьбе с актами незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации // Транспортная безопасность и технологии. – 2006. – № 4. – С. 32–34.

6. Конвенция о маркировке пластических веществ в целях их обнаружения: принята в г. Монреале на дипломатической конференции, проведенной ИКАО 12 февраля – 1 марта 1990 г. [Электронный ресурс] // Документ ООН S/22393. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/markconv.shtml.

7. ИКАО: С 1 января 2018 года вступает в силу Протокол, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконным захватом воздушных судов [Электронный ресурс] // Транспортная безопасность и технологии. – Режим доступа: http://transport.securitymedia.ru/news_one_7287.html.

REFERENCES

1. Korobeev A.I., Knyazeva E.A., Kniazeva N.A. Osobennosti ugovovno-pravovoi bor'by s morskim i vozdushnym piratstvom po zakonodatel'stvu Rossii i stran ATR [Features of the criminal and legal struggle against maritime and air piracy under the laws of

Russia and the Asia Pasific states]. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo – Pacific RIM: economics, politics, law*, 2011, no. 2, pp. 62–71.

2. Khalygov N.G.O., Khalygov N.B.O., Mursakulov N.N.O., Khalygov Kh.N.O. Terrorizm na aviatsionnom transporte: tipy ugroz i ikh istochniki [Terrorism in aviation: types of threats and their sources]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2016, no. 10, pp. 143–154.

3. Bayramov Sh.B., Pidzhakov A.Yu., Smyslov B.A. *Istoriya mezhdunarodnogo i rossiiskogo terrorizma (ot Drevnego Rima do Novogo vremeni)* [The history of international and Russian terrorism (from ancient Rome to modern times): a monograph]. St. Petersburg: St. Petersburg State Marine Techn. Univ. Publ., 2016. 216 p.

4. *National counter-terrorism portal*. Available at: www.antiterror.ru (accessed 01 July 2018). (In Russian).

5. Volynsky V.Yu. Rol' IKAO po bor'be s aktami nezakonnogo vmeshatel'stva v deyatel'nost' grazhdanskoi aviatsii [The Role of ICAO in Combating Acts of Unlawful Interference in Civil Aviation]. *Transportnaya bezopasnost' i tekhnologi*, 2006, no. 4, pp. 32–34.

6. *Convention on the Marking of Plastic Substances for the Purpose of Detection, adopted in Montreal at a diplomatic conference held by ICAO from 12 February to 1 March 1990. UN Document S/22393. United Nations. Conventions and agreements*. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/markconv.shtml (accessed 01 July 2018).

7. *ICAO: As from 1 January 2018, a Protocol supplementing the Convention for the Suppression of Unlawful Seizure of Aircraft shall enter into force*. Available at: http://transport.securitymedia.ru/news_one_7287.html (accessed 01 July 2018).

ЗАКОН И ПРАВО

THE LAW AND THE RIGHT

УДК 343.222(470+510)-047.44

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-1-2/117-130

А.А. Ширшов¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: brahma@bk.ru

НОВОЕ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРЕДЕЛОВ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПРОГРЕСС ИЛИ РЕГРЕСС

Аннотация. Настоящая работа посвящена критическому анализу положений российского уголовного и трудового законодательства, которые установили общее и безусловное ограничение права заниматься трудовой деятельностью в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних, лиц, не только имеющих судимость, но и лиц, чья судимость была снята или погашена. Автор анализирует законоположения, устанавливающие ограничения для указанных лиц, анализирует причины, по которым положения трудового законодательства нарушают базовые принципы уголовного закона, рассматривает Постановление Конституционного суда Российской Федерации по этому вопросу.

Автор ставит под сомнение тенденции изменения российского законодательства в части введения не ограниченных во времени пределов уголовной ответственности и приводит в качестве примера нормы китайского уголовного законодательства, демонстрирующие иной, прямо противоположенный подход.

Ключевые слова: Россия, Китай, уголовный кодекс, пределы уголовной ответственности, пожизненное ограничение трудовых прав, судимость, уголовная политика.

¹ Алексей Александрович Ширшов, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Ширшов А.А. Новое в определении пределов уголовной ответственности: прогресс или регресс // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 1–2. С. 117–130.

Alexey A. Shirshov¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: brahma@bk.ru

THE NEW IN THE DEFINITION OF THE CRIMINAL LIABILITY LIMITS: PROGRESS OR REGRESS

Abstract. The present paper conducts a critical analysis of new regulations in the Russian criminal and labour law that stipulate permanent and unconditional restrictions of labour rights in education, childcare, child development, medicare, recreation of children, social work and services, sports and culture not only for people with criminal convictions but also for those whose criminal records were canceled or expired .

The author discloses the contents of legislature that provides restrictions, analyzes the cause of violations of basic principle of the criminal law by the new statements of labour law, reviews the ruling of the Constitutional Court of Russian Federation that contains verification of the constitutionality of questionable legal provisions.

Moreover, the author calls into question the trends in the changing Russian legislation that introduce unlimited-in-time crime responsibility. The author is convinced that so far there have been no objective needs to spread the limitations for the persons, whose criminal records were annulled, and provides examples from the Criminal Code of China which demonstrate a different, completely opposite approach towards this questionable problem.

Key words: Russia, China, criminal code, permanent limitation of labor rights, unlimited crime responsibility, criminal records, criminal policy.

Достаточно долгое время доктрина отечественного уголовного права считала вопрос о конечном моменте действия уголовной ответственности фактически разрешённым.

Не вдаваясь в дискуссию относительно определения понятия уголовной ответственности, отметим, что наиболее тесную связь между ответственностью и судимостью отражает статутный подход к пониманию ответственности в уголовном праве.

Так, В. П. Божьев и Е. А. Фролов определяли уголовную ответственность как «то сопряжённое с государственным осуждением ущемление правового статуса гражданина, которому он по закону подлежит в связи с совершением им преступле-

¹ Alexey A. Shirshov, Candidate of sciences, Criminal Law and Criminology Department of Law school, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Shirshov Alexey. A. The new in the definition of the criminal liability limits: progress or regress // ASIA-PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2018. N 1–2. P. 117–130.

ния. В содержание уголовной ответственности входят поэтому следующие элементы: официальное, от имени государства, порицание личности виновного в преступлении и его деяния; наказание, т. е. причинение ему указанного в санкции закона личного или имущественного ущерба; судимость как особое правовое состояние, ограничивающее права и налагающее дополнительные обязанности на субъекта ответственности» [1, с 89].

И действительно, в отечественном уголовном законодательстве судимость, уже после отбытия наказания (в том случае, если наказание лицу было назначено), долгое время выступала единственным основанием для ограничения правового статуса лица, совершившего преступление и отбывшего наказание.

При этом момент окончания уголовной ответственности большинство учёных связывали с погашением или снятием судимости. «Если возложение на лицо уголовной ответственности сопровождалось назначением наказания, после отбытия которого осужденный считается судимым, – отмечал В. С. Прохоров, – то следует признать, что снятие или погашение судимости и является конечным моментом уголовно-правового отношения, так как именно до этого момента лицо продолжает нести бремя ответственности за совершенное им преступление. Уголовная ответственность ... порочит осужденного в глазах общества. Состояние опороченности существует до тех пор, пока не будет снята или погашена судимость. Карающее воздействие уголовной ответственности очевидно: сам факт признания виновным в совершении преступления подчас влечет для осужденного даже большие страдания и социальные потери, чем применяемое к нему наказание» [5, с. 99].

«Определив, что уголовная ответственность начинает реализовываться с момента признания лица преступником по конкретно совершённом преступлении, – указывал Б. Т. Разгильдиев, – нетрудно установить время, когда уголовная ответственность себя исчерпает. Это время, по истечении которого лицо перестаёт от имени государства признаваться преступником. А оно наступает с момента погашения или снятия судимости» [8, с. 292].

«После отбытия наказания, – отмечали М. П. Карпушин и В. И. Курляндский, – уголовно-правовое отношение может существовать в виде судимости лица до момента её погашения или снятия» [3, с. 31].

Действительно, в ранее действовавшем уголовном законодательстве такая позиция имела весьма надёжный фундамент. Достаточно сказать, что с 1966 по 1993 г. в УК 1960 г. находилась норма о злостном нарушении правил административного надзора, каравшая лиц, имеющих судимость, за нарушения ограничений свободы передвижения, налагавшихся на них административными органами. Непосредственно с судимостью были связаны и многочисленные ограничения, вытекающие из норм государственного, административного, трудового, гражданского, семейного и других отраслей права [9, с. 63–74].

Уже после принятия Уголовного Кодекса России 1996 г. в специальной литературе была высказана точка зрения, в соответствии с которой судимость перестала считаться проявлением уголовной ответственности. Сторонники этой точки зрения свою позицию аргументировали тем, что судимость в силу ч. 1 ст. 86 УК учитывается только при рецидиве и при назначении наказания, а значит, она по закону не может выступать в качестве средства лишения или ограничения прав или свобод лиц, отбывших наказание, но имеющих непогашенную или неснятую судимость. Следовательно, не входя в противоречие с уголовным законом, её нельзя считать «ни несением бремени ответственности» либо продолжением наказания, ни уголовной ответственностью в форме наказания. Никаких ограничений в реализации прав и свобод человека и гражданина в связи с судимостью не зафиксировано и в Конституции, нормативных актах других отраслей права. Отсюда следует, что наличие судимости в целом не ухудшает правового статуса лиц, отбывших наказание» [4, с. 78].

По большому счёту, приведённая выше точка зрения имела право на существование исходя из буквального толкования действовавшей на тот момент (до 29.06.2015 г.) редакции статьи 86 Уголовного кодекса России, однако она вступала в противоречие с иным, не уголовным, законодательством.

Так, целый ряд нормативных актов ограничивал (и ограничивает ныне) права лиц, имеющих судимость. К ним следует отнести нормы ст. 8 Федерального закона «Об инвестиционных фондах», ст. 17 Федерального закона «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», ст. 10.1 Закона «О рынке ценных бумаг», ст. 8 ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации», ст. 9 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», ст. 13 ФЗ «Об оружии» и др.

Анализ вышеуказанных нормативных актов с уверенностью позволяет сделать вывод о том, что лишь снятие или погашение судимости могло служить моментом окончания уголовной ответственности, поскольку снятие или погашение судимости связывалось со снятием всех ограничений правового статуса лица, имевшего судимость.

Подобный вывод согласовывался и с позицией Конституционного Суда РФ, который отмечал, что судимость представляет собой правовое состояние лица, обусловленное фактом осуждения и назначения ему по приговору суда наказания за совершённое преступление и влекущее при повторном совершении этим лицом преступления установленные уголовным законодательством правовые последствия; имеющаяся у лица непогашенная или неснятая судимость порождает особые, складывающиеся на основе уголовно-правового регулирования публично-правовые отношения его с государством, которые при совершении этим лицом новых преступлений служат основанием для оценки его личности и совершенных им преступлений как обладающих повышенной общественной опасностью и потому предполагают применение к нему более строгих мер уголовной ответственности [6].

Однако подход к пониманию как сущности судимости, так и тех ограничений правового статуса, с которыми судимость связана, эволюционировал по мере многочисленных реформ российского законодательства. Изменения законоположений вывели вопрос о судимости и, соответственно, о пределах уголовной ответственности далеко за рамки действия уголовного права. При этом концептуальный подход к пониманию юридической природы судимости, который был выработан Конституционным судом, перестал отвечать потребностям правоприменения.

Традиционный критерий, позволяющий оценить эффективность уголовно-правовых мер и эффективность уголовного наказания, принятый во всем мире, – рецидивоопасность лиц, отбывших наказание. С точки зрения уголовного права юридические последствия судимости ограничиваются институтом рецидива. Истечение определённого временного периода без совершения преступлений после отбытия наказания должно свидетельствовать об окончательной утрате лицом общественной опасности, о достижении целей наказания и о высокой степени вероятности изменения антисоциальной (асоциальной) установки лица, совершившего преступление. При этом другие отрасли права могли также учитывать общественную опасность личности, имеющей судимость, устанавливая соответствующие ограничения.

Однако именно уголовное право достаточно определённо даёт отрицательный ответ на вопрос о том, можно ли считать преступником лицо после отбытия им наказания и погашения (снятия) судимости и презюмирует, что личность лица, судимость которого была снята или погашена, не отличается признаками повышенной общественной опасности по сравнению с остальными.

Эта достаточно последовательная и логичная система оказалась разрушена тогда, когда другие отрасли права стали устанавливать ограничения не только для лиц, имеющих судимость, но и производить оценку степени общественной опасности для тех лиц, судимость которых была снята или погашена, по сути вторгаясь в ту сферу, которая традиционно считалась предметом регулирования права уголовного. Именно поэтому в отечественном законодательстве появился иной подход к решению проблемы правоограничений для таких лиц, отступающий от универсальных уголовно-правовых принципов, на основе которых происходила оценка общественной опасности.

Вопрос о правовых ограничениях для лиц, имеющих снятую или погашенную судимость, не привлекал внимание исследователей достаточно продолжительное время, поскольку подобные ограничения для российского законодательства были скорее исключением из общего правила. Например, ст. 19 Закона РФ «О милиции» прямо указывала, что не могут быть приняты на службу в милицию граждане, имеющие либо имевшие судимость. Подобным же образом решался и вопрос со службой в органах государственной безопасности.

Заметим, что названные законоположения перенесены и в действующее законодательство, например, в статью 14 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Интерес к вопросу правоограничений для лиц, судимость у которых была снята или погашена, стал возникать у исследователей тогда, когда Федеральным законом от 23.12.2010 № 387-ФЗ в Трудовой кодекс РФ были внесены изменения, установившие ограничения на занятие трудовой деятельностью в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних не только для лиц, имеющих непогашенную или не снятую судимость, но и для лиц, имевших когда-либо судимость, подвергнувшихся или подвергавшихся уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконного помещения в психиатрический стационар, клеветы и оскорбления), половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, а также против общественной безопасности.

Подчеркнём, что ранее подобные ограничения действовали лишь в отношении лиц, имевших неснятую или непогашенную судимость. Действовавшая на момент внесения изменений в трудовое законодательство редакция части 6 статьи 86 Уголовного кодекса РФ устанавливала, что погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, связанные с судимостью.

Поскольку возникшие противоречия требовали разрешения как минимум на уровне легального толкования правовых норм, правоприменительная практика оказалась не готовой выработать строгие и чёткие критерии, которые позволили бы обосновать новые правила применения трудового законодательства в отношении лиц, имевших снятую или погашенную судимость, или лиц, в отношении которых уголовные дела были прекращены по нереабилитирующим обстоятельствам. Новый закон затронул права и интересы значительного количества лиц, и в Конституционный Суд Российской Федерации стали поступать жалобы граждан на неконституционность вновь принятых норм.

2013 год ознаменовался принятием одного из самых неоднозначных и противоречивых, на взгляд автора, постановлений Конституционного Суда – Постановления по делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351-1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.К. Барабаш, А.Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы № 19-П от 18 июля 2013 г. [10].

С одной стороны, Конституционный Суд признал оправданным наличие законодательных мер, имеющих целью обеспечение безопасности каждого ребенка как непосредственно от преступных посягательств, так и от неблагоприятного воздействия на его нравственность и психику, которое может существенным образом повлиять на развитие его личности, *даже не будучи выраженным в конкретных противоправных деяниях* (курсив мой. –А.Ш.).

С другой стороны, Конституционный Суд посчитал, что, устанавливая особые правила допуска к профессиональной деятельности и ограничивая тем самым право граждан на свободное распоряжение своими способностями к труду, федеральный законодатель обязан находить баланс конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов, соблюдать принципы справедливости, равенства и соразмерности, которые выступают в качестве конституционных критериев оценки законодательного регулирования прав и свобод, используя при этом не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные конституционно одобряемыми целями меры; при этом ограничения прав и свобод во всяком случае не должны посягать на само существо права и приводить к утрате его основного содержания.

Конституционный Суд указал, что ограничения права на выбор рода деятельности и профессии для лиц, чья виновность в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, а преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности – независимо от степени их тяжести – установлена вступившим в законную силу приговором суда (даже если впоследствии судимость снята или погашена), не могут рассматриваться как нарушающие конституционный принцип соразмерности.

Мотивирована эта позиция была тем, что на современном этапе развития общества невозможно гарантировать надлежащее исправление лица, совершившего преступление, таким образом, чтобы исключить возможность рецидива преступлений. Конституционный Суд счёл, что сам факт совершения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности в силу особенностей объекта посягательства, тяжести последствий таких преступлений свидетельствует об опасности, которую эти лица могут представлять для жизни, здоровья и нравственности несовершеннолетних.

Таким образом, Конституционный Суд признал соответствующим Конституции РФ общее и безусловное ограничение права на занятие указанными видами деятельности для лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, а также преступления против половой свободы и половой неприкосновенности.

Полагаем, что такой подход нельзя признать полностью безупречным исходя из нижеследующих соображений.

Во-первых, общий и безусловный запрет не отвечает принципам дифференциации ответственности и индивидуализации наказания, которые выступают базовы-

ми для уголовно-правового регулирования. Действительно, закон не может учесть всех нюансов, связанных с обстоятельствами совершённого преступления, мотивами преступного поведения, особенностями личности преступника et cetera. Для компенсации подобного несовершенства законодательства и существует судебное усмотрение, границы которого, кстати говоря, за последние годы законодателем были существенным образом расширены.

Во-вторых, действующее уголовное законодательство содержит средства, позволяющие достичь баланса конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов, не прибегая к крайностям. Так, часть вторая ст. 47 Уголовного кодекса РФ предусматривает, что в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью устанавливается на срок до двадцати лет в качестве дополнительного вида наказания. К этим случаям законодатель относит, в частности, совершение лицом отдельных преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности. Очевидно, что наличие у суда возможности запретить лицу заниматься трудовой деятельностью в сфере образования, воспитания на столь длительный срок как раз и может гарантировать баланс публичных и частных интересов.

В-третьих, сроки погашения судимости в случае совершения лицом тяжкого или особо тяжкого преступления составляют соответственно 8 и 10 лет. Само по себе истечение указанных немалых сроков, с точки зрения законодателя, свидетельствует об отпадении рецидивоопасности лица, то есть выступает определенной гарантией его исправления. Чем руководствовался законодатель и какие аргументы против констатации исправления лица после истечения сроков погашения судимости использовал Конституционный Суд, осталось неясным.

Наконец, часть 6 статьи 86 УК РФ в редакции, действовавшей на момент вынесения Постановления Конституционным Судом, устанавливала, что погашение или снятие судимости аннулировало **все** правовые последствия, связанные с судимостью. Однако на возникшее явное противоречие должного внимания Конституционный Суд не обратил.

Что же получилось в итоге?

С одной стороны, законодатель учёл позицию Конституционного Суда и решил вопрос о введении механизмов, позволяющих лицам, имевшим судимость за совершение предусмотренных ст. 351.1 ТК преступлений небольшой либо средней степени тяжести, получить доступ к занятию трудовой деятельностью в сфере образования, воспитания.

С другой стороны, абсолютный и полный запрет на занятие указанными видами деятельности для лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, а

также преступления против половой свободы и половой неприкосновенности, получил подтверждение своего соответствия Конституции.

С точки зрения теории уголовного права это означает лишь одно – поскольку ограничения статуса лица, совершившего тяжкие и особо тяжкие преступления, а также преступления против половой свободы и половой неприкосновенности, действуют бессрочно, также бессрочно для таких лиц будет существовать и уголовная ответственность, которая связана с ограничением правового статуса осужденного и не будет связана с погашением или снятием судимости. При этом аргументы в пользу того, что названные ограничения не входят в содержание уголовной ответственности, противоречат её сущности и юридической природе как инструмента, ограничивающего правовой статус лица, совершившего преступление.

На взгляд автора, подобные бессрочные ограничения, безусловно, излишни и приведут лишь к очередному витку стигматизации лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления: если мы относимся к человеку как к преступнику, он, скорее всего, и станет таковым. Эту особенность хорошо описал в одной из своих ранних работ по проблеме преступности Фрэнк Танненбаум: «Нет ничего более вредного из того, что придумало наше общество в его борьбе с преступностью, чем этот подход. Пользуясь им, оно заявляет о «состоявшейся карьере» преступника столь громко и в столь драматическом тоне, что и он, и всё общество воспринимают это заявление как окончательную характеристику. Человек действительно чувствует себя преступником, а общество к тому же ждёт от него оправдания этой репутации, и оно не похвалит его, если он не сумеет этого сделать» [12, с. 28–29].

Кроме того, очень серьёзные сомнения вызывает решение законодателя и позиция Конституционного Суда в отношении названных выше ограничений для лиц, уголовные дела в отношении которых были прекращены по нереабилитирующим основаниям. Уголовный закон связывает возможность прекращения уголовного преследования, в частности, учитывая невысокую общественную опасность как самого деяния, так и лица, его совершившего.

Особый интерес в связи со сказанным представляет собой анализ тенденций развития уголовного законодательства Китайской Народной Республики.

В УК КНР фактически нет нормы, которая бы устанавливала правовые последствия судимости. Статья 100 УК КНР предусматривает обязанность для лица, отбывшего уголовное наказание, при поступлении на работу, военную службу, не утаивая, правдиво сообщить в соответствующие органы, что оно отбыло уголовное наказание. Однако фактически институт судимости в КНР существует.

В 2001 г. председатель Научно-исследовательского центра российского права профессор Хуан Даосю в ходе открытой лекции обратила внимание на то, что в российском уголовном праве существует очень много положительных моментов, которым китайцы должны учиться. Хуан Даосю сказала: «В российском Уголовном

кодексе есть понятие «судимость», предусмотрено, сколько лет после наказания погашается судимость и когда она может быть снята. У нас в Китае нет понятия судимости, но фактически она существует. Более того – она пожизненная, а это несправедливо. В Китае с большим интересом наблюдают за развитием законодательства России: сегодня важнейшим принципом российского права является гуманизм, что свидетельствует о зрелости и о высоком развитии общества» [2].

Очевидно, что к идеям профессора Даосю прислушался китайский законодатель.

В 2009 г., по сообщениям агентства Синьхуа, несовершеннолетние города Лэлин, освобождённые от отбывания наказания, получили извещения правоохранительных органов, которые свидетельствовали о погашении их судимости. Это означало, что при трудоустройстве на работу они не будут обязаны сообщать о своем «тёмном» прошлом. Народный суд и 10 других заинтересованных ведомств совместно обнародовали документ, подтверждающий введение в практику «погашения судимости» для бывших несовершеннолетних заключенных. В соответствии с новыми правилами, судимость автоматически погашается в отношении несовершеннолетних, приговорённых за преступления к лишению свободы на срок до трёх лет сразу после отбытия наказания, а в отношении лиц, получивших 3–5, 5–10 и более 10 лет, судимость погашается в установленном порядке по истечении одного, трёх и шести лет соответственно после отбытия наказания при отсутствии случаев повторного совершения правонарушений.

Кроме того Верховный народный суд КНР в марте 2009 г. опубликовал Основные положения реформы народных судов на 3-е пятилетие, в которых содержалась идея создания системы погашения судимости несовершеннолетних, совершивших незначительные преступления, после отбытия наказания [11].

Очевидно, что указанные выше изменения в правовое регулирование института судимости в КНР – лишь первый шаг на долгом пути совершенствования китайского уголовного законодательства в сторону его гуманизации.

В контексте сказанного, нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что Конституционный Суд РФ обошёл молчанием вопрос о лицах, совершивших, будучи несовершеннолетними, преступления, выступающие основанием полного запрета на занятие отдельными видами профессиональной деятельности. Между тем уголовная ответственность несовершеннолетних и правовые последствия судимости для несовершеннолетних всегда выступала самостоятельным предметом уголовно-правового регулирования. Так, часть 4 статьи 18 УК РФ устанавливает, что при признании рецидива преступлений не учитываются судимости за преступления, совершённые лицом в возрасте до восемнадцати лет. Однако никаких изъятий относительно судимости, полученной лицом в возрасте до восемнадцати лет, правила статей 331 и 351.1 Трудового кодекса не содержат.

По глубокому убеждению автора, установление ограничений в виде полного запрета на занятие отдельными видами профессиональной деятельности для лиц, привлекавшихся за совершение тяжких и особо тяжких преступлений в несовершеннолетнем возрасте, а также лиц, в отношении которых уголовное преследование было прекращено, пусть и по нереабилитирующим основаниям, сомнительно и противоречит общепризнанным принципам правового регулирования. Кроме того, вызывает сомнение сама концепция возможности полного и постоянного ограничения прав лиц, судимость которых снята и погашена. Думается, что профессор Даосю несколько переоценила зрелость и высокий уровень развития российского законодательства.

Напомню, что до 2014 г. наличие судимости не выступало препятствием для избрания судимого лица в Государственную думу Федерального Собрания Российской Федерации. В настоящий момент закон устанавливает сроки, после истечения которых лицо со снятой или погашенной судимостью будет вправе быть избранным как в Государственную Думу, так и на пост Президента Российской Федерации. Бессрочный запрет в этой сфере для лиц, имевших судимость, отсутствует. При этом Конституционный Суд по этому вопросу занял принципиально иную позицию, посчитав что соразмерность ограничений пассивного избирательного права предполагает не одно только исключение бессрочности запрета на его реализацию, и указал, что при наличии определённого, достаточно продолжительного срока ограничения данного права соразмерность должна обеспечиваться не за счёт одного лишь его законодательного распространения на категории тяжких и особо тяжких преступлений, но и посредством индивидуализации назначаемого судом наказания, соответствующего характеру и степени общественной опасности преступления, относящегося к указанным категориям [7]. Нам же остается только предполагать, с чем связана такая двойственность подхода к решению вопроса о правоограничениях для лиц, имеющих снятую или погашенную судимость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Божьев, В. П. Уголовно-правовые и процессуальные правоотношения / В. П. Божьев, Е. А. Фролов // Советское государство и право. – 1974. – № 1. – С. 88–90.
2. В Китае судимость пожизненная – сообщила китайский профессор студентам СФУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.press-line.ru/news/2011/09/v-kitae-sudimost-pozhiznennaya-soobshhila-kitayskiy-professor-studentam-sfu>.
3. Карпушин, М. П. Уголовная ответственность и состав преступления / М. П. Карпушин, В. И. Курляндский. – М. : Юрид. лит., 1974. – 232 с.
4. Мальцев, В. В. Введение в уголовное право / В. В. Мальцев. – Волгоград : ВЮИ МВД России, 2000. – 204 с.

5. Прохоров, В. С. Преступление и ответственность / В. С. Прохоров. – Л. : ЛГУ, 1984. – 136 с.

6. По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 [Электронный ресурс] : постановление Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан от 19 марта 2003 № 3-П // Российская газета. – 2003. – 2 апреля, № 61. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41474/.

7. По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», ч. 1 ст. 10 и ч. 6 ст. 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Б. Егорова, А. Л. Казакова, И. Ю. Кравцова, А. В. Куприянова, А. С. Латыпова и В. Ю. Синькова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 г. № 20-П // Российская газета – Федеральный выпуск. – 2013. – 23 октября, № 6214.

8. Разгильдиев, Б. Т. Уголовно-правовые отношения и реализация ими задач уголовного права Российской Федерации / Б. Т. Разгильдиев ; под ред. Н. И. Матузова. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1995. – 320 с.

9. Санталов, А. И. Теоретические вопросы уголовной ответственности / А. И. Санталов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1982. – 96 с.

10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности пункта 13 ч. 1 ст. 83, абзаца третьего ч. 2 ст. 331 и ст. 351-1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. К. Барабаш, А. Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы № 19-П от 18 июля 2013 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – 29 июля, № 30 (часть II). – Ст. 4189.

11. Погашение судимости откроет чистую страницу в жизни несовершеннолетних в Китае [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.cri.cn/841/2009/09/19/1s307370.htm>

12. Tannenbaum, F. Crime and the Community / F. Tannenbaum. – New York ; London : Columbia University Press, 1963. – 487 p.

REFERENCES

1. Bozh'ev V.P., Frolov E. A. Uголовно-pravovye i protsessual'nye pravootnosheniya [Legal crime and procedural Relationship]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1974, no. 1, p. 88–90.
2. *Crime records in China are lifelong – the Chinese professor told SFU students*. Available at: <http://www.press-line.ru/news/2011/09/v-kitae-sudimost-pozhiznennaya-soobshhila-kitayskiy-professor-studentam-sfu> (accessed 1 March 2018). (In Russian).
3. Karpushin M.P., Kurlyandskii V.I. *Uголовnaya otvetstvennost' i sostav prestupleniya* [Crime responsibility and corpus delicti]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ., 1974. 232 p.
4. Mal'tsev V.V. *Vvedenie v uголовnoe pravo* [Introduction to the Criminal Law]. Volgograd: Higher Law Inst. of the Ministry of Foreign Affairs of Russia Publ., 2000. 204 p.
5. Prokhorov V.S. *Prestuplenie i otvetstvennost'* [Crime and responsibility]. Leningrad: Leningrad St. Univ. Publ., 1984. 136 p.
6. In the case on the verification of the constitutionality of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation regulating the legal consequences of a person's conviction, repeated and recidivist crimes, and paragraphs 1-8: decree of the State Duma of May 26, 2000 «On declaring an amnesty in connection with The 55th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War of 1941-1945» in connection with the request of the Ostankino intermunicipal (district) court of the city of Moscow and the complaints of a number of citizens dated 2003, March 19, no. 3-P. *Rossiiskaya gazeta*, 2003, April 02, no. 61. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41474/ (accessed 01 March 2018). (In Russian).
7. In the case on the verification of the constitutionality of subparagraph «a» of paragraph 3.2 of Article 4 of the Federal Law «On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in the Referendum of Citizens of the Russian Federation», Part 1 of Art. 10 and part 6 of Art. 86 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with complaints of citizens GB Egorov, AL Kazakov, I.Yu. Kravtsov, A.V. Kupriyanov, A.S. Latypov and V. Yu. Sinkov: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 2013, October 10, no. 20-P. *Rossiiskaya gazeta – Federal'nyi vypusk*, 2013, October 23, no. 6214 (238). (In Russian).
8. Razgil'diev B.T. *Uголовно-pravovye otnosheniya i realizatsiya imi zadach uголовnogo prava RF* [Legal crime Relationship and implementation of the objectives of Crime law]. Saratov: Saratov St. Univ. Publ., 1995. 320 p.
9. Santalov A.I. *Teoreticheskie voprosy uголовnoi otvetstvennosti* [Theoretical issues of crime responsibility]. Leningrad: Leningrad St. Univ. Publ., 1982. 96 p.

10. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation in the case on verification of constitutionality of Clause 13 Part 1 of Art. 83, the third paragraph of Part 2 of art. 331 and art. 351-1 of the Labor Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens VK Barabash, AN Bekasov and others and the request of the Murmansk Regional Duma of 2013, July 18, no. 19-P. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2013, July 29, no. 30 (Part II), art. 4189. (In Russian).

11. *Expunging a conviction can will open y new page in juvenile offender's life in China*. Available at: <http://russian.cri.cn/841/2009/09/19/1s307370.htm> (accessed 01 March 2018). (In Russian).

12. Tannenbaum F. *Crime and the Community*. New York; London: Columbia University Press, 1963. 487 p.

УДК 342.951:351.862.68(5:265)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-1-2/131-139

Я.О. Кучина¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: kuchina.yao@dvfu.ru

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЛАЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. Цифровые технологии в современном мире зачастую лишены границ и ограничений. Как и любая конкурентоспособная ИТ, технологии, специализирующиеся на обороте услуг в облаке, разработанные в одной стране, функционируют практически так же, как и в других странах. Это может быть основанием полагать, что законы в этих странах должны быть одинаковыми, но это не так. Особенности конкретной правовой системы, правовой истории и традиции государства приводят к различиям в этой сфере. Кроме того, влияние на особенности правового регулирования облачных технологий оказывают международные акты, которые активно изменяются в связи с эволюцией сферы регулирования, судебные прецеденты, инциденты в сфере предоставления услуг. Благодаря этому постепенно начинает формироваться новый институт правового регулирования – национальное облачное право, состоящий, на данный момент, из целой системы разнородных нормативных актов. В данной статье автор предпринимает попытку кратко изложить основные особенности уже сложившегося правового регулирования на примере нескольких стран Азиатско-Тихоокеанского региона, уделяя внимание вновь принятым законодательным актам, путям предполагаемого развития нормативных актов, становящимся ключевыми в современном мире облачных услуг.

Ключевые слова: облачные технологии, облачные вычисления, регулирование облачных технологий, национальное законодательство в сфере ИТ, киберправо, цифровые отношения, право стран АТР, Китайская Народная Республика, Республика Корея, Австралия.

¹ Ярослава Олеговна Кучина, кандидат юридических наук, LL.M., доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Кучина Я.О. Законодательное регулирование облачных технологий в некоторых странах Азиатско-Тихоокеанского региона // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 1–2. С. 131–139.

Yaroslava O. Kuchina¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

E-mail: kuchina.yao@dvfu.ru

LEGISLATIVE REGULATION OF CLOUD TECHNOLOGIES IN SOME COUNTRIES OF ASIA PACIFIC REGION

Abstract. Digital technologies in the modern world often have no borders or limitations. Like any competitive IT, technologies that specialize in the circulation of services in the cloud, developed in one country, mostly function similarly in other countries. There may be grounds for believing that laws in these countries should be the same, but it is not the case. The specific features of the specific legal system, legal history and traditions of the state lead to differences in this area. In addition, international acts that are actively changing in connection with the evolution of the regulatory sphere, judicial precedents, and incidents in the provision of services have an impact on the specifics of the legal regulation of cloud technologies. Thanks to this, a new institution of legal regulation is gradually being formed - a national cloud law, consisting, at the moment, of a whole system of diverse normative acts. In this article, the author attempts to briefly outline the main features of the already established legal regulation in the case of several countries in the Asia-Pacific region, paying attention to the newly adopted legislative acts, the paths of prospective development that become key factors in the modern world of cloud services.

Keywords: cloud technologies, cloud computing, cloud technology regulation, national IT legislation, cyber law, digital relations, the law of the APR countries, People's Republic of China, The Republic of Korea, Australia.

Транснациональная природа облачных услуг вызывает больше правовых вопросов, чем «локализованные» компьютерные технологии, особенно в плане соотношения национального законодательства, международных норм и системы соглашений (договоров), которые непосредственно регулируют предоставление облачных услуг. Исследование ряда научных работ позволяет заключить, что национальной норме в этой системе отведено последнее место, поскольку виртуализованная технология не может быть привязана к юрисдикции конкретной страны. Однако такой вывод будет ошибочным, поскольку в настоящее время большинство государств, заинтересованных в тех преимуществах, что приносят экономике облачные технологии, активно развивают законодательное регулирование в этой области.

¹ Yaroslava O. Kuchina, Candidate of Law Sciences, Assistant Professor of the Department of Criminal law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation.

For citing: Kuchina Yaroslava O. Legislative regulation of cloud technologies in some countries of the Asia Pacific region // ASIA-PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2018. N 1–2. P. 131–139.

На основе законодательной практики ряда стран АТР мы можем выделить несколько важных моментов, касающихся национального облачного регулирования. Во-первых, было бы разумно предположить, что, поскольку в технологическом смысле облака одного государства ничем не отличаются от облаков в другом, законодательное регулирование также должно совпадать в ряде ключевых моментов. Однако это не так. Необходимо отметить, что не только правовая система, но и государственная политика, история права и прочие элементы существенным образом влияют на облачное законодательство в пределах каждой конкретной страны. А потому различия существенны.

Первым государством (и, насколько нам удалось определить, единственным на данный момент), имеющим специализированный нормативно-правовой акт о регулировании облачных технологий, стала Республика Корея. 9 сентября 2015 г. южнокорейское министерство науки (Ministry of Science, ICT and Future Planning, MSIP) установило и объявило о «Мерах защиты информации для повышения эффективности облачных сервисов» [1] в ожидании активного использования облачных вычислений на основе реализации Закона «О продвижении облачных вычислений и защите пользователей» от 28 сентября 2015 г.

Этот закон представляет собой попытку законодательно урегулировать повышение соревновательного потенциала страны в общей гонке за развитие облачных технологий, которую Республика Корея в настоящий момент проигрывает Китаю. Закон представляет собой интереснейший опыт урегулирования облачного рынка, позволяя частному облачному сервису принимать участие в государственном секторе, стимулирует инвестиции в исследования и обязывает строить законодательную базу для адекватной защиты данных пользователей облачных вычислений – т.е. содержит в себе положения относительно государственной политики разрешения всех тех проблем, что становятся «роковыми» для национальных облачных провайдеров, особенно в условиях конкуренции с компаниями-гигантами из США.

Закон также устанавливает обязанность провайдера сообщать об утере информации пользователям, которые, в свою очередь, получают право требовать доступа к персональным данным, хранящимся за рубежом. Кроме того, Закон запрещает раскрытие информации третьим лицам и инструктирует их уничтожать информацию пользователя, когда они перестают предоставлять услугу, тем самым закрепляя принцип о «праве быть забытым». В нём также предусмотрена ответственность облачных провайдеров за ущерб пользователю, явившийся последствием нарушения конфиденциальности данных. Это положение является редчайшим примером исключения возможности ограничения ответственности провайдера, принятого в мире как одна из распространённых договорных практик в облачных соглашениях стандартного типа. При этом, согласно разъяснениям экспертов-юристов, Закон также обязывает иностранных провайдеров раскрывать личную информацию о

пользователях, хранящуюся за рубежом, причем эти положения обязательны для любых поставщиков облачной услуги, включая «мировых монополистов» вроде Google или Apple [2].

«Меры защиты информации для повышения эффективности облачных сервисов» представляют собой план по выдвиганию на передний план ряда проблем, которые будут решены к 2019 г. В число этих проблем включены следующие:

1. Совершенствование уровня информационной безопасности облачных сервисов и создание системы реагирования на аварийные ситуации:

1.1. Подготовка и внедрение стандартов защиты облачной информации, включая административные и технические меры, которые должны соблюдать облачные провайдеры в целях защиты информации.

1.2. Создание и использование аналитического центра обмена информацией в облаках в качестве системы предотвращения случаев нарушения облака и управления группой реагирования на аварийные ситуации с целью сведения к минимуму ущерба, если такие случаи произойдут.

2. Создание Фонда защиты облачных пользователей:

2.1. Внедрение системы регистрации пользовательской информации для предотвращения потери информации пользователями и обеспечения совместимости между различными облачными службами.

2.2. Установка и распространение стандартного облачного соглашения, чтобы предотвратить ущерб пользователей, и подготовка документа «Стандарт качества и производительности облачного сервиса».

2.3. Подготовка и распространение «Рекомендаций по безопасному использованию облака» [3].

«Меры защиты информации для повышения эффективности облачных сервисов» связаны с повышением доверия к провайдерам облачных вычислений и защите пользователей, согласно прямому указанию в ст. 4 Закона «О продвижении облачных вычислений и защите пользователей». Меры направлены на смягчение проблем с нарушениями информационной безопасности, что является самым серьезным препятствием, которое в настоящее время мешает распространению облачных услуг среди пользователей, особенно корпоративных. Меры являются частью тенденции постепенного совершенствования правил, касающихся защиты информации, реализуемой корейским правительством с 2011 г. [4].

Применительно к этому нужно отметить, что национальное регулирование облачных технологий не может полностью избежать международного влияния. Это происходит либо тогда, когда причина изменения процедуры предоставления услуг монополистами в этой области ИТ начинает ограничивать национальный рынок, либо же когда судебный прецедент (или иная правоприменительная практика) начинает диктовать международную политику и существенно влияет на политику

внутри конкретной страны. Так было в случае с инцидентом Эдварда Сноудена, после которого множество государств, независимо друг от друга, приняли законы о запрете хранения персональных данных за пределами государственных границ, существенно повлияв на транснациональные характеристики облачных услуг. Однако это же порой ведёт к ситуации, когда одна и та же компания, одновременно предоставляя облачные услуги для местного и иностранного потребителя, предлагает им разные по форме и содержанию договоры.

Это порождает тенденцию, которая, на наш взгляд, является самой важной: если национальные и международные стандарты разнятся слишком сильно, в пределах государства возникает «закон в законе», что делает национальное облачное право практически мертвым, особенно если в стране отсутствуют судебные споры в этой области. Это свойственно ряду стран СНГ, где компьютерное законодательство отстаёт от своего же технологического рынка.

Эта тенденция не слишком очевидна правоприменителю или участнику облачного правоотношения, только пока не наработано достаточно количества судебной практики в данной сфере (например, в Австралии нами было найдено всего два иска, в 2005 и в 2014 г.). Но очевидно, что такая ситуация не может длиться бесконечно, особенно если на национальном рынке относительно облачных технологий возрастает потребительский интерес. Мы считаем необходимым заметить, что полагать, будто национальное облачное регулирование изначально более низкого качества, чем международные нормы, – неверно. Однако бездействие в описанной ситуации может губительно сказаться на развитии рынка облачных технологий вообще, потому что, устав ждать достаточного уровня единообразия, потребители обратятся к иностранным провайдерам, которые следуют менее двусмысленной практике.

Основными областями правового регулирования, с которыми сталкиваются государства, являются те же – защита данных, неприкосновенность личности, вопросы применимого права, доступ третьих лиц и т.д., однако пути их решений могут различаться, и при том существенно. Так в Австралии в 2014 г. были введены в действие тринадцать новых Принципов конфиденциальности (в рамках действующего Закона о конфиденциальности 1998 г.), с целью как можно более подробно урегулировать вопросы собирания, хранения, использования и передачи персональных данных. Эти Тринадцать принципов заменили Национальные принципы конфиденциальности, которые действовали в отношении юридических лиц. С ними можно ознакомиться в Поправке о конфиденциальности от 2012 г. [5, 6, 7, 8]. На данный момент они устанавливают пределы использования персональных данных для всех государственных органов, действующих на территории Австралии и Норфолкских островов, для некоммерческих и коммерческих организаций, для субъектов, предоставляющих медицинские услуги, и некоторых представителей малого и среднего предпринимательства. Помимо этого они могут быть применены как к

компьютерной, так и облачной технологиям. Остановимся на основных принципах, которые стоит рассмотреть, применительно к исследованию регулирования облачных технологий.

Первый принцип обязывает провайдеров обрабатывать персональные данные, руководствуясь принципами открытости и прозрачности. Сюда входит необходимость указывать актуальную информацию о конфиденциальности, которая должна быть размещена открыто и раскрывать, каким образом данные собираются и для чего, а также какая информация подлежит сбору. Такие требования открывают большие перспективы для облачных провайдеров, поскольку делают облачные договоры понятнее для потребителя, а также позволяют провайдеру не нести ответственность за информацию, которая им не собиралась для обеспечения предоставления услуги.

Второй принцип регулирует вопросы анонимизации данных и устанавливает правило, согласно которому ряду лиц может быть дано право не идентифицировать себя, взаимодействуя с технологией или услугой. Этот принцип также определяет, что именно является персональными данными, а что нет, включая такие сложные для определения моменты, как содержание электронной почты.

Третий принцип касается сбора запрошенных личных данных, которые определяются как данные, которые «объективно необходимы или напрямую относятся» [9] к осуществлению провайдером определённых функций или предоставлению конкретных услуг.

Шестой принцип регулирует вопросы раскрытия информации третьим лицам, что, как мы уже объясняли, является наиболее деликатным вопросом предоставления облачных услуг. Согласно этому принципу, собранная информация не может быть раскрыта, если она собиралась для конкретной цели, а цель раскрытия – иная. Перечень назначения сбора информации и исключений из принципа прилагается. И здесь сразу необходимо упомянуть восьмой принцип, касающийся трансграничного раскрытия данных. Это возможно только если субъект, ответственный за сбор персональных данных, предпримет все возможные обоснованные меры исключить нарушение Принципов субъектом, которому данные будут переданы.

Последним принципом, относящимся к облачным технологиям, является одиннадцатый. Он регулирует правила обеспечения сохранности персональных данных и обязанность уничтожить персональные данные. Согласно ему «уничтожение или деперсонализация персональных данных» обязательны, если они более не нужны для целей, для которых были собраны или им угрожает раскрытие [9].

Как мы видим, сама система Принципов и то, как они организованы, отличаются в лучшую сторону от широко применяемых нормативно-правовых актов, проанализированных в предыдущих частях исследования. Полагаем, что такая система формулирования и изложения несомненно более подходит для эффективного регу-

лирования предоставления облачных услуг, поскольку она в упорядоченной и категоричной манере устанавливает стандарты наиболее важного (для пользователя) аспекта использования облаков – сохранности данных, которые им туда помещены. Особенности облачных технологий позволяют существенно злоупотреблять этой привилегией, поскольку это позволяет «неочевидность» технологических процессов для потребителя. Решением этой проблемы становятся именно такие упорядоченные правила обращения с персональными данными, какие представляют из себя Тринадцать принципов. К сожалению, сравнительно недавнее их введение исключает наличие судебной практики, позволяющей оценить, насколько эффективными они являются при предъявлении исковых требований и какие проблемы могут возникать в ходе применения нормы. Однако на данный момент нами не обнаружена хоть сколь-нибудь существенная их критика.

Отметим также, что, после ряда инцидентов с раскрытием данных пользователей третьим лицам без уведомления, многие государства решились на введение запрета хранить данные за пределами государства и связали их нахождение с местонахождением дата-контроллера.

Так, в 2015 г. Китайская Народная Республика (КНР) представила «Руководство о содействии инновациям и развитии облачных технологий с целью создания новых видов информационных услуг», которое определяет национальную политику и стратегическое развитие китайской облачной индустрии [10] и является базовым актом для дальнейшего развития законодательного регулирования облачных и сопутствующих услуг. В руководстве отдельно выделены вопросы безопасности данных и их защиты в облаках, а также вопросы раскрытия данных третьим лицам и вопросы хранения их в пределах и за пределами КНР.

Таким образом мы видим, что законодательство в сфере облачных технологий постепенно обретает свою форму и тенденции развития, при этом они не всегда следуют тому, что диктуют международные акты или сложившаяся контрактная практика облачного регулирования. Более того, складывается впечатление, что ряд стран предпринимает попытки «выйти» за пределы навязываемых им облачными провайдерами-монополистами рамок. Более всего это очевидно в сфере регулирования предоставления облачных услуг частного характера или для государственных нужд. Однако, как мы можем заметить, и обычный потребитель, вступающий в публичное правоотношение с облачным провайдером, постепенно попадает в сферу интересов законодателя, что, вполне возможно, приведёт к созданию национальных облачных законодательных институтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. New Cloud Computing Legislation In South Korea [Электронный ресурс] // MAPPING Policy Observatory. – Режим доступа: <https://observatory.mappingtheinternet.eu/item/new-cloud-computing-legislation-in-south-korea>.
2. South Korea Cloud Computing Legislation Labelled «World First». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-comlaw.com/data-protection-law-and-policy/article_template.asp?ID=1328&Search=Yes&txtsearch=put.
3. Ministry of Science, ICT and Future Establishes «Information Protection Measures for Vitalization of Cloud Services» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://s3.amazonaws.com/documents.lexology.com/ca41d0ff-0334-4093-971b-5202d0d3017d.pdf>.
4. BSA report on the level of legislative regulation of cloud security in the Republic of Korea [Отчет BSA об уровне законодательного регулирования безопасности облачных технологий в Республике Корея] [Электронный ресурс] // Country_Report_Korea. – Режим доступа: http://cloudscorecard.bsa.org/2012/assets/PDFs/country_reports/Country_Report_Korea.pdf.
5. Privacy Act 1988 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www5.austlii.edu.au/au/legis/cth/consol_act/pa1988108/.
6. Privacy fact sheet 2: National Privacy Principles (replaced on 2014, March 12) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oaic.gov.au/privacy-law/privacy-archive/privacy-resources-archive/privacy-fact-sheet-2-national-privacy-principles>.
7. Australian Privacy Principles 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oaic.gov.au/privacy-law/privacy-act/australian-privacy-principles>.
8. Privacy Amendment (Enhancing Privacy Protection) Act 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2012A00197>.
9. De Busser, E. Data Protection in EU and US Criminal Cooperation: A Substantive Law Approach to the EU Internal and Transatlantic Cooperation in Criminal Matters between Judicial and Law Enforcement Authorities / E. De Busser. – Antwerp ; Apeldoorn ; Portland : Maklu, 2009. – 474 p.
10. Руководящие мнения по содействию инновациям и развитию облачных вычислений для развития новых видов информационных услуг (2015 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-01/30/content_9440.htm. – Кит.

REFERENCES

1. New Cloud Computing Legislation in South Korea. *MAPPING Policy Observatory*. Available at: <https://observatory.mappingtheinternet.eu/item/new-cloud-computing-legislation-in-south-korea> (accessed 14 May 2018).

2. South Korea Cloud Computing Legislation Labelled «World First». Available at: http://www.e-comlaw.com/data-protection-law-and-policy/article_template.asp?ID=1328&Search=Yes&txtsearch=put (accessed 14 May 2018).

3. *Ministry of Science, ICT and Future Establishes «Information Protection Measures for Vitalization of Cloud Services»* Available at: <https://s3.amazonaws.com/documents.lexology.com/ca41d0ff-0334-4093-971b-5202d0d3017d.pdf> (accessed 14 May 2018).

4. BSA report on the level of legislative regulation of cloud security in the Republic of Korea. *Country_Report_Korea*. Available at: http://cloudscorecard.bsa.org/2012/assets/PDFs/country_reports/Country_Report_Korea.pdf (accessed 14 May 2018).

5. *Privacy Act 1988*. Available at: http://www5.austlii.edu.au/au/legis/cth/consol_act/pa1988108/ (accessed 14 May 2018).

6. *Privacy fact sheet 2: National Privacy Principles (replaced on 2014, March 12)*. Available at: <https://www.oaic.gov.au/privacy-law/privacy-archive/privacy-resources-archive/privacy-fact-sheet-2-national-privacy-principles> (accessed 14 May 2018).

7. *Australian Privacy Principles 2014*. Available at: <https://www.oaic.gov.au/privacy-law/privacy-act/australian-privacy-principles> (accessed 14 May 2018).

8. *Privacy Amendment (Enhancing Privacy Protection). Act 2012*. Available at: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2012A00197> (accessed 14 May 2018).

9. De Busser, E. *Data Protection in EU and US Criminal Cooperation: A Substantive Law Approach to the EU Internal and Transatlantic Cooperation in Criminal Matters between Judicial and Law Enforcement Authorities*. Antwerp; Apeldoorn; Portland: Maklu, 2009. 474 p.

10. *Guiding Opinions for Promoting the Innovation and Development of Cloud Computing to Cultivate New Types of Information Industry Services (2015)*. Available at: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-01/30/content_9440.htm (accessed 14 May 2018). (In Chinese).

УДК 342.53

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-1-2/140-151

А.С. Кошель¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: koshel.as@dvfu.ru

К ВОПРОСУ ГЕНЕЗИСА УЧЕНИЯ О ПАРЛАМЕНТСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. В статье рассматривается эволюция учения о парламентском праве в зарубежной и отечественной философской, юридической и политической науках с древнейших времен до наших дней. Проблема народовластия и представительной демократии, законности и роли закона в общественной жизни с древнейших времён выступала объектом исследования философов. В результате буржуазных революций в Европе особое место в исследованиях учёных заняли проблемы разделения властей и роли парламента как института представительной демократии в политической модели устройства общества. Впервые термин «парламентское право» был введён в 1915 г. Г.М. Робертом, который теоретически был им развит уже в 1921 г. в работе «Азы парламентской культуры». В России исследованию парламентского права значение стали придавать лишь с 1993 г., когда после принятия Конституции Российской Федерации были восприняты основные демократические стандарты народовластия и разделения властей. Российское государство с этого времени встало на путь формирования демократических суверенных институтов, поэтому вопросы парламентаризма в научной литературе до сих пор рассматриваются весьма фрагментарно, а подчас и противоречиво. Статья раскрывает генезис правовой мысли о народовластии, представительной демократии, теории разделения властей, парламентаризме, законотворчестве. Представляется, что в обобщённом виде положения статьи могут быть использованы для формирования теоретических основ полноценного учения о парламентском праве России на современном этапе. По мнению автора, парламентское право, обладая самостоятельным предметом, в настоящее время актуально для исследования в своем комплексе с целью теоретического обобщения и развития теории парламентского права как самостоятельной отрасли (подотрасли) права.

Ключевые слова: демократия, разделение властей, парламент, парламентаризм, теория права, парламентское право, законотворчество.

¹ Алексей Сергеевич Кошель, юрист, кандидат политических наук, доцент Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Кошель А.С. К вопросу генезиса учения о парламентском праве // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 1–2. С. 140–151.

Alexey S. Koshel¹

Far-Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: koshel.as@dvfu.ru

ON GENESIS OF THE PARLIAMENTARY LAW THEORY

Abstract. The article examines the evolution of parliamentary law theory in foreign and domestic philosophical, legal and political knowledge through the ages. Since ancient times, the problem of democracy and representative democracy, the rule of law and the role of law in public life have been the object of study for philosophers. As a result of the bourgeois revolutions in Europe, the problems of power separation and the role of parliament as an institution of representative democracy in the political model of society organization took a special place in the research of scientists. The term "parliamentary law" was first introduced in 1915 by H.M. Robert, who theoretically developed it in 1921 in the work "Parliamentary Practice: An Introduction to Parliamentary Law". In Russia, the study of parliamentary law began to attach importance only in 1993, when after the adoption of the Constitution of the Russian Federation the basic democratic standards of democracy and separation of powers were accepted. Since that time, the Russian state has taken the path of forming democratic sovereign institutions; therefore, the issues of parliamentarism in the scientific literature are still studied very fragmentarily, and sometimes even contradictory. The article reveals the genesis of the legal thought about democracy, representative democracy, the theory of separation of powers, parliamentarism, and law-making. Generalized provisions of the article can be used to form the theoretical foundations of a full-fledged doctrine of Russia's parliamentary law at the present stage. According to the author, the parliamentary law, having an independent subject, is currently relevant to be studied and generalized into a theory of parliamentary law as an independent area (sub-sector) of law.

Key words: democracy, separation of powers, parliament, parliamentarism, theory of law, parliamentary law, lawmaking.

Исследованию народовластия, представительной демократии, народного представительства и роли закона, которые несомненно положили основу учению о парламентаризме – ключевому элементу парламентского права, посвящали свои работы философы и учёные с древнейших времён. Теме законности и парламентаризма

¹ Alexey S. Koshel, legist, Ph.D. in Political Science, assistant professor of School of Humanities of Far-Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Koshel A.S. On genesis of the parliamentary law theory // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2018. № 1–2. P. 140–151.

посвящены тысячи работ зарубежных и отечественных учёных. Несомненно, в рамках одной научной статьи раскрыть полностью генезис учения о парламентском праве невозможно, поэтому хотелось бы сразу отметить, что в ряде случаев автор касается отдельных аспектов парламентаризма, законности, теоретико-правовых основ законодательной (представительной) власти. Вместе с тем, теория разделения властей, из которой впоследствии была выведена самостоятельная теория парламентаризма, развивалась не линейно, а как бы урывками, по спирали, вплоть до настоящего времени. Для наибольшего удобства можно выделить этапы, или, вернее, периоды изучения парламентского права научным сообществом. В качестве обоснования такой периодизации предложим уровень развития теоретико-методологического аппарата и самого предметного поля парламентского права.

В качестве первого этапа стоит выделить период становления учения о народо-власти и роли закона (V в. до н.э. – XVI в. н.э.). Этот период охватывает философскую мысль Древней Греции, Древнего Рима и Средневековья. В этот период закладываются предпосылки к появлению теории разделения властей.

Древнегреческие учёные-материалисты Гераклит Эфесский и Демокрит отводили в своих работах наивысшее место роли закона и демократии, которые считали наивысшим благом, сравнивая любой противный демократии общественный строй с рабством, а закон относили к результату соглашения между людьми. Их последователи софисты Антифонт и Платон сравнивали почитание закона с высшей справедливостью, которая отличает человека разумного от дикого животного; законы же относили к велению природы, а не продукту соглашения, которые ведут к истинной свободе человека от любой тирании. Древнегреческий ученый Аристотель, обобщив опыт 158 древнегреческих государств-полисов, считал, что государство – форма общения, суть демократия от природы, наивысшим благом почитал политику как форму государственного устройства, в которой большинство правит на основе закона в интересах всеобщей пользы, и впервые на деле описывал предтечу современной демократии и парламентаризма, где большинство представляют государственные мужи, преимущественно из среднего класса, законодательствующие и управляющие над всем государством, по сути идеализируя Афинский «Совет четырёхсот», появившийся в результате реформ Солона. Сходных мнений придерживался и Эпикур. Древнеримские учёные Марк Туллий Цицерон и Луций Анней Сенека продолжили поиск наилучших форм государственного правления и исследование природы закона. Цицерон считал, что государство призвано обеспечить общий правопорядок, где закон – связующее звено гражданского общества, однако по большей части он видел задачей древнеримского Сената обеспечение этого правопорядка, а право – констатацией естественной природы общественных отношений. Сенека, развивая эту мысль, считал уже, что соблюдение человеческих законов, принятых демократично, на основе всеобщего согласия (плебисцита), – суть общее благо.

В эпоху Средневековья основное внимание уделялось верховенству и торжеству закона при единоличной самодержавной власти монарха, избираемого населением либо в силу Божественного Провидения наследующего в монаршем роду. Поэтому в данный период парламентаризм не изучался, а некоторыми просветителями и учёными, напротив, считался вредным для государства. Вместе с тем, именно к этой эпохе относится появление термина «парламент» (фр. parler – говорить, обсуждать что-л.), когда в Вестминстерском статуте 1275 г. этим термином обозначили Высший совет знати Англии (собрание высших феодалов, представителей высшего духовенства), появившийся ещё в 1215 г. в результате борьбы английской знати с абсолютизмом Короны, закреплённый в статье 14 Великой Хартии Вольностей 1215 года и с того момента наряду с Коронай навсегда закрепившийся в системе государственного управления Англии. Хотя сами по себе предпарламентские институты появились в некоторых северных странах и ранее – в Швеции, в Исландии, Народное Вече в Новгородской и Псковской республиках.

Второй этап (XVII в. – первая половина XIX в.) характеризуется становлением теории разделения властей, усилением роли парламента в управлении государством. В этот период английский парламент, претендующий на сокращение королевских привилегий и усиление своей роли в политической жизни страны, идёт на масштабные преобразования, которые привели к гражданской войне в 1640–1642 гг. и казни короля Карла I. В 1688 г. «Славная революция» окончательно закрепила конституционную монархию и парламент как законодательный орган власти. В этот период происходит и Великая французская революция, в результате которой Генеральные штаты как орган сословно-представительной монархии преобразуются в Национальное собрание, де-юре и де-факто ставшее высшим органом управления Франции.

Начало идеям современного парламентаризма было положено лишь в эпоху Нового времени. Основная и главная для развития парламентаризма теория разделения властей появилась именно в эту эпоху. Впервые о необходимости разделения властей (по крайней мере, законодательной и судебной) заговорил английский философ Фрэнсис Бэкон в своей работе «О достоинстве и приумножении наук» [1]. Основоположителем теории разделения властей, где верховная (у Локка – дословно «политическая») или законодательная власть принадлежит представительному органу, является английский философ и просветитель XVII в. Джон Локк. В своей работе «Два трактата о правлении» Локк идеалом государственного правления видит «гражданское правление», в котором народ является источником «политической» власти, которой принадлежит право на законотворчество. Только в таком государстве человек обретает, по мнению Локка, истинную свободу, присущую человеку по его природе. Локк выделяет две ветви государственной власти – политическую (или законодательную), которая имеет право издавать законы, контролирует правительство, и исполнительную власть во главе с монархом, включая всю

систему правительственных органов и судей, также назначаемых монархом, но независимых от правительства.

Французский философ XVIII в. Шарль Луи Монтескье в своей бессмертной работе «О духе законов» [8] заключает, что право издавать законы должно принадлежать только народу. Развивая идеи Бэкона и Локка, фактически соединяя их воедино, он создает современную теорию разделения властей, где законодательная власть принадлежит народу посредством избираемого им парламента, исполнительная – монарху (главе государства) и правительству, судебная же состоит из судей. Все три ветви власти, по мнению Монтескье, независимы и не имеют права судить и влиять друг на друга иначе как в силу закона.

Другой французский философ и просветитель XVIII века Жан-Жак Руссо центральное место в своих работах уделит учению о парламентаризме как таковом, называя законодательную власть «сердцем государства». В своём труде «Об общественном договоре, или принципы политического права» [15] он отмечает, что в результате общественного договора народ как источник суверенитета должен законодательствовать самостоятельно, а в случае, когда непосредственное осуществление воли народа невозможно, законодательствует парламент от имени народа. Однако, вместе с тем, Руссо ехидно замечает, что истинно народ свободен лишь в период выборов народных депутатов, отмечая также, что даже выборный представительный орган в полной мере не способен выразить волю самого народа. Позже развитие идей Гоббса, Локка, Монтескье и Руссо мы находим в работах Гегеля, который чётко выделял три ветви власти – законодательную, исполнительную и судебную. Парламентаризм в условиях гражданского общества при конституционной монархии он считал несомненным благом.

Наивысшим достижением правовой мысли XVIII в., оказавшим влияние на последующее развитие парламентаризма, является французская Декларация прав человека и гражданина (принята Национальным учредительным собранием Франции 26 августа 1789 г.). Впервые на законодательном уровне были закреплены основные принципы современного парламентаризма: «Принцип всякой верховной власти принадлежит нации. Ни одна коллегия, ни одно лицо не могут отправлять власти, не исходящей непосредственно от нации <...>. Закон есть выражение общей воли. Все граждане вправе лично или через представителей участвовать в составлении законов» [2]. Идеи французской декларации прав человека были восприняты и развиты американскими философами и политическими деятелями Томасом Джефферсоном, Александром Гамильтоном и Джорджем Мэдисоном при составлении Декларации представителей США, собравшихся на общий конгресс, и американской Конституции в 1787 г., воспринятыми спустя многие годы в конституциях многих государств. Французская революция 1789 г. оказала влияние на появление идей народовластия, народного представительства и верховенства закона и в российском

обществе XIX в. Важнейшие идеи народовластия, гражданского общества и верховенства права появились в работах М.М. Сперанского, П.И. Пестеля. Хотя, стоит отметить, что в тот же период появились и реакционисты, которые отвергали ценность парламентаризма и видели в нём угрозу целостности России. Отдельно стоит выделить учение Б.Н. Чичерина [17], в котором государство определяется как объединение свободных граждан на основе права и управляется верховной властью, формируемой непосредственно народом.

Третий период (середина XIX в. – начало XX в.) характеризуется появлением учения о парламентаризме и представительной демократии. В 1844 г. увидела свет и первая книга о парламентских процедурах «Трактат о праве, привилегиях, процедурах и устройстве парламента» [20], принадлежащая перу Томаса Эрскина Мэя.

С появлением коммунистических (социалистических) идей теория народовластия и народного представительства получила новый виток развития. Ключевое учение К. Маркса включает в себе отход от основных положений государства и права, которые в период коммунизма не представляют никакой ценности, а союз свободных людей сам по себе не будет нуждаться в каком бы то ни было регулировании, отношения же между людьми должны строиться в гражданском обществе на основе всеобщего согласия и обмена исключительно на основе разделения труда. Гражданин государства и есть высший орган управления, он сам по себе государь, а законодательная власть – единственная, она устанавливает государственный строй, но ему же и подчинена, и все граждане должны иметь право участвовать в реализации законодательной власти. Особняком стоит учение П.А. Кропоткина [4], который видел идеал будущего в анархичном коммунизме, представляющим собой федерацию самоуправляемых общин, над которой нет верховной власти, а отношения между людьми регулируются не законом, а естественным правом и соглашением между ними. По сути, учения Маркса и Кропоткина заложили основу идеи социализма и народного представительства в органах власти, а также реализацию законодательных полномочий всех граждан через иерархическую систему советов, формируемых либо непосредственно народом, либо «матрешечным» характером, где нижестоящие советы формируют вышестоящие посредством делегирования в них своих представителей, развитую В.И. Ульяновым (Лениным) в своих работах и реализованную в становлении советского государства и советской конституции после Октябрьской революции в России в 1917 г. Ключевое отличие советов от демократических парламентов, по утверждению Ленина, в том, что «советы дают возможность соединения выгод парламентаризма с прямой демократией, то есть соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию, и исполнение законов» [6]. Учению о советах, их организации и реализации законодательных функций через систему советов посвятили свои работы Г.С. Гурвич, Ю.С. Кукушкин, А.И. Лукьянов, Т.Е. Новицкая, О.И. Чистяков.

В этот же период за рубежом начинается процесс систематизации учения о парламентаризме, народовластии и законотворчестве. В 1915 г. во введении к четвертому изданию своего труда «Отредактированные правила регламента Роберта» американский бригадный генерал Генри Мартин Роберт впервые вводит термин «парламентское право» (англ. *parliamentary law*). Роберт, определяя парламентское право, пишет: «...парламентское право первоначально относится к обычаям и правилам ведения дел в английском парламенте, а отсюда и к обычаям совещательных собраний в целом. В Англии эти обычаи парламента составляют часть неписаного закона страны, и в наших собственных законодательных органах они имеют власть во всех случаях, когда они не противоречат существующим правилам или прецедентам» [21]. Именно перу Роберта принадлежит и начало изучения лоббизма (от англ. *lobby* – кулуары). В своей работе «Азы парламентской культуры» [13] Роберт описывает причины и существовавшие тогда методы лоббистской деятельности. По своей сути лоббизм – особый вид политической деятельности определённых кругов влияния (корпораций, общин, профсоюзов и т.д.), заключающийся в их воздействии на органы власти (в первую очередь законодательные, отчасти исполнительные) с целью принятия выгодных решений либо непринятия невыгодных. Лоббистская деятельность на начальном этапе изучения носила характер политического института, и лишь впоследствии, в работах иных авторов, стала изучаться как правовой институт, также требующий отдельного особого регулирования.

Федерализм также внёс свои особенности в структуру исследования парламентаризма. Особенности представительства не только самого народа, но и отдельных субъектов федерации при подготовке и принятии законов в федеративном государстве посвящены работы Д.Л. Златопольского, Л.В. Смирнягина, Г.Р. Хабибуллина, И.А. Умновой.

На современном, четвертом, этапе (начало XX в. – настоящее время) изучение парламентаризма в России и за рубежом носит как комплексный (общетеоретический) характер, так и фрагментарный, нацеленный на изучение отдельных аспектов парламентаризма и законотворчества, в том числе и в отдельных странах.

В частности, исследованию современной теории разделения властей, теории парламентаризма, месту парламента в системе разделения властей, а также отечественному парламентаризму посвящены работы С.А. Авакьяна, А.С. Автономова, У. фон Алефмана, С.Н. Бабурина, О.Н. Булакова, И.В. Гранкина, Р.К. Гупта, В.Д. Зорькина, Д. Деметера, Н. Джонсона, С.В. Кабышева, С.К. Кашапа, М.М. Ковалевского, Н.М. Коркунова, И.В. Котелевской, Б.С. Крылова, М.Н. Лазаревой, А.И. Лукьянова, В.Н. Лысенко М.Н. Марченко, Дж. С. Милля, А.А. Мишина, А.Г. Мульгана, С.П. Обухова, И.П. Рыбкина, А.Ф. Смирнова, И.М. Степанова, Т.Я. Хабриевой, Е. Хубнера, В.Е. Чиркина, В.А. Шеховцова.

Исследованию ключевого аспекта работы парламента – законодательного процесса посвящены работы Ш.Г. Лоури [20], М.С. Райана [19], Д. Кейла [18], А.В. Мицкевича [7], Э. Старгис [23]. В том числе исследованию отечественного законодательного процесса посвятили свои работы Р.Ф. Васильев, А.С. Виноградов, В.А. Лебедев, А.С. Пиголкин.

Законопроектная работа правительства также стала изучаться на современном этапе, в частности этот вопрос стал предметом исследований И.Л. Бачило, Г.А. Гаджимагомедова, О.А. Борзунова, Г.П. Ивлева, А.Д. Керимова, М.В. Кострицкой, О.Н. Семеновой, Ю.А. Тихомирова, И.И. Шувалова.

Отдельное внимание на современном этапе уделяется и парламентскому контролю. Исследованию парламентского контроля посвятили свои работы А.И. Козлов [3], А.В. Кузнецов [5], К.К. Ненилин [9], Ю.В. Плюта [11], Д.Б. Трошев [16].

Парламентское право, как было замечено выше, стало впервые предметом исследований в зарубежной литературе ещё в 1915 году, но в отечественной науке стало изучаться лишь в конце XX в., после падения социалистического строя и в период становления Федерального Собрания Российской Федерации. Наиболее известными работами в этой сфере являются монография Б.Н. Топорнина «Очерки парламентского права» [24], монография Любимова А.П. «Парламентское право России: основные источники» [25], учебное пособие «Парламентское право России» под ред. И.М. Степанова, Т.Я. Хабриевой, научно-практическое пособие «Основы парламентского права» под ред. Т.Я. Хабриевой. В работах впервые в отечественной науке уделено место исследованию предмета, метода и места парламентского права в системе права [10].

Отсталость в разработке концепции парламентского права в России, по очень меткому замечанию академика РАН Т.Я. Хабриевой, не удивительна, так как там, где не было парламентаризма, не было и парламентского права. Вместе с тем, развитие законодательства и правовых обычаев и традиций парламентаризма свидетельствует о важности и необходимости исследования парламентского права [10]. Этот тезис подтверждается и преподаванием парламентского права в качестве обязательного курса в рамках подготовки юристов на юридическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета, и открытием магистерской программы по юриспруденции «Муниципальное и парламентское право» в Дальневосточном федеральном университете.

Резюмируя, приходим к следующему выводу. С древнейших времен парламентское право исследуется фрагментарно: особняком идёт изучение демократии, теории разделения властей, парламентаризма, отдельных полномочий законодательного органа, в особенности – законодательного процесса, законопроектной деятельности и лоббизма. Современный этап развития парламентаризма характеризуется как фрагментарным изучением отдельных институтов парламентского права,

так и зарождением целостного теоретико-правового учения о парламентском праве. Вместе с тем, парламентское право, обладая самостоятельным предметом, в настоящее время актуально для исследования в комплексе с целью теоретического обобщения и развития теории парламентского права как самостоятельной отрасли (подотрасли) права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бэкон, Ф. О достоинстве и приумножении наук // Правовая мысль : антология / Ф. Бэкон ; авт.-сост. В. П. Малахов. – М. : Академический проспект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. – С. 179–186.
2. Декларация прав человека и гражданина (принята 26 августа 1789 года) // Правовая мысль : антология / авт.-сост. В. П. Малахов. – М. : Академический проспект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. – С. 365–366.
3. Козлов, А.И. Институт парламентского контроля в Российской Федерации и государствах Центральной и Восточной Европы: сравнительно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А.И. Козлов. – М., 2011. – 200 с.
4. Кропоткин, П.А. Современная наука и анархизм // Правовая мысль : антология / П. А. Кропоткин ; авт.-сост. В. П. Малахов. – М. : Академический проспект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. – С. 521–526.
5. Кузнецов, А.В. Парламентский контроль в субъектах Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А. В. Кузнецов. – М., 2002. – 189 с.
6. Ленин, В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33 / В.И. Ленин. – Изд. 5-е. – М. : Политиздат, 1981. – С. 10–119.
7. Мицкевич, А.В. Система права и система законодательства: развитие научных представлений и законотворчества // Проблемы современного гражданского права : сб. статей памяти С. Н. Братуся. – М., 2000. – С. 20–45.
8. Монтескье, Ш.Л. О духе законов // Правовая мысль : антология / Ш.Л. Монтескье ; авт.-сост. В. П. Малахов. – М. : Академический проспект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. – С. 209–213.
9. Ненилин, К.К. Парламентский контроль в Российской Федерации и в Республике Болгарии : сравнительно-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / К.К. Ненилин. – М., 2013. – 194 с.
10. Основы парламентского права : научно-практическое пособие / под ред. Т.Я. Хабриевой. – М. : Издание Государственной Думы, 2006. – 280 с.
11. Плюта, Ю.В. Конституционно-правовые основы парламентского контроля в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Ю.В. Плюта. – Челябинск, 2012. – 233 с.
12. Победоносцев, К.П. Великая ложь нашего времени / К.П. Победоносцев. – М. : Русская книга, 1993. – 640 с.

13. Роберт, Г.М. Азы парламентской культуры / Г.М. Роберт. – New York : Liberty Publishing House, 1992. – 301 с.
15. Руссо, Ж.Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права // Правовая мысль : антология / Ж.Ж. Руссо ; авт.-сост. В.П. Малахов. – М. : Академический проспект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. – С. 218–221.
16. Трошев, Д.Б. Парламентские расследования как форма контроля федерального собрания Российской Федерации за деятельностью федеральных органов государственной власти : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Д.Б. Трошев. – М., 2008. – 181 с.
17. Чичерин, Б.Н. О народном представительстве / Б.Н. Чичерин. – М. : Тип. Сытина, 1899. – 838 с.
18. Cagle, J. A. Parliamentary Procedure: Toward the Good Order of the University, 2002 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.plforums.com/phone/cagle/#home>.
19. Ryan, M.S. Parliamentary procedure / M. S. Ryan. – New York : Cornwall Books, 1985. – 238 p.
20. Lowry, S.G. A New Look at: Parliamentary Procedure / S.G. Lowry, S.J. Holik // North Central Regional Extension Publication. – 1976. – July, no. 48.
21. May, T.S. (esq.). A Treatise upon the Law, Privileges, Proceedings and Usage of Parliament / T.S. May. – London, 1844. – 496 p.
22. Mulgan, A.G. The Politics of Agriculture in Japan / A.G. Mulgan. – London ; New York : Routledge, 2000. – XXIII, 856 p.
23. Sturgis, A. The Standard Code of Parliamentary Procedure / A. Sturgis. – 4th ed. – New York : McGraw-Hill, 2001. 320 p.
24. Очерки парламентского права: (зарубежный опыт) / РАН. Ин-т государства и права; под ред. и с предисл. Б.Н. Топорнина. – М. : ИГПАН, 1993. – 179 с.
25. Любимов, А.П. Парламентское право России: основные источники / А.П. Любимов. – СПб. : ГП «Центр компьютер. Разработок», 1997. – 308 с.
26. Конституционный строй России. Вып. 2 : Вопросы парламентского права. М. : ИГПАН, 1995. – 131 с.

REFERENCES

1. Bekon F. O dostoinstve i priumnozhenii nauk [On the dignity and augmentation of the sciences]. Malakhov V.P., auth.-compiler. *Pravovaya mysl': Antologiya* [Legal thought: anthology]. Moscow: Akademicheskii prospekt Publ.; Ekaterinburg: Delovaya kniga Publ., 2003, pp. 179–186.
2. Deklaratsiya prav cheloveka i grazhdanina (prinyata 26 avgusta 1789 goda) [Declaration of the rights of man and citizen (adopted August 26, 1789)]. Malakhov V.P.,

auth.-compiler. *Pravovaya mysl': Antologiya* [Legal thought: anthology]. Moscow: Akademicheskii prospekt Publ.; Ekaterinburg: Delovaya kniga Publ., 2003, pp. 365–366.

3. Kozlov A.I. *Institut parlamentskogo kontrolya v Rossiiskoi Federatsii i gosudarstvakh Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Institute of parliamentary control in the Russian Federation and the states of Central and Eastern Europe: comparative legal research]. Cand. Diss. (Legal Sci.). Moscow, 2011. 200 p.

4. Kropotkin P.A. *Sovremennaya nauka i anarkhizm* [Modern science and anarchism]. Malakhov V.P., auth.-compiler. *Pravovaya mysl': Antologiya* [Legal thought: anthology]. Moscow: Akademicheskii prospekt Publ.; Ekaterinburg: Delovaya kniga Publ., 2003, pp. 521–526.

5. Kuznetsov A.V. *Parlamentskii kontrol' v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii* [Parliamentary control in the subjects of the Russian Federation]. Cand. Diss. (Legal Sci.). Moscow, 2002. 189 p.

6. Lenin V.I. *Gosudarstvo i revolyutsiya* [State and Revolution]. *Polnoye sobranie sochinenii. T. 33* [Complete Works. Vol. 33]. 5th ed. Moscow: Politizdat Publ., 1981, pp. 10–119.

7. Mitskevich A.V. *Sistema prava i sistema zakonodatel'stva: razvitie nauchnykh predstavlenii i zakonotvorchestva* [The system of law and the system of legislation: the development of scientific concepts and lawmaking]. *Problemy sovremennogo grazhdanskogo prava: sbornik statei pamyati S.N. Bratusya* [Collection of Articles of Remembrance S.N. Bratus]. Moscow, 2000, pp. 20–45.

8. Monteske Sh.L. *O dukhe zakonov* [On the spirit of laws]. Malakhov V.P., auth.-compiler. *Pravovaya mysl': Antologiya* [Legal thought: anthology]. Moscow: Akademicheskii prospekt Publ.; Ekaterinburg: Delovaya kniga Publ., 2003, pp. 209–213.

9. Nenilin K.K. *Parlamentskii kontrol' v Rossiiskoi Federatsii i v Respublike Bolgarii: sravnitel'no-pravovoi analiz* [Parliamentary control in the Russian Federation and the Republic of Bulgaria: a comparative legal analysis]. Cand. Diss. (Legal Sci.). Moscow, 2013. 194 p.

10. Khabrieva T.Ya. *Osnovy parlamentskogo prava: nauchno-prakticheskoe posobie* [Fundamentals of parliamentary law: a scientific and practical guide]. Moscow: Publication of the State Duma, 2006. 280 p.

11. Plyuta Yu.V. *Konstitutsionno-pravovye osnovy parlamentskogo kontrolya v Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional and legal bases of parliamentary control in the Russian Federation]. Cand. Diss. (Legal Sci.). Chelyabinsk, 2012. 233 p.

12. Pobedonostsev K.P. *Velikaya lozh' nashego vremeni* [The great lie of our time]. Moscow: Russkaya kniga Publ., 1993. 640 p.

13. Robert G.M. *Azy parlamentskoi kul'tury* [The fundamentals of parliamentary culture]. New York: Liberty Publ. House, 1992. 301 p.

15. Russo Zh.Zh. *Ob obshchestvennom dogovore, ili printsipy politicheskogo prava* [On the social contract, or the principles of political law]. Malakhov V.P., auth.-compiler. *Pravovaya mysl': Antologiya* [Legal thought: anthology]. Moscow: Akademicheskii prospekt Publ.; Ekaterinburg: Delovaya kniga Publ., 2003, pp. 218–221.
16. Troshev D.B. *Parlamentskie rassledovaniya kak forma kontrolya federal'nogo sobraniya Rossiiskoi Federatsii za deyatel'nost'yu federal'nykh organov gosudarstvennoi vlasti* [Parliamentary investigations as a form of control of the Federal Assembly of the Russian Federation over the activities of federal bodies of state power]. Cand. Diss. (Legal Sci.). Moscow, 2008. 181 p.
17. Chicherin B.N. *O narodnom predstavitel'stve* [About people's representation]. Moscow: Printing house of Sytin Publ., 1899. 838 p.
18. Cagle J.A. *Parliamentary Procedure: Toward the Good Order of the University, 2002*. Available at: <http://www.plforums.com/phone/cagle/#home> (accessed 10 January 2018).
19. Ryan M.S. *Parliamentary procedure*. New York: Cornwall Books, 1985. 238 p.
20. Lowry S.G., Holik J.S. A New Look at: Parliamentary Procedure. *North Central Regional Extension Publication*, 1976, July, no. 48.
21. May T.S. (esq.). *A Treatise upon the Law, Privileges, Proceedings and Usage of Parliament*. London, 1844. 496 p.
22. Mulgan A.G. *The Politics of Agriculture in Japan*. London; New York: Routledge, 2000. XXIII, 856 p.
23. Sturgis A. *The Standard Code of Parliamentary Procedure*. 4th ed. New York: McGraw-Hill, 2001. 320 p.
24. Topornin B.N., ed. *Ocherki parlamentskogo prava (zarubezhnyi opyt)* [Essays on parliamentary law: (foreign experience)]. Moscow: Institute of State and Law, Academy of Sciences Publ., 1993. 179 p.
25. Lyubimov A.P. *Parlamentskoe pravo Rossii: osnovnye istochniki* [Parliamentary law of Russia: main sources]. – St. Petersburg: State Enterprise «Center computer. Development» Publ., 1997. 308 p.
26. *Konstitutsionnyi stroi Rossii. Vyp. 2 : Voprosy parlamentskogo prava* [The constitutional system of Russia. Issue. 2: Issues of Parliamentary Law]. Moscow: Institute of State and Law, Academy of Sciences Publ., 1995. 131 p.

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Айриш Чарльз Роберт, директор Восточноазиатского центра правовых исследований Университета Висконсин-Мэдисон, профессор Юридической школы Университета Висконсин-Мэдисон, США.

Бакланов Петр Яковлевич, академик РАН, доктор географических наук, директор Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Белкин Виктор Григорьевич, доктор экономических наук, профессор, Школа экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Жариков Евгений Прокофьевич, доктор экономических наук, профессор, Школа экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Князев Сергей Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда России, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия.

Коробеев Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы ДВФУ, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Владивосток, Россия.

Курилов Владимир Иванович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, г. Владивосток, Россия.

Ли Се Ун (Lee Se Ung), Председатель Совета Shin IL Educational Foundation, Seoul Cyber University, г. Сеул, Республика Корея.

Пак Ноенг, декан Юридического факультета Университета Корё, г. Сеул, Республика Корея.

Печерица Владимир Федорович, доктор исторических наук, профессор, Восточный институт – Школа региональных и международных исследований ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Присекина Наталья Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент Юридической школы ДВФУ, заместитель директора Юридической школы по науке и инновациям, почетный консул Республики Чили, г. Владивосток, Россия.

Снайдер Дэниел (Sneider Daniel), заместитель директора по науке Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований имени Шоренстайна Стэнфордского университета, США.

Фу Куен-чен, профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, г. Шанхай, КНР.

Хуан Даосю (Huang Daoxiu), председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, г. Пекин, КНР.

EDITORIAL BOARD'S DATA

Charles R. Irish, Senior Director, East Asian Legal Studies Center, Volkman-Bascom Professor of Law (emeritus), University of Wisconsin-Madison, USA.

Peter Y. Baklanov, the Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor in Geographical Sciences, Director of the Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Academy of Sciences, Vladivostok, Russia.

Victor G. Belkin, Doctor in Economics, Professor, School of Business and Public Administration, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Evgeny P. Zharikov, Doctor in Economics, Professor, School of Business and Public Administration, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Sergey D. Knyazev, Doctor in Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia.

Alexander I. Korobeev, Doctor in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chair of Criminal Law and Criminology Department, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Vladimir I. Kurilov, Doctor of Law, Professor, Honorary University Educationalist of the Russian Federation, Vladivostok, Russia.

Lee Se Ung, Chair of the Board, Shin IL Educational Foundation, Seoul Cyber University, Republic of Korea.

Nohyoung Park, Ph.D., Dean, School of Law, Director of Cyber Law Center, Korea University, Seoul, Republic of Korea.

Vladimir F. Pecheritsa, Doctor in Historical Sciences, Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Natalia G. Prisekina, Ph.D. in Law, Associate Professor, Honorary Consul of the Republic of Chile, Vice Director for Research and Innovation, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Daniel C. Sneider, Associate director for research at the Walter H. Shorenstein Asia-Pacific Center at Stanford University, USA.

Kuen-chen FU, Ko Guan Chair, Professor in Law, Ko Guan Law School, Shanghai Jiao Tong University, PRC.

Huang Daoxiu, Professor, Chairman of the Research Centre for the Study of Russian law, Beijing, PRC.

**АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

**ЭКОНОМИКА
ПОЛИТИКА
ПРАВО**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

2018

№ 1–2

Главный редактор

В.И. Курилов, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Редакционная коллегия

Ч.Р. Айриш, П.Я. Бакланов, В.Г. Белкин,
Е.П. Жариков (зам. гл. ред.), С.Д. Князев, А.И. Коробеев (зам. гл. ред.),
Ли Се Ун, Пак Ноенг, В.Ф. Печерица, Н.Г. Присекина,
Дэниел Снайдер, Фу Куен-чен, Хуан Даосю

Ответственный за выпуск

В.В. Короченцев

Редактор *Т.Л. Федотова*

Перевод на английский язык *Н.В. Бетанкурт*

Редактор References *Т.В. Поликарпова*

Компьютерная вёрстка *С.А. Прудкогляд*

Подписано в печать 15.07.2018 г.

Дата выхода в свет 19.10.2018 г.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 12,42.

Тираж 500 экз. Заказ 474-1.

Дальневосточный федеральный университет
690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Отпечатано в Издательстве
Дальневосточного федерального университета
690990, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10